

КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА

КНИГА 9

КАК УКРАСТЬ ДРАКОНИЙ МЕЧ

КОМУ ЖЕ
ДОСТАНЕТСЯ
КОРОНА?

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

Остров Душегубов

Замёрзший
Остров Нурде

Отчаянье
Чернобородья

Гостедавны
Земли

Земли
Отщепенцев

ВАРВАРСКИ

Мародёрская Гавань
Войтели
Рифа

Остров Олух

Острова
Остолопов

Бой-Бабы
Острова

Поземелья
Драчунов

Остров
Завтра

ЗЫБЬ

Последний
Приют

Драконий нос

Призрачные Болота

Архипелаг

Ущелье Торова Грома

Миралюбивая Страна

Остров Тихий

Фехтовальная Школа "Гром и Молния"

Летнее течение

Берсерк

Кровавый Залив

Загадка

Место драконьих кладок

Хляби

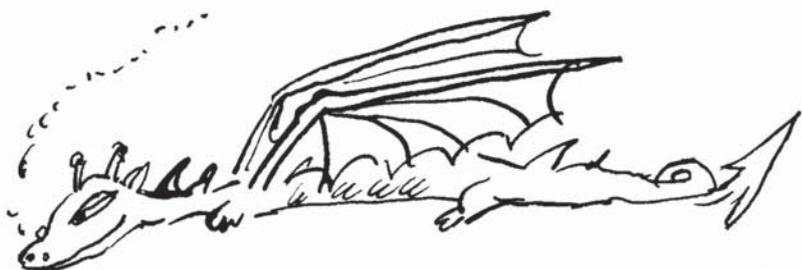
Залив

Совершенно необязательно читать книги Иккинга по порядку. Но если вам очень хочется, то порядок такой:

1. Как приручить дракона
2. Как стать пиратом
3. Как разговаривать по-драконьи
4. Как перехитрить дракона
5. Как разбудить дракона
6. Как одолеть дракона
7. Как разозлить дракона
8. Как освободить дракона
9. Как украсть Драконий меч
10. Как отыскать Драконий камень
11. Как предать Героя
12. Как спасти драконов

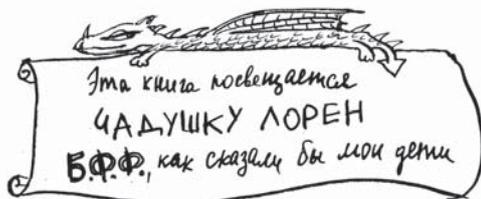

ВНИМАНИЕ!

Если вам вдруг покажется,
будто события этой книги
имеют какое-то отношение
к реальным историческим
фактам, имейте в виду — это
ЧИСТАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ.

МЫ ВАС
ПРЕДУПРЕДИЛИ!

СПАСИБО Сасимону Коуэлу, Эку Макнейлу, Наолу Лоттерману,
Элиоту Стелу, Фрэнсису Стерренку и Джузеппе Каллару
за помощь в создании этой книги.

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44
К 73

Cressida Cowell
HOW TO STEAL A DRAGON'S SWORD
Text and illustrations copyright © 2011 by Cressida Cowell
All rights reserved
Originally published in Great Britain in 2011 by Hodder Children's Books.

Перевод с английского Анастасии Кузнецовой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой
Иллюстрации в тексте Крессиды Коуэлл

Коуэлл К.

К 73 Как украсть Драконий меч : повесть / Крессиды Коуэлл ; пер. с англ. А. Кузнецовой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 336 с. : ил. — (Как приручить дракона).

ISBN 978-5-389-08774-3

Наконец-то годы Начальной Пиратской Подготовки позади — через три недели Иккинг и его друзья должны стать полноправными воинами племени. Разумеется, перед этим надо пройти испытания: подняться по отвесной скале в неприступный замок и сразиться на состязании мечников в День Нового Года. Ну а потом будет пир в честь новых воинов, все племена вдоволь повеселятся и отправятся по домам. По крайней мере, так все было задумано. Но на деле Иккинга и его племя ждут испытания куда страшнее...

Он еще не знает, но над Варварским архипелагом сгущаются тучи. Старые враги возвращаются, древние пророчества начинают сбываться. Скоро, совсем скоро драконы обратятся против людей. И только новый Король может спасти всех... Но кто им станет? О ком говорит пророчество? И какое из Утраченных Королевских Сокровищ — самое драгоценное?

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Кузнецова, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08774-3

КАК УКРАСТЬ ДРАКОНИЙ МЕЧ

Сочинил ИККИНГ
КРОВОЖАДНЫЙ КАРАСИК III

Перевела с древнорвежского
КРЕССИДА КОУЭЛЛ

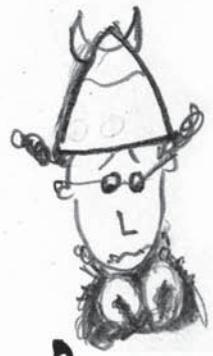
Санкт-Петербург

Иккинг Кроваждный
Третий
Карасик

Беззубик,
охотничий
дракон
Иккинга

Рыбенот

Камикадзе

Жутьздорова

Ведьма Экселлинор,
на редкость неприятная
и жуткая колдунья

СТОИЖ ОБШИРНЫЙ
ПАПА ИККИНГА и ВОЖДА
ПЛЕМЕНИ ХУЛИГАНОВ

МОЛНИЕНОС

ЭЛВИН
ВЕРОЛОМНЫЙ

СМОРКАЛА
МОРДОВОРОТ

БЕЗЗУБИК, непослушный
дракончик Иккинга

Маленькая просьба к читателям:

*ПОЖАЛУЙСТА,
НЕ ОБИЖАЙТЕСЬ
НА ИСТОРИЮ*

До сих пор Аккинг просто играл в приключения и понемногу утонул быть героем. Ставки были не очень высоки. Но теперь на остров Олух надвигаются трудные и темные времена.

Пожалуйста, не обижайтесь на эту историю.

История ничего не может с собой поделаться. Так оно и бывает: история, гаспью копорой мы все являемся, это не просто приключения викингов и драконов. Это повесть о взрослении.

А одно из свойств взросления, один из непреложных, неизбежных его законов, заключается в том, что однажды... однажды... однажды...

Нам приходится взрослеть.

Простите, но это правда.

Пролог, написанный Иккингом Кровожадным Карасиком III, последним из великих героев- викингов

Теперь я древний-предревный старик, и прошлое кажется очень далеким.

Но когда-то, давным-давно, на архипелаге водились драконы.

И когда-то, давным-давно, я был мальчишкой, который на тринадцатом году жизни совершил ужасную ошибку.

Я освободил из плена Берсерков дракона Ярогнева.

Дракон обещал улететь и провести в изгнании в ледяных пустынях севера всего один год. Один год форы, а затем, поклялся Ярогнев, он поднимет Драконье восстание, чтобы полностью и окончательно стереть людей с лица земли.

За обещанный год мальчик, каким я был тогда, вытянулся, словно деревце, на целую ладонь, а то и больше. Все рукава сделались мне коротки, но год миновал, а Ярогневом и не пахло, как и Драконьим восстанием.

Я перевел дух и начал надеяться, что прохлада нетронутых снегов смягчила ужасные страдания столетнего плена. Возможно, думал я, дракон вернулся к счастливой беззаботной жизни своих предков, плещется себе сейчас на свободе в ледяных водах, гоняется за тюленями в бескрайней холодной пустыне...

Может быть, очутившись в родной стихии, он примирился сам с собой, позабыл обещание и вообще передумал возвращаться, а?

Может быть.

Ну а вдруг?

Возможно.

Но в тихие часы ночи слова Ярогнева снова вспыхивали в памяти — не такие это были слова, чтобы растаять со временем, как лед по весне. Это были огненные слова, они зловеще шипели и полыхали, обжигаящие живые в моих снах:

«Мы спалим этот мир огнем и не оставим ни единого жалкого человечка. Потому что последние сто лет я заглядывал в прошлое и в будущее, и вот что я тебе скажу, мальчик... люди и драконы не могут жить вместе...»

Слова жгли мою душу, словно пылающие змеи:

«...и поэтому я созову драконов со всех концов света, из глубин океана и с небесных высот, и мы дадим вам последний бой, пока не стало слишком поздно».

— **НЕТ!** — кричал я во сне. — **НЕТ, НЕТ, НЕТ,
НЕТ, НЕТ!**

Но время не повернуть вспять. Мальчик, каким я был тогда, не мог его остановить.

И дракон явился.

1. (НЕ) САМЫЙ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ В ЖИЗНИ

Однажды давным-давно, в зимнюю полночь, Иккинга Кровожадного Карасика III подбросило от ужаса.

Иккинг, Надежда и Опора и Наследник Вождя Племени Лохматых Хулиганов, был нескладным, тощим, ужасно обыкновенным мальчишкой с самым неприметным лицом.

Спалось ему, сказать по правде, так себе.

Трудно крепко заснуть, если постелью тебе служит гамак, подвешенный посреди Трудного Пути на вершину Сердитой горы. Точнее, до вершины оставалась еще четверть пути.

Трудный Путь на Сердитую гору пролегал по высоченному утесу. Подъем на него занимал два дня с ночевкой. Приходилось вбивать пару крючьев в отвесную стену и всю ночь беспокойно ворочаться в гамаке, опасно подвешенном на гладкой скале.

Неподалеку от хозяина на скальной полочке отдыхал Ветрогон, верховой дракон Иккинга. Вообще-то, ему полагалось караулить на случай опасности, однако зима, время драконьей спячки,

еще не кончилась, поэтому он и днем-то постоянно клевал носом, а уж ночью дрых без задних ног. Длинный и нескладный, Ветрогон вытянулся на карнизе и храпел, словно простуженная корова.

Вот если бы опасность уселась ему на голову — тогда Ветрогон, наверное, что-то заметил бы.

Беззубик, крошечный и самовлюбленный охотничий дракон Иккинга, принадлежавший к породе обыкновенных садовых, тоже ничего не заметил. Он крепко спал у хозяина на груди, наполняя гамак дымными колечками.

Но Иккинга разбудила именно опасность. В этом он не сомневался ни секунды. Сердце у него беспокойно колотилось, сна как не бывало. Мальчик всей кожей чувствовал угрозу.

Со всех сторон.

Честно говоря, здесь, высоко на скальной стене, посреди зимы, когда самые страшные драконы архипелага пребывают в спячке, бояться было особенно нечего. Ну разве что гамак свалится.

Так почему же у Иккинга так мечется сердце, почему в желудке так муторно, что вот-вот стошнит?

Очень медленно (ему вовсе не хотелось вывалиться) Кровожадный Карасик выглянул за край гамака.

Подножие горы терялось головокружительно далеко внизу.

Иккинг слотнул и решил туда не смотреть.

Они забрались очень высоко. Отсюда открывался вид на многие мили во все стороны, словно смотришь на карту архипелага. На западе мерцало море. На севере темнело зловещее иззубренное ущелье Торова Грома. Еще дальше в той стороне высились плавающие айсберги и неровные пики Холодных гор.

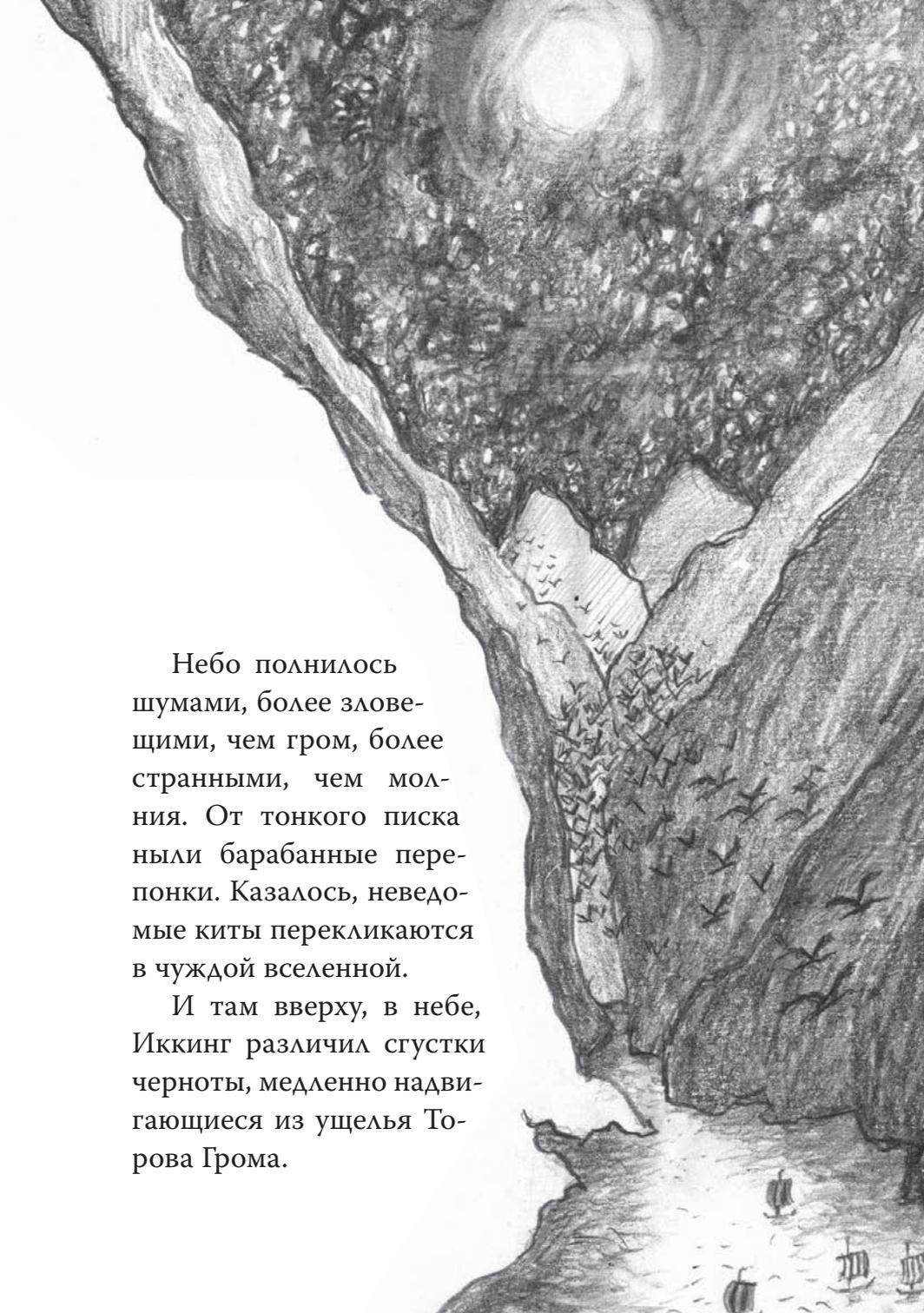
А прямо под ним раскинулся незнакомый материковый ландшафт изо льда и снега, оживляемый лишь подозрительно теплыми булькающими водоемами. Они пускали дымные пузыри, словно хряпящие драконы.

Чуть дальше по скале висел залатанный гамак лучшего друга Иккинга, Рыбьенога.

Рыбьеног тоже храпел, скорее всего из-за астмы (бедняга страдал аллергией на собственную драконницу, Жутьздорову, которая делила с ним гамак). А может, из-за сенной лихорадки (Рыбьеног был единственным известным Иккингу человеком, ухитрившимся занять сенную лихорадку посреди зимы).

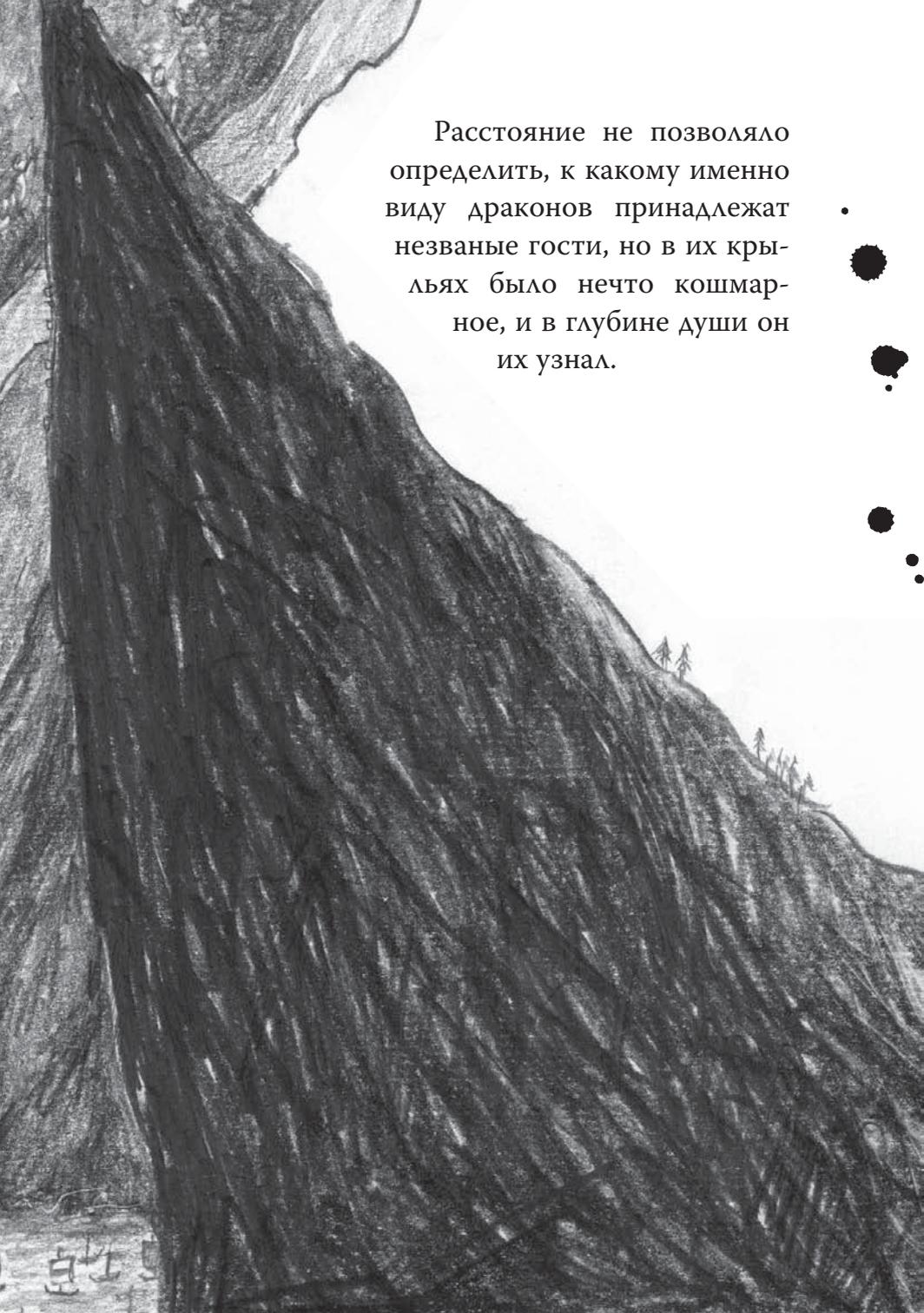
А наверху, высоко-высоко наверху, раскинулось ночное небо, усыпанное алмазными звездами...

Небо наполнилось шумами, более зловещими, чем гром, более странными, чем молния. От тонкого писканья барабанные перепонки. Казалось, неведомые киты перекликаются в чуждой вселенной.

И там вверху, в небе, Иккинг различил сгустки черноты, медленно надвигающиеся из ущелья Торова Грома.

Расстояние не позволяло определить, к какому именно виду драконов принадлежат незваные гости, но в их крыльях было нечто кошмарное, и в глубине души он их узнал.

Когда молодой кролик замечает кружащего в вышине ястреба, он, возможно, видит его в первый раз — но память предков велит ему в панике поскакать большими прыжками к спасительной норе. Так и с этими драконами.

Не подумайте, будто Иккинг никогда прежде драконов не видел. В его мире их было полным-полно, как диких, так и домашних.

Вот только драконы в вышине над горами вели себя неправильно. Они были из разных видов, а летели вместе, словно охотничья стая. Драконам это несвойственно. Они не объединяются для охоты, тем более на людей.

Может, когда-то, давным-давно, такое и случилось. Однако теперь даже самые древние старики не помнят, чтобы драконы нападали на людей.

Конечно, если человек вдруг попадет на пути голодного дикого дракона, тот его запросто сожрет. Но чтобы они нарочно на людей охотились — такого не бывало. Разве что, может, совсем уж в стародавние времена...

От страха у Иккинга как иголками закололо кожу на голове. Он отчаянно напряг слух, сиюсья расслышать, что происходит в темноте. И каким-то образом сквозь рев ветра ему удалось уловить поистине наводящий ужас звук, свирепое шипение по-драконьи.

Никогда еще он не слышал таких зловещих речей, переполненных ледяной ненавистью. Он едва разбирал слова, но звучали они как заклинание, жутко и завораживающе:

КОГТИ ОМОЙТЕ
КРОВЬЮ ЛЮДСКОЙ...
МЕРЗОСТЬ ЛЮДСКУЮ ДОЛЖИ С ЗЕМЛИ...
ИСПЕЧИТЕ ЛЮДЕЙ ОГНЕМ...
ВОСТАНИ ЖЕ, ДРАКОНЬИЙ РОД!

Все ближе и ближе подлетали драконы, и вот уже стало понятно, что направляются они прямо к увешанной гамаками скале.

Иккинг еще сильнее вывернул шею. Метрах в двадцати над ними виднелись гамаки остальных юных воинов племен архипелага, подвешенные на вбитых в скалу крючьях. Иккинг с Рыбьенормом отстали от них на полчаса. И если им двоим гамаками служили залатанные коричневые одеяла, то остальные приспособили старые корабельные паруса. Из-за роскошных узоров — красно-белых полос или сине-золотых ромбов — гамаки выделялись на фоне скалы, как фламинго на болоте.

Загадочные драконы летели напрямик к ним.

Теперь Иккинг разглядел нападавших. И узнал их по форме крыльев.

В стаю объединились самые злобные драконы архипелага: бритвокрылы и вертокрыты, апатозавры и упырапторы.

«Надо предупредить остальных», — подумал Иккинг и открыл рот, чтобы закричать, но от ужаса у него перехватило горло, как это случается в самых худших кошмарах.

— И-и-и-и, — пропищал Иккинг, — и-и-и-и, и-и-и-и-и...

Нет, так его никто не услышит...

Он напряг силы:

— Драконы... — И, подумав, добавил: — Злющие.

От его сипения не проснулся даже Беззубик, не говоря уже о юных воинах, безмятежно посапывавших высоко вверху.

Драконы между тем были совсем близко. Они летели плотным строем — совершенно противостественное для них поведение. Они уже вытягивали лапы и выпускали когти, готовились напасть. А юные воины были совершенно беспомощны в своих ярких коконах. Так их всех перебьют во сне...

Иккинг дотянулся до небольшого углубления в скале, куда пристроил свой рюкзак. Трясущимися руками он вытащил лук и стрелу из колчана.

Может, и хорошо, что он так далеко отстал от остальных. Если бы он видел, чем занимался в тот

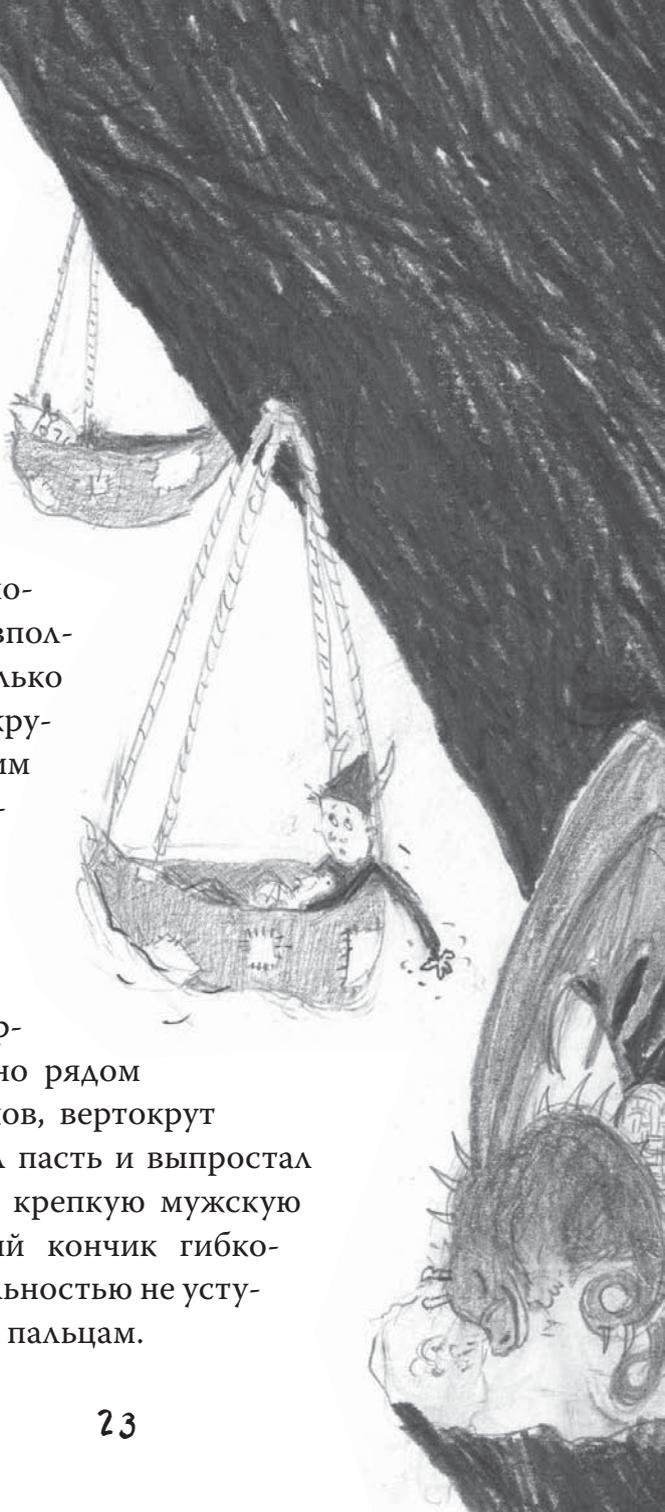
момент вожак
драконьей стаи...
мог и в обморок
грохнуть.

Стаю вел
вертокрут.

Казалось бы,
название этой
породы не сулит
ничего особенно-
го, для вас оно, мо-
жет быть, звучит впол-
не безобидно. Только
вот, боюсь, вертокру-
ты отрывают своим
жертвам конечности,
чтобы те не
могли убежать.

Извините, но
это правда.

Зависнув совер-
шенно неподвижно рядом
с одним из гамаков, вертокрут
медленно разинул пасть и выпростал
язык толщиной с крепкую мужскую
руку. Раздвоенный кончик гибкостью и чувствительностью не уступал человеческим пальцам.

Язык скользнул внутрь гамака Сморкалы, крайне неприятного двоюродного братца Иккинга, и принялся шарить там.

Иккинг тщательно прицелился и выстрелил.

Целился он, разумеется, в вертокрута.

Стрелял Иккинг неплохо. Не настолько хорошо, как дрался на мечах, но вполне прилично. Только вот стрелять из болтающегося гамака не так-то просто. Особенно когда и лук, и стрела у тебя погнуты. Кстати, руками того же Сморкалы, вот ведь ирония.

Слегка изогнутая стрела покинула тетиву и винтом ушла вверх, мотылясь, словно пьяная. В последний момент она дернулась вправо и, миновав

дракона, вонзилась в левую ногу Сморкалы пониже колена.

Иккинг, вообще-то, совсем не то хотел сделать, но так оказалось тоже неплохо... в некотором роде.

Сморкала приглушенно взвизгнул — а вы бы удержались, если бы вам прострелили ногу из лука? — и выпрыгнул из гамака... к большому удивлению (и неудовольствию) вертокрута, не успевшего ухватить жертву за какую-нибудь конечность.

Разумеется, спросонok и со стрелой в ноге Сморкала начисто позабыл, что болтается над пропастью. Он полетел вниз, вопя и кувыркаясь, мимо гамаков своих товарищей-воинов, а потом и мимо

Иккинга. Тот отчаянно вытянулся в попытке поймать кузена, хотя и понимал, что не сможет удержать такого здоровяка... Нет, Сморкала пролетел слишком далеко.

Тут бы и пришел конец Сморкале Мордовороту, но ему повезло: из скалы чуть ниже Иккинга торчало чахлое деревце. Дерево замедлило его падение, и юный викинг в последний момент сумел-таки ухватиться за одну из нижних гибких веток и спасся.

И вот Сморкала болтается на дереве, в тысяче метров над землей, от изумления не в силах издать ни звука, и тарашится на Иккинга круглыми от ужаса глазами.

— ПОМОГИ МНЕ, ТЫ, ИДИОТ, — одними губами произнес Сморкала.

А ведь мог бы и проявить капельку вежливости к человеку, который только что спас его от страшной смерти и был единственным, кто мог бы спасти еще раз. Но Сморкала, увы, вежливостью не отличался.

Было ясно, что долго ему не продержаться. И Иккинг по доброте душевной помог бы, да не доставал. Совсем чуть-чуть.

Кровожадный Карасик лихорадочно завозился в гамаке, разыскивая веревку, чтобы бросить Сморкале. Но найти что-нибудь, лежа в гамаке, не легче, чем натянуть трусы, скорчившись внутри наволочки. А в гамаке, заполненном дымом Беззубика, это

и вообще
напоминало
какой-то дикий
танец в бане по-черному.

Иккинг раскачивался и метался туда-сюда, но нащупать конец злосчастной веревки никак не удавалось, а ладони сделались скользкими от пота. Он судорожно дернулся, словно связанный червяк... и вместо веревки случайно вытащил меч ...

С ужасным треском клинок рассек старый истертый коричневый гамак ровно напополам.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! — Вот теперь у него наконец прорезался голос. — ДРАКОНЫ НАПАЛИ!!!!!!

Крик вышел оглушительный — весь воздух, застрявший от страха у Иккинга в легких, вырвался наружу и пошел отражаться от скальных стен, поднимаясь все выше.

Рыбьенога, висевшего в метре над Иккингом, ударило звуковой волной. Бедняга резко обрел бодрость, вскинулся, растопырился, словно взорвавшаяся морская звезда, и едва не вывалился из гамака. Далеко-далеко вверх по скале все гамаки

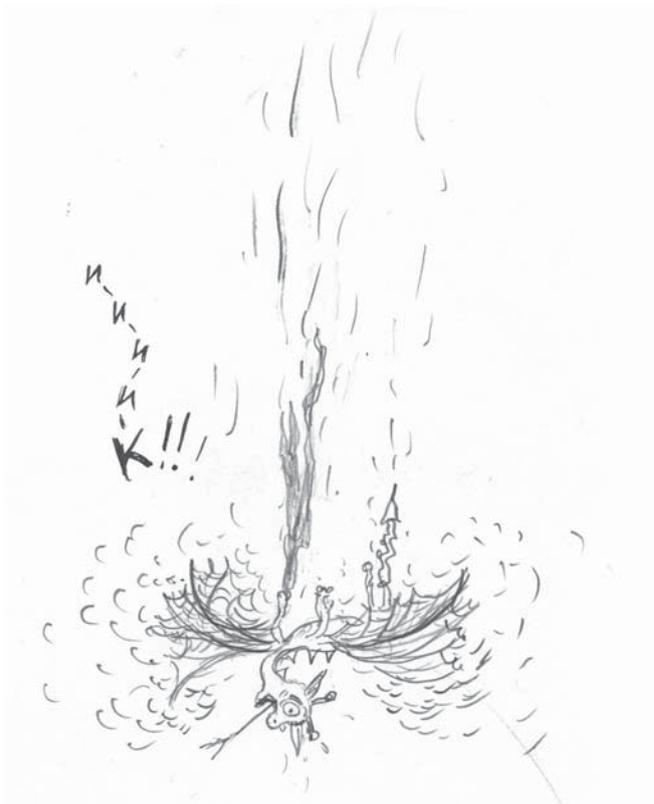
ПОМОГИ МНЕ,
ТЫ, ИДЧОТ!

зашевелились и закачались, их обитатели сели, протирая глаза и бормоча: «Шотакое? Шопрсходит?»

— И-и-и-ик! — встревоженно пискнул Беззубик, открывая глазки.

Он осознал, что, набирая скорость, несется к земле, и расправил крылышки.

Нападавшие драконы зависли в холодном ночном воздухе. Они перенастроили свет своих желтых глаз (исключительная способность, присущая

некоторым драконам) со слабого свечения на ослепительное сияние, опустили головы...

И заметили Иккинга, раскачивающегося на остатках гамака. В слепяще-ярких лучах многочисленных глаз-прожекторов он был как на ладони на фоне темной скалы.

— Ух... ох... **ВЕТРОГОН! ПРОСНИСЬ!!!** — заорал Иккинг, бешено размахивая мечом во все стороны.

Кричал он по-драконьи, ведь Иккинг был одним из немногих викингов всех времен, способных говорить на этом завораживающем языке.

— Хрррооооо... пшшшшшшшшш... — храпел Ветрогон.

Рой драконов, по-прежнему зловеще висевший над Иккингом, исторг медленное, леденящее душу шипение. Что-то щелкнуло — это драконы опустили на глаза маленькие фокусировочные шторки, чтобы видеть предметы предельно четко с огромного расстояния.

Еще с минуту они парили неподвижно. Только чуть поводили глазами, следя за мечом Иккинга. А потом сложили крылья и ринулись вниз.

Ловчее пике.

Зрелище красивое, вот только Иккинг был не в настроении им наслаждаться. Хотя если бы он не болтался на одной-единственной полоске одеяла на высочайшей скале архипелага, то непременно залюбовался бы.

Ловчее пике — роскошный образец воздушной акробатики, когда дракон уходит в свободное падение, сложив крылья. А рой гигантских драконов, исполняющих его одновременно, так отвесно и так близко к Трудному Пути на Сердитую гору, что крылья практически задевали скалу. В глухой ночи — это, скажу я вам, редчайшее и прекраснейшее зрелище. До смерти впечатляет (только очень *незадолго* до смерти, честно говоря) .

Драконы с воем приближались к Иккингу. Вожак уже распахнул пасть, но мальчишка в последний раз отчаянно извернулся, качнулся и зацепился за скалу. Рой драконов просвистел мимо, к подножию скалы, не в силах выйти из великолепного пике.

Иккинг отчаянно шарил по скале, пытаясь отыскать опору на гладкой, как стекло, поверхности. Руки, вцепившиеся в останки гамака, медленно, по чуть-чуть сползли все ниже. Долго ему не продержаться... но опора для ног никак не находилась, и он снова качнулся над головокружительной бездной прочь от скалы.

Тем временем Беззубик прыгал у Ветрогона по животу в тщетных попытках его пробудить.

— П-проснись! Проснись!
Или Б'бе-беззубик перемелет
твои кости в муку! — вопил
дракончик. — Проснись,
ты, л-ленивый не-
не-недотепа!

— Хррроооо...
пшшшшшшшш... — хра-
пел Ветрогон, счастливый
и довольный, как никогда.

Во сне он беззаботно перепархивал с дерева на дерево, и милая крохотная бабочка нежно щеко-

тала ему пузо своими нежными крылышками.

Рыбьенот попытался выбраться из своего гамака на помощь, но запутался ногой в веревке.

Хрясь!

Пятидесятый дракон, очередной вертокрут, с визгом пронесся мимо Иккинга на скорости двести километров в час, в последний миг совершил зубодробительный разворот и ухватился за скалу крючьями на концах крыльев.

Блестяще! Непревзойденные летные навыки!

Неотрывно глядя на Иккинга, вертокрут начал быстро подтягиваться на крыльях по скале к беспомощно болтающейся жертве.

Беззубик бросил скакать по животу Ветрогона и изо всех своих крохотных сил попытался сковырнуть блаженно похрапывающего Ветрогона с карниза, в надежде привести его в чувство.

— **Ах, милая бабочка, не уходи,** — шептал во сне Ветрогон, с обиженным уханьем выдыхая кольца дыма, — **останься со мной, порхалочка, и мы станцуем танец цветов...**

— **ИККИНГ, ТЫ КРЕТИН!** — орал Сморкала, болтаясь на дереве метром ниже. — **СДЕЛАЙ**

ЧТО-НИБУДЬ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ! Я ДОЛГО НЕ ПРОДЕРЖУСЬ!

Но Иккингу своих забот хватало.

— А-а-аи-ийийй! — пронзительно визжал он, а вертокрут, подобно летучей мыши, подползал все ближе, разевая пасть, в глубине которой разворачивался, словно улитка, ужасный, мускулистый, волосатый язык.

Крокодилья пасть дракона распахнулась, как чемодан, жуткий язык змеей выстрелил из нее и обвился вокруг меча, заставив Иккинга оторвать левую руку от гамака...

Дракон сместил хватку, и, содрогаясь от омерзения, Иккинг почувствовал, как язык обвивается вокруг всей его руки.

Тыц!

Очередная полоска одеяла лопнула, и теперь он болтался на тончайших ниточках над бездной.

Дракон приостановился, готовясь вывернуть Иккингу руку вместе с мечом...

2. КАК ОНИ ВООБЩЕ ТАМ ОКАЗАЛИСЬ

Пока дракон медлит, прервем ненадолго наш рассказ, но лишь для того, чтобы вкратце пояснить, как Иккинг вообще оказался в таком положении.

Это ведь так раздражает, когда тебя закидывают в середину повествования, не сказав ни слова о том, как герои туда попали и с чего вдруг они устроили привал на трех четвертях Трудного Пути вверх по Сердитой горе посреди зимы.

Ведь идиотская же затея, да?

А случилось вот что.

В то раннее и ясное утро племена архипелага собрались у подножия Сердитой горы громадной и шумной толпой, прихватив множество шатров, саней и лыж. Викинги приветствовали старых друзей и врагов, сталкиваясь большими животами. Охотничьи драконы кувыркались в воздухе у них над головой, а верховые дрались между собой.

На самой вершине Сердитой горы располагалась фехтовальная школа «Гром и молния». Племена прибыли сюда на ежегодное трехнедельное празднество, включающее пиры, бои и прочие увеселения. Самые же главные события должны были

произойти в последний день — День Нового Года, на который было назначено состязание мечников и церемония Новогоднего Посвящения В Воины. На церемонии, как нетрудно догадаться, должны были посвятить в воины подрощее поколение викингов архипелага, после чего оно могло смело прощаться с детством: всякий прошедший ритуал считается взрослым и полноправным членом племени.

На Сердитую гору можно забраться двумя путями.

Есть Легкий Путь — плавный подъем, по которому можно весело прогуляться пешком, даже не запыхавшись. Этим путем воспользуются взрослые воины со всеми санями, шатрами, верховыми и упряжными драконами, оружием и припасами.

А еще есть Трудный Путь — совершенно отвесная скала, восхождение по которой занимает два дня. Этот путь предназначен для Будущих Воинов, дабы они доказали, что достойны быть принятыми в племя*.

Будущие Воины разглядывали гигантскую каменную стену с изрядным сомнением.

Они представляли собой смешанную толпу прыщавых подростков, где все до одного были круп-

* Испытание придумали еще в те незапамятные и опасные времена, когда у викингов не было верховых драконов, чтобы им помочь. Поэтому по правилам подниматься полагалось без помощи драконов.

нее и мускулистее Иккинга с Рыбьеноем. (Кроме их верного друга Камикадзы, крохотной, бешеного нрава Бой-бабы с гривой светлых волос, которую хозяйка если и расчесывала, то наверняка вилами.)

Плевака Крикливый, главный наставник по Хулиганской Программе Начальной Пиратской Подготовки, давал Будущим Воинам краткое напутствие.

Это был человек-гора двух с лишним метров ростом, с голосом как туманный горн и ушами словно растоптанная цветная капуста. Чувствительностью он не отличался.

— Так, воины, слушай сюда! — гаркнул он. — Это всего лишь легкая прогулка! Вам просто надо за ближайšie день и ночь одолеть эту совершенно отвесную скалу. Как только доберетесь до школы, начнете готовиться к состязанию мечников в День Нового Года. Это ваш шанс подучиться и получить подсказки у величайшего мечника архипелага, самого Молниеноса!

Из толпы Будущих Воинов раздались охи и ахи.

— Как же мне не терпится познакомиться с Молниеносом вживую, — возбужденно прошептала Камикадза Иккингу с Рыбьенным. — Говорят, он идеальный Герой...

— А вот и о-о-о-он! — прокричал Бандюг Остолоп, показывая вверх.

Роскошный дракон из породы краснотигров спикировал откуда ни возьмись прямо к ним. На спине его, изящно пригнувшись, сидел не кто иной, как сам Молниенос. Камикадза испустила восторженное улюлюканье и вскинула кулак, а дракон пролетел прямо у них над головой, и они почувствовали ветер, поднятый его крыльями.

Дракон понесся на бреющем, Молниенос свесился с него, нахально сорвал с головы Стоика Обширного шлем и снова взвился ввысь.

Стоик Обширный, отец Иккинга, был скроен по традиционной викингской мерке: мышцы как бейбольные мячи, борода как грозное облако и мозгов ровно столько, чтоб уместились в кофейную ложечку.

Он не обрадовался.

— Ох уж этот Молниенос, ничуть не изменился! — фыркнул Стоик, когда все засмеялись, а молодежь заохала и заохала.

— Давай вниз, ты, выпендрожник! — заорал вождь Хулиганов. — Этак мы до ночи с места не тронемся! Ну я не знаю... эти герои... никакого соображения...

МОЛНИЕНОС →

Я ВЕЛИЧАЙШИЙ...

(Герой со здоровым чувством
собственного достоинства)

Наконец изящным и стремительным пируэтом краснотигр опустился прямо перед Стоиком. Молниенос перелетел через голову дракона, сделав полное двойное сальто, и с элегантным поклоном протянул Стоику его шлем.

— Держи, Стоик, дорогой...

— НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ «ДОРОГОЙ»! — вскипел Стоик, выхватывая шлем. — ШЕВЕЛИСЬ ДАВАЙ!

Молниенос улыбнулся и вскочил на ближайший утес, чтобы всем было его видно.

Он был крайне хорош собой. Копна длинных светлых волос только добавляла ему привлекательности. На талии у него красовался знаменитый золотой боевой пояс, с которого свисали отвоеванные мечи самых прославленных героев архипелага.

— Приветствую вас, старые обжоры! — добродушно улыбнулся Молниенос. — Ой, Могадон Остолоп, ты раздобыл, я тебя едва узнал. Берта, не уверен, что этот оттенок лилового действительно тебе идет. Обжора Душегуб, ты уже лысеешь...

— Приветствую вас, Будущие Воины! — продолжал Молниенос, не обратив внимания на недовольный ропот со стороны старших. — По невероятно счастливому совпадению и благодаря несказанной удаче перед вами Великий Молниенос собственной персоной. Можете поприветствовать.

Младшие воины радостно завопили.

Парадный Боевой Пояс

Ученики Молниеноса,
заслужившие красный пояс,
красят кожу ремня в красный
цвет, заслужившие синий —
в синий, и т.д. Пояса Громагистров —
черные с бронзовой, серебряной
или золотой пряжкой.

Мечи
вставляются
в эти
петли.

Похоже, оратор этого ждал. Он указал на отвесную скальную стену:

— Это Трудный Путь на вершину Сердитой горы, ваше последнее испытание. Герои вы или медузы в юбках? Если пройдете это испытание и доберетесь до МОЕЙ школы — самой блестящей во Вселенной, разумеется, — то начнете готовиться к Новогоднему состязанию мечников и соревнованиям за боевые пояса. Низший ранг — зеленый,

затем идут синий, лиловый, черный, красный. Еще выше — бронзовый, серебряный и золотой пояса, но чтобы получить их, надо заслужить право называться Громагистром*. Разумеется, мы не рассчитываем, что все вы добьетесь таких успехов. Громагистров в архипелаге не много. Ты вот так и не смог получить бронзовый пояс, а, Душегуб, дорогуша?

Душегуб яростно засопел, но сдержался.

— Никакого изящества, — ласково пояснил Молниенос. — Душегубы бьются, как свиньи в пижамах.

Обжора испустил ужасный рев и бросился на Молниеноса с клинком наголо.

Герой даже не почесался вытащить один из множества заткнутых за боевой пояс мечей. Вместо этого он сунул руку в ближайший рюкзак и извлек... ложку и яблоко.

От такой наглости Обжора просто озверел. Он ринулся вперед, словно разъяренный бык, и ложка Молниеноса схлестнулась с Обжориным мечом в бешеном мелькании металлических финтов и блоков.

К восторгу радостно вопящих викингов, спустя десять секунд Обжора уже лежал на спине в снегу, причем на кончик меча у него было насажено яблоко, а из носа торчала ложка.

* Чтобы получить золотой пояс, надо победить другого обладателя золотого пояса.

— Видите? Никакого изящества. И десяти секунд не прошло, а он уже дохлый, как дронт, — расплылся в улыбке Молниенос, раскланиваясь перед рукоплескающей публикой. — И на вашем месте я бы не стал так ржать — никто из присутствующих не продержался бы дольше. Конец первого урока, Будущие Воины.

— Выше нос! — крикнул он, взлетая на своего краснотигра безупречным, достойным богов пируэтом, подмигнул женщинам и взмахнул на прощание мечом. — И удачи! Когда вы доберетесь, у нас будет готов пир! Помните, нет ничего плохого в здоровом чувстве собственного достоинства, особенно для такого блестящего мастера, как я!

— Ну и крут же он, а? — выдохнула Камикадза.

— Ты верно говорила, — похлопав ресницами, промурлыкала Буримуха, красивый золотой охотничий дракон Камикадзы, — он идеальный Герой...

— Ни-нич'чего не-не ид'деальный, — проворчал влюбленный в Буримуху Беззубик. — **Вон ка-какой носяра здоровенный, это даже для ч'человека ч'чересч'чур.**

Наконец они подошли к Большой Развилке.

От души похлопав отпрысков по плечам и весело помахав, взрослые викинги двинулись прочь по Легкому Пути на лыжах и коньках. Упряжные драконы тащили сани.

Будущие Воины принялись навьючивать на себя гигантские рюкзаки перед долгим подъемом по Трудному Пути.

— Мы вас обгоним! — ухмыльнулась Камикадза, убегая к своему отряду Бой-баб, жуткой банде юных культуристок. — Потому что девчонки круче мальчишек и всегда будут круче!

Стоик Обширный подкатился пожелать Иккингу доброго пути:

— Удачи, мальчик мой! Не хочу давить, но помни: я стал Золотым Громагистром, когда мне было всего восемнадцать, и поэтому от тебя я ожидаю великих свершений, Иккинг, великих свершений. Прояви себя как настоящий вождь и все такое. Это твой шанс произвести впечатление на сверстников из других племен!

— Круто, — уныло отозвался Иккинг. — Никакого, значит, давления...

Стоик весело утопал прочь, и к Иккингу подковылял его дедушка, Старый Сморчок.

В мутных глазах старика мерцал легкий ужас, древние конечности его дрожали.

— У меня страшное предчувствие, что в фехтовальной школе «Гром и молния» тебя поджидает великая опасность, — пробубнил Старый Сморчок, подняв костлявый палец. — Миру понадобится герой, и им вполне можешь оказаться ты. Держи свои вещи в идеальном состоянии, ведь это Королевские Сокровища. — Старый Сморчок указал на

потрепанное разношерстное снаряжение Иккинга. — И береги меч, Иккинг, ибо это меч, указующий путь. Удачи!

Старик со слезами на глазах пожал руку Иккингу, словно в последний раз, и заковылял прочь, бормоча себе под нос. Вместе с прочими стариками и детьми ему предстояло вернуться на Олух, чтобы поддерживать огонь в очагах.

— Здорово! — высказался Рыбьенег. — Здоровее некуда! Страшная опасность, мое любимое... и что это за бредни про Королевские Сокровища?

— Понятия не имею. Со взрослыми вечно так, — отозвался Иккинг, пытаясь затолкать одеяло в трещащий по швам рюкзак. — Они всегда хотят, чтоб ты стал Великим Героем и Вождем. Тор их молотом зашиби, что плохого в том, чтобы быть ОБЫКНОВЕННЫМ? Что такого в том, чтобы быть просто ТАК СЕБЕ? У них начисто отсутствует чувство реальности...

— Оп-па... — произнес Рыбьенег.

Ибо реальность была тут как тут, точнее, приближалась к ним в лице тех викингов, кто однозначно не считал Иккинга Великим Героем и Вождем.

Это был Сморкала Мордоворот, мерзкий двоюродный братец Иккинга, здоровенный надменный юнец с самыми огромными ноздрями на свете. По пятам за ним топал его прихвостень, Песьедух Тугодум.

Сморкала Мордворот

(неприятный
кузен
Иккинга)

— ИТАК, слушайте, Хулиганы, — ухмыльнулся Сморкала, обращаясь к тринадцати Хулиганским Будущим Воинам, — Иккинг не поведет нашу группу, потому что ОН не вождь. Вождь — я.

— Но Иккинг же сын Стоика Обширного, — возразил Рыбьенег.

— Да кому какое дело, — еще шире ухмыльнулся Сморкала, больно пнув Рыбьенюга по голени, а Иккинга толкнув так, что тот распростерся на земле. — Иккинг тощий, хилый и НИКЧЕМНЫЙ. Он даже под страхом смерти не сможет нормально играть в бейбол, дракон у него размером с лягушку, и мы не можем идти за тем, у кого такой друг, как ты.

Признаться, Рыбьенег и правда испытывал некоторые сложности по викингской части. Он страдал астмой, рахитом и почти ничего не видел без очков. У него часто случались лихорадка, экзема, обморожения и бронхиты.

Разумеется, были у него и сильные стороны: Рыбьенег неплохо складывал стихи и обладал прекрасным чувством юмора, правда несколько ядовитым. Беда в том, что такие таланты Хулиганы не ценят.

Сморкала вытащил меч.

— С моим Спиногрызом, — злорадно произнес он, сделав несколько выпадов на воображаемых противников, — я стану первым Будущим Воином, который получит звание Громагистра. Поверьте, так

и будет. А для вас двоих, — промурлыкал он, — возможно, специально придумают новые боевые пояса. Как насчет желтых? Или дерзких розовых? В самый раз для парочки трусов и их жалких ножичков.

— Гы-гы-гы, — заржал Песьедух.

— ХА-ХА-ХА-ХА! — расхохотались Будущие Воины из других, более суровых племен — Гостедавов, Шандарахайков и Душегубов.

Они собрались вокруг, почуяв веселье.

— Кто эти жалкие хлятики, Сморкала? — ухмыльнулся Коварняк из Гостедавов, громила с буйной порослью в ушах. — Уж точно не Хулиганы?

— Но прикидываются, — глумливо сообщил Сморкала.

Глаза у него сделались маленькими и злыми, как у акулы.

Он бросился на рюкзак Иккинга, и Спиногрыз замелькал — вжик, вжик, вжик.

— Ай-ай-ай... — заворковал Сморкала, подни-

РЫБЕНОГ (лучший друг ИККИНГА)

мая изрезанный гамак Иккинга. — У меня рука соскочила... Похоже, я проделал крохотную дырочку в твоём гамаке. Как же ты теперь поднимешься по Трудному Пути на Сердитую гору? Какая жалость, придется тебе не спать всю ночь.

— Ну и жулик же ты, Сморкала! — горячо воскликнул Рыбьенег. — Ты просто боишься, что если Иккинг доберется до школы, то победит тебя!

Это по-настоящему разозлило Сморкалу.

Единственным предметом в Программе Начальной Пиратской Подготовки, к которому Иккинг проявил настоящий талант, был бой на мечах. Им со Сморкалой давно не приходилось мериться силой, однако уверенность Сморкалы в легкой победе в последнее время была не так уж и тверда, и это бесило его неимоверно.

— Ой-ой-ой! — заорал Сморкала, набрасываясь и на Рыбьенегов гамак и распуская его на ленточки.

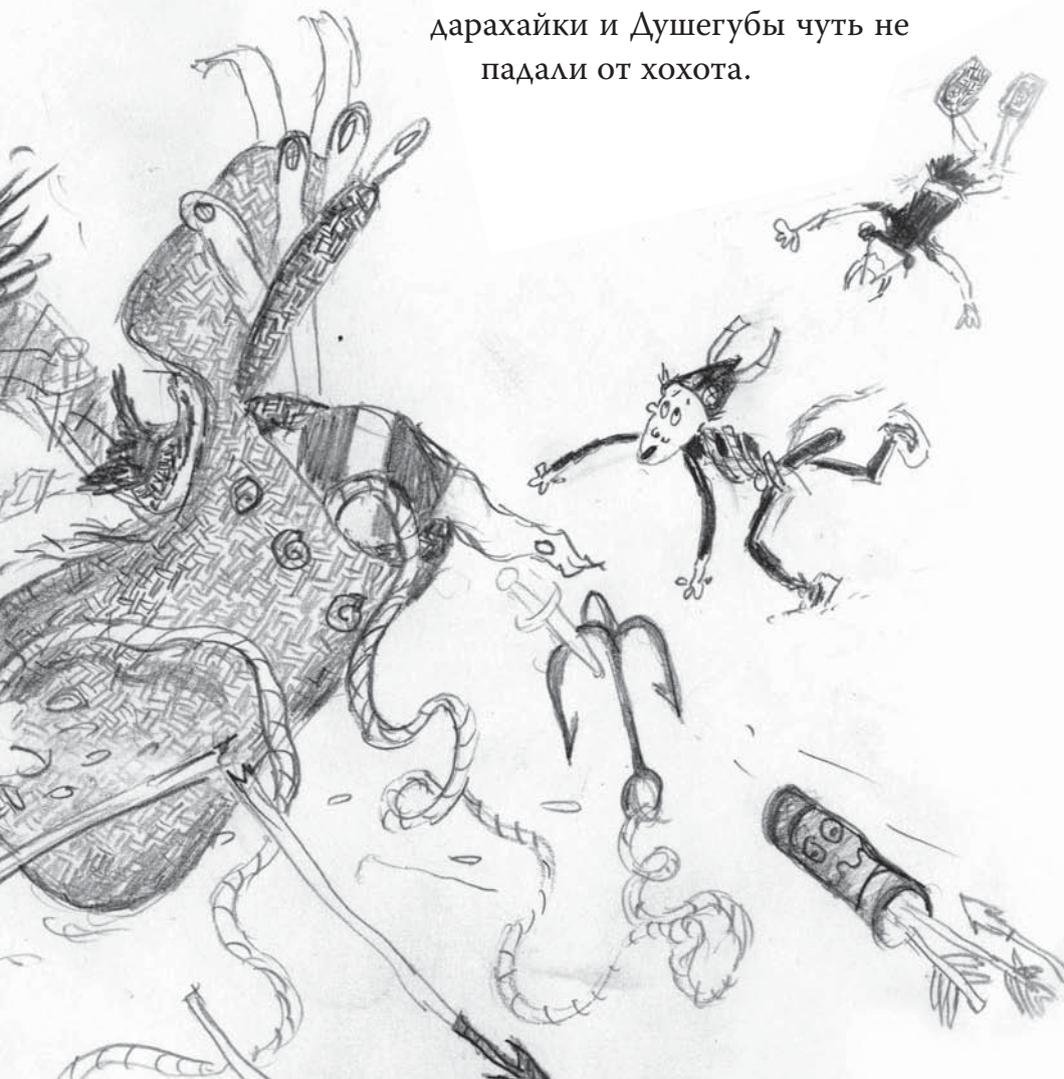
Затем они с Песьедухом обрушились на прочее потрепанное снаряжение друзей, разбрасывая его по всей округе и попутно от души пиная Иккинга и Рыбьенюга. Ухмыляющийся Коварняк помогал им, а Песьедух держал Иккинга, пока Сморкала вытаскивал из ножен его меч. Сморкала поднял клинок, показывая всем. Юные воины дружно заржали как безумные, поскольку меч Иккинга, Дерзновенный, смотрелся не очень внушительно.

БЭВЫНЬ
БЭВЫНЬ

— Что это, о Вождь Иккинг? Твой могучий клинок? Вот этот кинжальчик? Ой, какой я неловкий, кажется, я его погнул! — улыбнулся Сморкала, треснул мечом по камню и зашвырнул его как можно дальше. — Ай-ай-ай, как же ты теперь станешь Золотым Громагистром?

Хулиганы, Гостедавы, Шандарайки и Душегубы чуть не падали от хохота.

— Ни плакайги, майиши, — просюсюкал Сморкала детским голоском, прежде чем убраться прочь вместе с Тугодумом. — Лучше вам придумать отмазку и остаться здесь со стариками и детьми... ВПЕРЕД, ВСЕ ЗА МНОЙ! — заорал он остальным. — Пока, НЕУДАЧНИКИ!

И ухмыляющиеся Будущие Воины полезли следом за ним на скалу, оставив Иккинга и Рыбьенога в синяках и ссадинах печально взирать на разоренное имущество.

Сморкала вечно выставлял их на посмешище перед Хулиганами, но на сей раз вышло хуже, потому что он размазал их на глазах у сверстников из других племен. А значит, ничего хорошего в ближайšie три недели, которые им предстояло провести в фехтовальной школе «Гром и молния», друзьям не светило.

— Видишь? — уныло вздохнул Иккинг. — Взрослые начисто позабыли, каково быть тринадцатилетним и иметь дело с такими, как Сморкала.

Меч Иккинга приземлился в сугроб довольно далеко, и нашел его Беззубик (драконы отлично вынюхивают металл). Клинок действительно слегка погнулся. Иккинг попытался его выправить, но некоторая кособокость осталась.

Другие пожитки тоже пострадали. В щите образовалась большая вмятина — работа Песьедуха Тугодума. Тикалка была раздавлена и тикала еле-

еле, словно запыхалась. Лук был погнут, а большая часть стрел поломана.

Если это и впрямь Королевские Сокровища, или про что там болтал Старый Сморчок, они были очень далеки от идеального состояния.

— И как мы будем спать, если у нас нет гамаков? — спросил Рыбьенег.

— Просто сделаем гамаки из одеял, — ответил Иккинг.

Пока они собрали свое испорченное добро, раскиданное Сморкалой и Песьеухом по всей округе, прочие Будущие Воины опередили их на добрых полчаса.

— **Ветрогон**, — обратился Иккинг к своему ездовому дракону, — тебе правда лучше пойти по Легкому Пути вместе с остальными.

Но эта идея страшно огорчила Ветрогона, и Иккинг сжалился:

— Ну ладно. Полагаю, пока ты не **ПОМОГАЕШЬ** нам лезть наверх, никто не скажет, что ты тут лишний.

— Балуеть ты своих драконов, ой балуеть, — заметил Рыбьенег, когда они начали карабкаться по скале.

— **И мы этого заслуживаем**, — встрял Беззубик.

Весь день они неуклонно лезли вверх. Бедный Рыбьенег старался не смотреть вниз, поскольку боялся высоты.

Когда опустилась ночь, они вбили крючья и подвесили на них коричневые одеяла-гамаки. Рыбье-ног так вымотался, что уснул мгновенно. Ветрогон пристроился на узеньком карнизе чуть поодаль и тоже выключился. Скоро засопел и Беззубик, свернувшийся у Иккинга за пазухой.

Иккинг засыпал несколько дольше, покачиваясь в гамаке, словно на палубе отцовского «Синего кита».

Он все посматривал на зазубренную щель раскинувшегося под ним ущелья. Ущелье шло зигзагом, словно Тор швырнул на землю молнию, метя зачем-то в Иккинга, как если бы он был Избранным...

Наконец он заснул, но в голове продолжали вертеться слова Старого Сморчка: «В фехтовальной школе „Гром и молния“ тебя поджидает великая опасность... Миру понадобится герой, и им вполне можешь оказаться ты... И следи за своим мечом, Иккинг, ибо это меч, указующий путь... меч, указующий путь... меч, указующий путь...»

Вертокруты

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:	9
АТАКА:	9
СКОРОСТЬ:	7
РАЗМЕР:	8
НЕПОСЛУШАНИЕ:	9

Вертокруты – гигантские драконы, обитающие в горах. Они выкручивают и отрывают своим жертвам конечности с помощью длинных мускулистых языков, лишая жертву способности двигаться и сопротивляться.

3. КАК СОРВАТЬСЯ С КРЮЧКА ПРИ ПОМОЩИ КРЮКА

Ну вот теперь вы знаете, что Иккинг делал в четверти пути до вершины Сердитой горы и что наверху, в фехтовальной школе «Гром и молния» его поджидает некая опасность.

Если, конечно, ему вообще удастся добраться до школы.

Так где мы остановились?

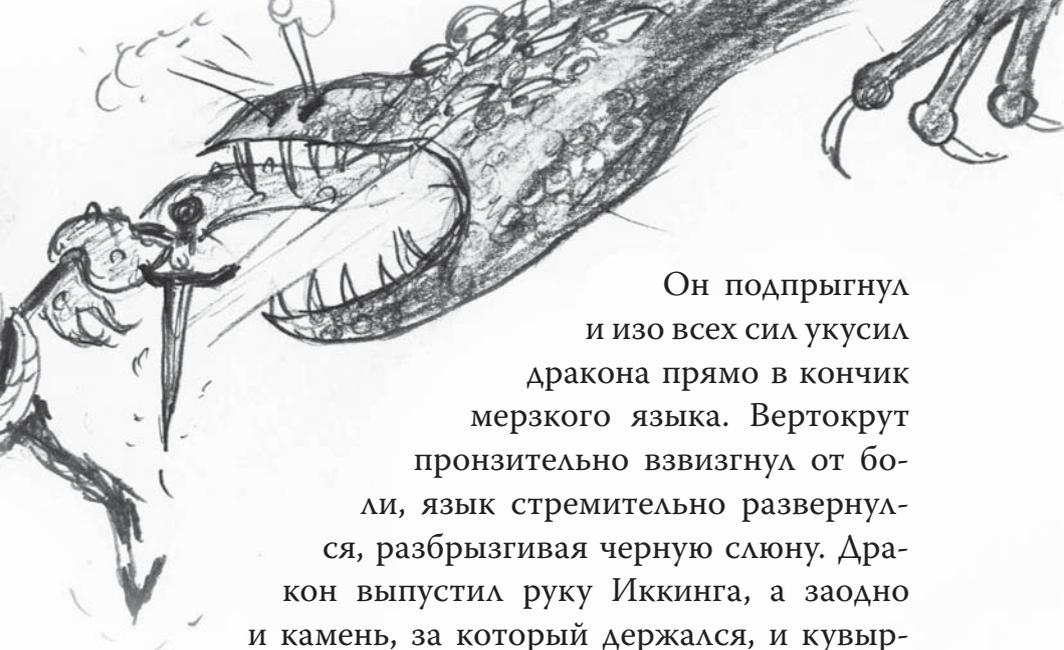
Ах да, отвратительный вертокрут обвил языком руку Иккинга, когда тот болтался на остатках гамака, совершенно беззащитный, над километровой бездной.

Дракон остановился, с клыков из мерзкой разинутой пасти капала черная слюна.

Все семь его глаз смотрели на меч Иккинга, и только на меч.

Дракон на миг ослабил хватку, готовясь выдернуть руку вместе с мечом...

И Беззубик, так и недобудившийся Ветрогона, понял, что действовать придется самому.

Он подпрыгнул и изо всех сил укусил дракона прямо в кончик мерзкого языка. Вертокрут пронзительно взвизгнул от боли, язык стремительно развернулся, разбрызгивая черную слюну. Дракон выпустил руку Иккинга, а заодно и камень, за который держался, и кувырком полетел вниз со скалы.

— Спасибо, Беззубик, — выдохнул Иккинг.

Он в последний раз отчаянно качнулся и спрыгнул на карниз за секунду до того, как гамак наконец оторвался совсем.

Разъяренный вертокрут вывернулся из свободного падения и устремился к ним, хлопая крыльями, словно гигантская летучая мышь. Все семь глаз пылали жадой крови. Иккинг видел, что стая вышла из ловчего пике и последовала за вожаком.

Чего им надо-то?

Иккинг соображал очень быстро. «Следи за мечом... — сказал Старый Сморчок, — ибо это меч, указующий путь...»

И тут Иккинг понял: драконы явились не по его душу! Им нужен был его меч.

— ВОТ МОЙ МЕЧ, ЕСЛИ ВЫ ЕГО ИЩЕТЕ! — заорал Иккинг, откидываясь назад и одним стремительным движением выхватывая меч из рюкзака Рыбьенога.

Он подержал клинок на виду, чтобы драконы наверняка его разглядели, и зашвырнул как можно дальше в теснину.

Меч полетел по красивой дуге.

Многочисленные драконьи глаза, как по команде, переключились на клинок.

Головной вертокрут ринулся за мечом. Остальные драконы роем рванулись следом, рывкая, рыча и отпихивая друг друга, словно собаки в погоне за палкой.

«Это займет их на минуту-другую, прежде чем они обнаружат подмену», — подумал Иккинг.

— Я... больше... не... могу... — пропыхтел Сморкала, раздувая ноздри, пуча глаза и стискивая зубы. — Спаси меня, ты, никчемный урод...

«Он слишком тяжелый, мне его не вытянуть», — подумал Иккинг.

Отчаянно озираясь, он увидел рядом с собой на карнизе веревки и крючья, которыми они с Рыбьеногом пользовались во время подъема. Дрожащими руками Иккинг обвязал один конец вокруг скального выступа и свесил крепезный крюк через край карниза, словно вознамерился подцепить краба с причала.

— А-а-а-а-а! — заверещал Сморкала: его пальцы наконец разжались.

Но в этот самый миг крепезный крюк поймал его... и юный викинг закачался, подвешенный за пояс.

Ладно. Сморкала спасен... по крайней мере, на какое-то время.

Но все остальные пока не могли чувствовать себя в безопасности.

Ни капельки.

Драконы возвращались. Едва обнаружив, что погнались не за тем мечом, они сразу повернули назад.

А Будущие Воины застряли на стене, как припиленные. Разделаться с ними — что сельдей в бочке перестрелять.

— Беззубик! — приказал Иккинг. — Как можно быстрее лети в школу, найди отца, Молниеноса, КОГО УГОДНО, и объясни, что нас пора спасать.

— Есть! — пискнул Беззубик с весьма необычной для него готовностью и умчался прочь. Он был только рад под благовидным предлогом убраться подальше.

Теперь уже все юные воины проснулись. Большинство выбрались из гамаков и заняли по возможности устойчивое положение на скале, натянув луки и приготовив мечи и копья.

Охотничьи драконы тоже полностью очнулись и, раздув шеи, готовые к следующему нападению, вглядывались в темноту теснины. В этой темноте горели крохотные желтые огоньки. Огоньки быстро росли, и становилось понятно, что это глаза приближающихся драконов. И пение, поначалу приглушенное, становилось все громче.

— Вот они-и-и-и-и! — прокричал юный Драчун. — Приготовьтесь!

КОГТИ ОМОЙТЕ
КРОВЬЮ ЛЮДСКОЙ...
МЕРЗОСТЬ ЛЮДСКУЮ ДОЛОЙ С ЗЕМЛИ...
ИСПЕЧИТЕ ЛЮДЕЙ ОГНЕМ...
ВОСТАТЬ ЖЕ, ДРАКОНИЙ РОД!

И громадная волна драконов с ревом ринулась в новую атаку, уже на подлете к скале выпуская языки пламени.

На сей раз охотничьи драконы викингов вылетели им навстречу. Они уступали нападавшим в размерах, но встретили их со злобной храбростью, выкрикивая оскорбления. Громадный зверь породы ужасное чудовище, принадлежавший Коварняку Гостедаву, рухнул вниз, охваченный пламенем. Он вонзил зубы в горло мракокрылу куда крупнее его, а тот в свою очередь вцепился ему в шею, и, рыча, кусая и вопя, оба полетели вниз, в ущелье, кувыркающимся шаром огня.

Яростная и бешеная атака продлилась недолго. Мятежных драконов отогнали, и они взмыли вверх. Громадная драконья эскадрилья рваным строем ушла в небо, но вскоре нырнула обратно в ущелье.

Запыхавшиеся, потрепанные в бою юные воины не радовались, когда драконы отступили и растворились во мраке. Они знали, что передышка долго не продлится и драконы будут повторять атаки до тех пор, пока на скале не останется ни единого человека.

Именно так сражаются драконы.

Иккинг наблюдал это всю жизнь. Дракон нападает, отступает и нападает снова, словно кот, играющий с мышью.

Неровная линия юных воинов, опасно цеплявшихся за отвесную скалу, представляла собой жалкое зрелище: запыхавшиеся подростки с опаленными волосами и лицами в кровавых ссадинах. У охотничьих драконов ярко зеленели раны от когтей и истерзанные уши. Многие рюкзаки и гамаки горели.

Тишина на скальной стене говорила о многом. Эти молодые люди с младенчества воспитывались среди воинов. Они понимали, что их слишком мало и им не продержаться до прихода старших. Они были обречены. Теперь их могло спасти только чудо.

Кто-то запел, негромко, дерзко, сглаживая напряженное ожидание:

Я родился героем и героем умру,
И в небесный чертог я к героям уйду.
Захлебнитесь моей красной кровью,
Но я был и останусь героем.
Лишь бы знать, что свободен мой мир
И я умер не зря...

— Что нам теперь делать, Сморкала? — крикнул вниз Коварняк Гостедав.

Сморкала вытащил меч и изо всех сил постарался принять внушительный вид — непростая задача для того, кто свисает, подцепленный крюком за пояс, без опоры под ногами и со стрелой в лодыжке.

Хуже того, от переживаний и растерянности Сморкала чуть не утратил дар речи (возможно, впервые в жизни). Он только открывал и закрывал рот, словно рыба на крючке.

Наконец он выдохнул:

— К бою, парни!

Не самая удачная реплика в данных обстоятельствах.

— Не все тут парни, мальчик! — проорала вниз Камикадза, расплываясь в боевом оскале. — А ты что думаешь, Иккинг?

Понимаете, Иккинг весьма уступал Сморкале, когда требовалось Выглядеть-Крутым-Парнем-С-Татуировками-В-Виде-Черепов. Но далеко превосходил двоюродного братца, когда надо было Придумать-Дьявольски-

Хмм,
дайте подумать,
у них численное
превосходство
один к четырем,
у них крылья,
когти, зубы
и огонь,
а у нас?..

Хитроумный-Но-Рискованный-План-Посреди-Заварушки. Что, по мнению некоторых, для вождя полезнее.

Вождю приходится пользоваться тем, что есть под рукой, и задействовать складки местности*.

Взгляд Иккинга упал на крепкие крючья.

— Слушайте все! — разнесся его голос вверх по скале. — Прицепите крючья к веревкам для обвязки! А другой конец привяжите к любому камню и валуну, какой найдете, — чем больше, тем лучше!

Юные воины в отчаянии были готовы прислушаться к любому плану, сколь угодно смехо-

* Не мог ли Иккинг прочесть «Искусство войны» Сунь-цзы в Остолопской Публичной библиотеке? Он определенно много знал о тактике боевых действий.

творному или опасному. Дрожащими руками они выполнили команду.

— Когда драконы ударят, — крикнул Иккинг, — подпустите их поближе и забросьте крючья им на спины!

Снизу из ущелья донесся зловещий гул, отдаленное грозное жужжание, во тьме забрезжил желтоватый свет...

— Вот они опя-а-а-ать! — проорал тот же Драчун.

Молодые викинги нервно сглотнули, расправили плечи, понадежней уперлись ногами в скалы да крепче стиснули крепезные крючья.

Могучее драконье войско летело вверх, все ближе и ближе.

— Ждем!.. Ждем!.. Ждем!.. — криком сдерживал товарищей Иккинг. И вот, когда драконы уже почти добрались до них, заорал: — Бросай!!!

По всей скале воины закинули крючья на длинных веревках на атакующих драконов, словно те были живыми горами или летающими башнями.

Отдельные снаряды пролетели мимо движущихся мишеней или соскользнули, отскочив от драконьей чешуи. Но большинство попали в цель и зацепились за спинные гребни, словно за карнизы, или вонзились в жесткую драконью плоть — в ногу или в плечо.

Как и прежде, предводитель драконов протрубил: «**Отходим!**» Драконий строй распался, чтобы

подняться выше и нырнуть обратно в ущелье перед новой атакой.

Но на сей раз все вышло иначе.

Взмывало вверх ужасное драконье войско, победно поливая огнем, визжа и распевая, оставив на скале оборванные и обожженные жертвы и готовое к новому приступу...

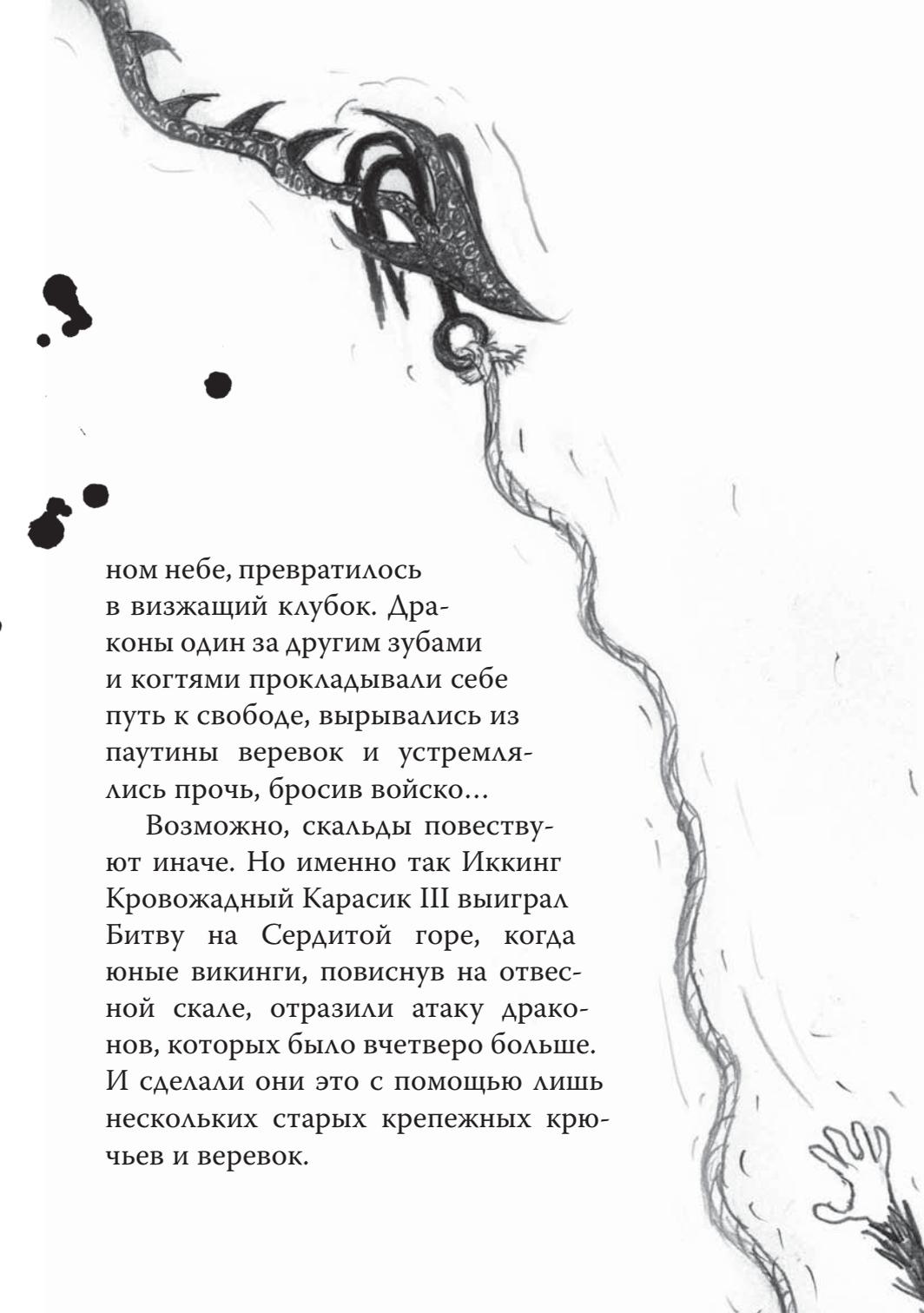
Но многие драконы попались на крючок. А к крючкам были привязаны тяжелые камни. Драконы поднимались, и веревки сначала натянулись, а потом, одна за другой, сдернули камни с карнизов.

Засвистели в воздухе здоровенные валуны, замелькали, путаясь, веревки. Драконы завопили в тревоге, когда сначала одному попало камнем, потом другому... А веревки хлестали их по голове, оплетали крылья, цеплялись за когти.

Перепуганные драконы пытались высвободиться, но у них не получалось, и тогда они разворачивались и бросались на других драконов. Веревки от этого переплетались все больше.

Увидев, что происходит, вожак пронзительным криком велел стае сохранять спокойствие, собраться, не паниковать... Однако это была не его стая, войско летало под его предводительством совсем недолго. А больше всего на свете драконы ненавидят подчиняться. Запутавшись в веревках, они вконец потеряли голову и не желали ничего слушать.

К радостному изумлению юных викингов, драконье воинство, только что победно парившее в чер-

ном небе, превратилось в визжащий клубок. Драконы один за другим зубами и когтями прокладывали себе путь к свободе, вырывались из паутины веревок и устремлялись прочь, бросив войско...

Возможно, скальды повествуют иначе. Но именно так Иккинг Кровожадный Карасик III выиграл Битву на Сердитой горе, когда юные викинги, повиснув на отвесной скале, отразили атаку драконов, которых было вчетверо больше. И сделали они это с помощью лишь нескольких старых крепезных крючьев и веревок.

4. ПРЯТКИ

И вот когда Мятежные драконы скрылись и скальная стена зазвенела от победных воплей юных воинов, Ветрогон наконец-то проснулся.

— Ой, я что-то пропустил? — невинно поинтересовался он.

Сморкала так и болтался на крюке ниже Иккинга. Пришлось Коварняку, Бандюгу и еще паре самых крепких Остолопов и Гостедавов спуститься и вытащить его. Их почему-то страшно развеселило его незавидное положение: висит, понимаешь, над пропастью с крюком в подштанниках.

— ХА-ХА-ХА-ХА-ХА! — гоготали Коварняк и Бандюг. — Ни дать ни взять рыба на крючке!

— Ты пожалеешь об этом, двоюродный братец, — бормотал Сморкала, вытаскивая стрелу из икры. — Погоди у меня. Ты пожалеешь об этом, Иккинг. Придет еще мой час...

Тем не менее он не возражал, чтобы Ветрогон отнес его на вершину скалы как раненого.

Время едва перевалило за полночь, но никому не хотелось оставаться до утра на скале — а вдруг Мятежные драконы вернутся? К тому же почти все гамаки сгорели дотла. Так что юные воины продолжили восхождение в темноте. Это и само по себе

не просто, а у них еще и веревок и крючьев почти не осталось.

Но они справились. Если верить тикалке Иккинга, часам к шести утра юные воины-викинги добрались-таки до фехтовальной школы «Гром и молния». Правда, выглядели они после всех тревог и ночного подъема далеко не лучшим образом.

Школа оказалась гигантской крепостью — Иккингу еще не доводилось видеть таких огромных замков. И таких тихих.

Они покричали у ворот, чтобы им опустили мост, но серые громады стен молчали. Вверху на укреплениях и башнях гнездились стаи птичек-необычаек.

Они проснулись от шума и отозвались печальными тоскливыми криками, в которых отчетливо слышалось: «Ты где-е-е?»

Измученные юные воины в последний раз закинули крючья, взобрались на замковые стены и устало попадали на каменные плиты.

— А я думал, все уже позади, — выдохнул Рыбьенег, распростершись рядом с Иккингом.

Рыбьенег потерял шлем, а его дракониха Жутьздоровая так перепугалась, услышав песнь Мятежных

Рыбьенег
с Жутьздоровой на голове

Вторая
Башня
Слева

Ведьмина
предсказательская
хижина

Ректоровальная школа

Боевая
арена

Пиршественный
зал

"Трон и молния"

драконов на отвесной скале, что уселась Рыбьенугу на макушку и для надежности запуталась когтями в волосах. Всю дорогу она непрерывно мычала от страха. (Детеныши драконов, почуяв опасность, часто забираются матерям на голову или спину.)

Камикадза от волнения тоже никак не могла успокоиться и трещала пуще обычного:

— Ты был великолепен, Иккинг, просто великолепен! Эта затея с крючьями — высший класс!

А ободранный, обожженный и вымотанный до предела Иккинг чувствовал себя победителем. Теперь, когда все было позади, юные воины подходили похлопать его по спине и поблагодарить за идею с крючьями.

— Ты... э... как-тебя-там... Иккинг? Короче, ты молодец, — пробурчал Коварняк Гостедав, едва не опрокинув его дружеским хлопком по плечу. — Извини, если раньше что не так вышло...

— Говорил я тебе, — ухмыльнулся Бандюг Остолоп, — он круче, чем кажется.

Иккинг не привык к такому вниманию со стороны юных воинов-викингов, особенно тех, которые были старше и намного круче. Обычно они в лучшем случае не замечали его, а в худшем дразнили и насмехались.

«Так вот оно, то самое уважение сверстников, о котором говорил отец», — подумал Иккинг, красный от смущения и гордости.

Приятно, однако.

Но подспудная тревога не отпускала его. Да, он одолел тех драконов... По крайней мере, пока что можно их не опасаться. Но что это вообще было? Как вышло, что разные виды объединились для нападения? Зачем им понадобился его меч? И что за жуткую песню они распевали на драконьем наречии?

Юные воины довольно быстро прекратили поздравлять друг друга и принялись недоуменно оглядываться. Что происходит? Где все?

Даже Камикадза прекратила возбужденно болтать и умолкла.

Тишина стояла гробовая.

Они раньше не бывали в школе Молниеноса, но знали, что на бастионах должны стоять часовые, даже ночью. И где они? Вот аккуратно составленные в шалаши копья, вот рядом висят щиты, словно воины только что сложили оружие...

И никого.

«Старый Сморчок говорил, что в фехтовальной школе поджидает страшная опасность...» — припомнил Иккинг.

Послышалось хлопанье крыльев, он подскочил...

Но это оказался всего лишь Беззубик. Он спикировал на хозяйский шлем с видом весьма расслабленным и крайне самодовольным. Рот у него был набит жареной кабанятиной.

"Н-и-ничем,"
объяснил Беззубик,
невинно хлопая глазами.

— Где ты был? — с легким раздражением поинтересовался Иккинг. — Я послал тебя за помощью, а не на завтрак. Мы там внизу чуть не пропали!

— Ой, да, — виновато начал дракончик. — Б'бе-беззубик искал. Б'бе-беззубик искал ПО-ПОВСЮДУ.

— А чем у тебя рот набит? — сурово спросил Иккинг.

— Ничем, — объяснил Беззубик, невинно хлопая глазами. — П-просто во-воздух жжжжюю.

— Ну, пахнет-то этот воздух жареным кабаном, — заметил Иккинг.

— АУУ-У-У-У-У-УУУ! — заорал Бандюг Остолоп. — ЕСТЬ ТУТ КТО-О-О? ВЫЙДИ И НАЗОВИСЬ!

Ответа не было. Только необычайки откликнулись тоскливо:

— Ты где-е-е-е?

Юные воины переглянулись. Похоже, рано расслабляться. Никто не произнес этого вслух, но все

подумали: «А вдруг несколько драконов притаились даже здесь, в самом замке...»

Они вытащили мечи и осторожно, крадучись двинулись по опустелому зданию. Но куда бы они ни заходили, их встречала тишина, ее нарушали лишь завывания ветра и крики необычаек: «Ты где-е-е-е?», словно юных викингов втянули в какую-то зловещую игру в прятки.

Жутковатое это дело — красться на цыпочках по незнакомому брошенному замку в глухой ночи, не зная, что или кто может выпрыгнуть на тебя в любое мгновение.

Конечно, молодежь уже имела за спиной кое-какой боевой опыт, так что викинги обследовали замок со знанием дела. Двое становились по обе стороны двери, остальные дружно врываются в помещение с мечами и топорами наготове и проверяли под столами, за дверными створками, под гобеленами.

Ничего и никого.

— Ты где-е-е-е? — надрывались необычайки.

У Иккинга сводило спину, нервы звенели, как натянутая тетива, каждое мгновение он ожидал, что в загромок вопьются драконьи когти, а в затылок ударит пламя.

В замке имелись гигантские тренировочные залы с мечами и копьями, составленными вдоль стен, громадные пустые башни и огромная центральная

Боевая арена, окруженная пылающими факелами. Кто-то же их зажег... Но где все?

Пробродив с полчаса по лабиринту пустых коридоров и гулким залам, два отряда Будущих Воинов — один под предводительством Иккинга, другой — Бандюга — сошлись примерно посередине, у дверей большого, сиявшего окнами Пиршественного зала.

Нервы у Иккинга были уже на пределе, и тут над головой послышался гул могучих крыльев, кто-то выкрикнул «ДРАКОНЫ!», и множество Будущих Воинов, не задумываясь, спустили тетивы Северных луков.

— БРОВИ ОДИНА, НЕ СТРЕЛЯЙТЕ, ВЫ, ИДИОТЫ! ВЫ МНЕ ЕДВА БАШКУ НЕ СНЕСЛИ! — донесся сверху взбешенный голос. Это был Стоик Обширный на своем громадном драконе Быкарусе. — ОТКРОЙТЕ ВОРОТА!

Прибыли взрослые, поднимавшиеся на Сердигую гору по Легкому Пути. Они, шатаясь, вваливались в ворота, и юные викинги сразу поняли: Легкий Путь оказался не таким уж легким.

На взрослых тоже напали Мятежные драконы.

Верховые драконы хромали, на лапах зеленели свежие раны, уши свисали рваными клочьями. На спине у одного непостижимым образом уцелело обугленное древко, на котором все еще весело развевался флаг. Взрослые воины выглядели не лучше:

с обожженными лицами, потрясенные до глубины души.

Усталые вожди спешили один за другим. Лица у всех были непривычно мрачные и серьезные. Молча оглядев молодежь — в обугленных лохмотьях, в пятнах крови и копоти, кашляющую от дыма, — взрослые сразу поняли, что и на юных воинов напали.

Викинги-подростки старались держать свое потрепанное оружие с обычной хвастливой небрежностью, но это не могло никого обмануть. Смерть пролетела слишком близко, и в глазах у них застыл страх.

Они только что не тряслись от ужаса.

Драконы никогда себя так не вели. Чтобы разные виды объединились и напали на людей — неслыханно! И викинги до смерти боялись продолжения...

— Все живы? — рывкнула Берта, предводительница племени Бой-баб и мама Камикадзы, женщина-гора с мощными бедрами.

Ее обугленные косы еще слегка дымились.

Камикадза выступила вперед и отсалютовала.

— Все живы, — доложила она, — благодаря Иккингу Кровожадному Карасику Третьему. Но в замке ни души.

Это по-настоящему потрясло вождей.

— Торovy бицепсы! — взревел Могадон Остолоп. — Только не говорите мне, что Молниенос

разбит! Это невозможно! Самый Выдающийся Герой Архипелага Всех Времен! И его сорок воинов, и краснотигры... они непобедимы. Как такое может быть?

Вместе они распахнули гигантские двери Пиршественного зала высотой с дом.

Скри-и-и-и-ип...

И опять никого.

Огонь под большим золотым котлом потух, но пепел еще дымился.

Длинный стол стоял накрытый для великого победного пира, Пира Новых Воинов, — и это действительно был бы веселый пир, пылали бы факелы, и тысяча викингов пила бы за здоровье молодого поколения.

Племена архипелага входили в зал поотрядно, словно на похоронах, и обозревали угощение для несостоявшегося праздника.

На длинных столах громоздилась еда, в том числе громадный дикий вепрь, уже слегка понадкусанный — наверняка Беззубик постарался. Червяк Безмозглый нашел куриную ножку и с воодушевлением впился в нее зубами.

— Ммм... вкусно... и теплая еще, — пробубнил он.

Еще теплая... значит, обитатели замка покинули его совсем недавно.

Но где они теперь?

— Ты где-е-е-е? — навязчиво рвалась в окна далекая песня необычаек.

Загадка.

ТУК! ТУК! ТУК!

Властный, громкий стук раздавался из ниоткуда, словно великий бог Тор стучал в железную дверь обухом своего топора.

Только представьте: в огромном пустом замке на вершине скалы, в замке, чьи обитатели таинственным образом исчезли, и только ветер тоскливо воет в пустых стенах... вдруг раздается загадочный стук. Неудивительно, что отважные викинги, всю ночь сражавшиеся с Мятежными драконами, затряслись от страха.

ТУК! ТУК! ТУК!

— Что это было? — прошептал Граббит Мрачный, крепче стискивая дымящуюся секиру. Глаза его — один синий, другой черный — полезли на лоб. — Что это за шум?

ТУК! ТУК! ТУК!

— Вот, снова! — потрясенно воскликнул Стоик Обширный.

Стук был громкий и гулкий, словно кто-то стучал в чугунную плиту и ждал ответа.

ТУК! ТУК! ТУК!

— Ты где-е-е-е?..

— Откуда же он раздается? — недоумевал Стоик. «Ой-ой», — подумал Иккинг.

— Может, это у Рыбьенога коленки стучат, — предположил Сморкала, но привычной глумливости в его голосе явно не доставало.

Уж больно зловеще звучал непонятный стук, в таких-то обстоятельствах.

ТУК! ТУК! ТУК!

— Ох, чтоб у меня мозоли прыщом пошли, похоже, это из котла! — воскликнул Стоик.

ТУК! ТУК! ТУК!

Стук действительно раздавался из большого золотого котла. Кто-то или что-то сидело внутри и стучало — ясно и громко.

— Посмотри в котле, Безмозглый! — приказал Стоик.

— Гм, вождь... у меня, того... слегка ногу свело, — проямлил Червяк. — Старая боевая рана... иногда напоминает о себе...

Долгими вечерами у очага викинги рассказывали друг другу самые разные зловещие истории. Были среди них и байки о скелетах, которые лезут из кухонных котлов, так что викинги, понятное дело, перепугались до судорог.

Вожди переглянулись. Шагнули к камину.

Восемнадцать мускулистых вождей, а с ними и почти все воины архипелага встали вокруг золотого котла.

Граббит Мрачный расправил плечи и сам постучал по крышке — три четких властных удара — и внушительно прочистил горло.

— Выходи, кто бы ты ни был! — приказал он. — Говорит вождь Граббит Мрачный! Выходи с поднятыми руками, ибо ты окружен!

В котле резко стихло.

Теперь постучал Стоик.

— Если не выйдешь на счет «три», — произнес он самым важным голосом для случаев «изволь-меня-слушаться», — придется нам самим поднять крышку, а мы, предупреждаю, вооружены до зубов...

Котел ответил молчанием.

Что ж, восемнадцать косматых вождей скорее позволили бы штормам унести себя к черту на рога, чем опозорились бы друг перед другом. Да, они боялись, очень боялись — они тряслись от нечесанных макушек до нестриженных ногтей на ногах. Но все равно собирались поднять эту крышку, пусть

внутри сидит хоть сотня привидений, пируя со своими призрачными предками.

— Могадон! Душегуб! — повелительно начал Стоик. — Помогите мне снять крышку...

— Ох, не снимайте крышку... Пожалуйста, не снимайте крышку... — Бедный Рыбьенег едва не плакал от страха, и Иккинг всей душой понимал его.

Он бы и сам предпочел оставить котел как есть.

Крышка оказалась такая тяжелая, что троем вождям пришлось поднату-у-ужиться, чтобы столкнуть ее с котла. И вот она с оглушительным лязгом и звоном упала на пол...

...и вожди заорали в один голос...

...потому что из котла что-то вылетело...

— Курица! — с облегчением возопил Толстопуз. — Это просто курица!

— Просто курица! ХА! ХА! ХА! ХА! ХА! — зарокотали викинги с ужасным смущением и облегчением. — ХА! ХА! ХА! ХА! ХА!

И тут...

— Погодите-ка, — тревожно пискнул Рыбье-ног, — там есть что-то еще!

И правда. Что-то скреблось, скреблось и наконец ухватилось за край жуткой когтистой лапой.

Человеческой рукой с железными когтями.

5. УЖАС В КОТЛЕ

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А! — заорали Хулиганы, Душегубы, Мракушники, Бой-бабы, Молчанцы, Шандарахайки и остальные племена архипелага, когда к ним протянулась белая рука.

Доблестные воины с топотом заметались по Пиршественному залу, словно перепуганные водяные буйволы.

— Духи и привидения... — пролепетал Стоик Обширный побелевшими губами, — заводятся в кухонных котлах...

Скалозуб запрыгнул Плеваке на руки и попытался забраться ему на макушку. Толстопуз Пивобрюх хотел спрятаться под скамьей и застрял там, как пробка в бутылке.

Завороженный ужасом Иккинг, не отрывая глаз, смотрел, как из котла вы-ы-ы-сунулась вторая растопыренная пятерня, покрытая неведомой серо-зеленой слизью, и вцепилась в край.

И медленно-медленно из кухонного котла показалась человеческая голова, бумажно-белая и ухмыляющаяся, словно череп. За головой появились плечи, потом грудь, и наконец все поняли: перед ними старуха с длинными белыми волосами, полуслепыми глазами, затянутыми толстой серой плен-

В котле
сидело
что-то
ЖУТКОЕ...

кой, и носом острым, как кончик ножа.

— Призрак! Призрак! Призрак! — заверещали викинги.

Потому что старуха была тощая, как скелет, а ее серый нагрудник, длинные белые одеяния и зловещее лицо были как раз такими, какие ожидаешь увидеть у привидения.

Иккинг стоял, закрыв лицо руками, но подглядывал сквозь пальцы и невольно ахнул, сообразив, что перед ним вовсе не привидение. Хотя лично он больше обрадовался бы призраку неупокоенного воина, вернувшемуся из Валгаллы. Потому что любой призрак был пушистым игривым котеночком по сравнению с той, кто на самом деле сидела в котле.

Иккинг узнал эту мерзкую на вид, болезненно-белесую, выцветшую кожу, так туго обтягивающую череп, что все кости можно сосчитать. И эти железные накладные когти.

— Боги всемогущие! — воскликнул Иккинг, содрогнувшись от ужаса и потрясения. — Это ж мамаша Элвина Вероломного!

Еще бы тут не содрогнуться.

Во-первых, родительница Элвина Вероломного была исключительно неприятной и могущественной ведьмой. Во-вторых, Иккинг был уверен, что она умерла.

Если жива она, значит и ее сынок Элвин тоже уцелел — и это **ОЧЕНЬ ПЛОХИЕ НОВОСТИ**. Элвин Вероломный был заклятым врагом Иккинга...

— Ты знаком с этим привидением, Иккинг? — изумился Стоик Обширный.

— Никакое она не привидение, — ответил Иккинг. — Это мать Элвина Вероломного, и она очень опасная ведьма.

— Это не призрак, ребята! Просто ведьма! — с облегчением проорал Могадон Остолоп.

Старуха выползла из котла. С нее капало.

На глазах у изумленной публики она побежала по залу на четвереньках, словно волк или собака, цокая железными когтями по каменному полу. Всех передернуло — двигалась она словно насекомое или какая-то злая тварь, а вовсе не как человек.

Ведьма уселась на стул во главе стола и склонила голову набок в ожидании вопросов. Ждать ей пришлось недолго.

— Госпожа! — проревел Стоик Обширный с изрядной обидой в голосе. — Изволь объясниться! С чего это ты выскакиваешь из котла и пугаешь нас в столь поздний час?

Когда ведьма заговорила, у всех по спине поползли мурашки. Она говорила свистящим шепотом, в котором звучало неприкрытое зло. Услышав его, хотелось на всякий случай проверить, на месте ли душа, — а вдруг старуха высосала ее?

— Мое имя Экселлинон, и я ведьма этого замка. И уж поверьте, не в моем обыкновении, — продолжала она трескучим как мороз голосом, — ни залезать в котлы, ни выскакивать из них. Однако на замок напали драконы самого жуткого и опасного свойства. Молниенос и его воины пали, никого не осталось. Лишь я уцелела, потому что предвидение подсказало мне заползти в кухонный котел и спрятаться там...

Иккинг обводил взглядом зал. Ни следов пламени, ни перевернутых стульев, ни крови, ни иных признаков борьбы.

Врет ведьма.

Но почему бы викингам не поверить ей? Они только что сами выдержали ужасную и кровавую битву с Мятежными драконами. Нетрудно представить, как те же самые драконы уносят прочь Молниеноса и его поверженных воинов...

В Пиршественном зале поднялся вопль. Раздавались крики: «Их похитили, клянусь моими штанами!» и «Мы должны отомстить!».

— Но почему? — спросил обалдевший Мракушник. — Почему это случилось? Что происходит?

Полуслепые глаза ведьмы сверкнули.

— Кое-кто выпустил дракона Ярогнева из его тюрьмы на Берсерке, а тот поднял Драконье восстание, и теперь никому не жить... — прошипела ведьма.

Викинги ахнули от ужаса.

«Боги-боги-БОГИ... так это Ярогнев напал на нас на скале», — подумал Иккинг.

— Заметили, как вели себя эти драконы? Таково наступление АлаяРости, — продолжала старуха.

— А что, — спросил Стоик Обширный, на самом деле вовсе не желая услышать ответ, — что, собственно, за АлаяРость такая?

— АлаяРость — это когда драконы собираются в огромную стаю для охоты за жертвой. Теперь все предопределено, — улыбнулась ведьма Экселлигор. — Они будут преследовать каждого мужчину, женщину и ребенка, пока люди не исчезнут с лица земли.

Племена с трудом переваривали услышанное. В зале воцарилась тишина.

— РО-О-О-О-ОК!!! — взвизгнула ведьма, словно полоснула когтями по стеклу. — РОК НАСТИГ АРХИПЕЛАГ!

— Чушь, — возмутился Стоик. — Драконы несколько взбудоражены, вот и все...

— А ты сына спроси, — прошипела ведьма, — ведь это он выпустил того дракона... — злорадно добавила она.

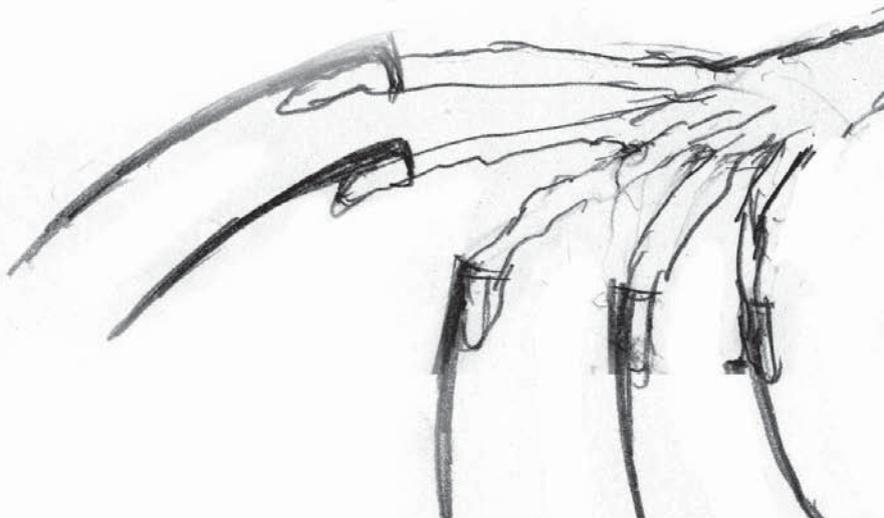
Ох, братцы...

Все дружно ахнули от ужаса, и, к мучительному, жгучему смущению Иккинга, воины племен архипелага разом повернулись и уставились на него, возмущенно цокая языком, показывая на него пальцем и качая головой.

Вот и все. Лишь пару часов назад Иккинг был Героем, Спасшим Всех Юных Воинов В Битве На Сердитой Горе. Теперь, в мгновение ока, подвиг его канул в забвение, и он превратился в идиота, который подверг всех смертельной опасности, выпустив дракона Ярогнева.

Иккинг стоял красный до кончиков ушей и мечтал провалиться сквозь землю.

— Это он разговаривал с Ярогневом, — прошипела ведьма. — Спросите Иккинга Кровожадного Карасика Третьего, что сказал ему дракон про восстание.

Ведьма
Экселинор

— Что сказал дракон, Иккинг? — обратился Стоик к сыну.

— Ну, я же тысячу раз пытался тебе об этом рассказать, папа, — выпалил Иккинг, маясь от неловкости. — Дракон сказал, что у нас всего год, прежде чем он вернется стереть род человеческий

с лица земли. Но это было так давно... и год уже с лихвой прошел... и я вроде как надеялся, что, может, он забыл...

И снова жуткая тишина. Стоик Обширный пыхтел, словно готовый взорваться чайник.

Большинство отцов на его месте тоже бы возмутились.

— КАК ТЫ МОГ УТАИТЬ ОТ МЕНЯ ПОДОБНОЕ! УНИЧТОЖЕНИЕ ВСЕГО РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО?! А раньше ты не мог сказать? Хоть бы словом обмолвился!

— Да говорил я. Только ты всегда слишком занят и не слушаешь, — отозвался несчастный Иккинг.

Стоик неимоверным усилием воли сдержался и промолчал.

— Что нам делать, о Великая Пророчица? — спросил Могадон Остолоп от имени всех племен. — Как нам предотвратить этот ужас?

Ведьма улыбнулась. Ну и мерзкая же это была улыбка!

— Вам нужен новый Король Дикозапада.

Зал взорвался ревом. Преобладали крики: «Никогда! Никогда больше у нас не будет Короля!»

Племена архипелага славились независимостью и проводили все время в грабежах и драках между собой. И вовсе не нуждались в Короле, который помыкал бы ими и распоряжался. Они избавились

от Короля Дикозапада много лет назад и не горели желанием обзаводиться таковым заново.

Вообще-то, в прошлом подобные разговоры навлекли на ведьму великую беду. СТР Страхолод, король Материка, едва заслышав ее разговоры о Пророчествах и новом Короле, заточил ее на двадцать лет в стволе дерева.

Но главное — правильно выбрать время. Теперь ведьме потребовалось лишь поднять в воздух палец и прошипеть:

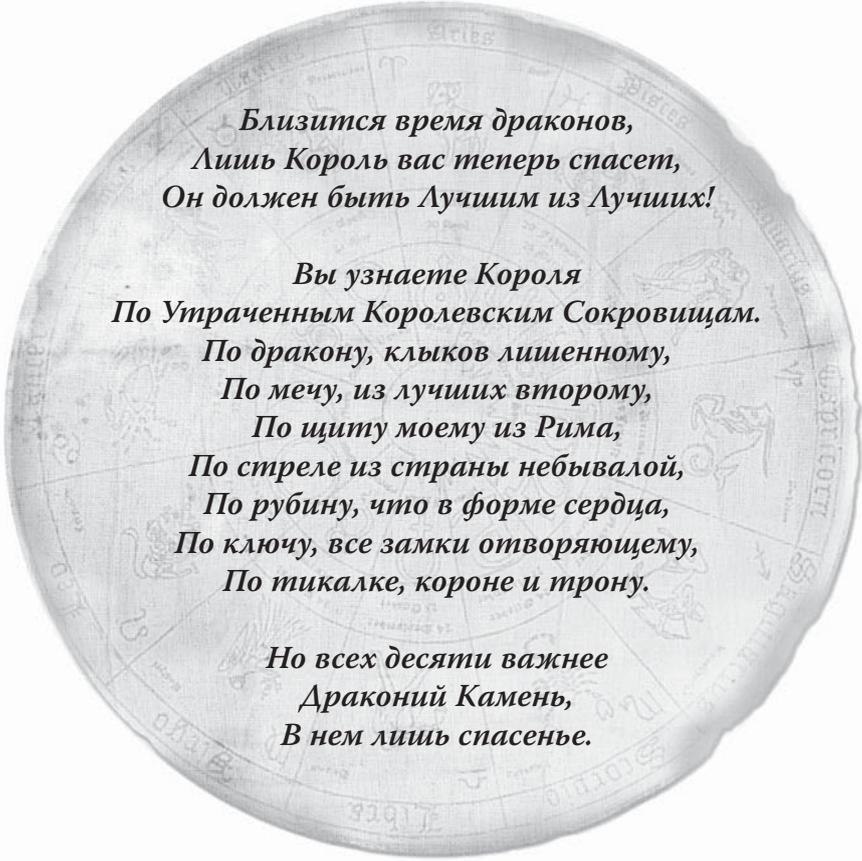
— ОБРЕЧЕНЫ! МЫ ВСЕ ОБРЕЧЕНЫ, ЕСЛИ НЕ СДЕЛАЕМ ЭТОГО!

Боль недавних потерь в бою с охваченными Алаяростью драконами волшебным образом заставила всех умолкнуть.

— Только Король нас теперь спасет. И к счастью, — промурлыкала ведьма, — ПОСЛЕДНИЙ Король Дикозапада, Чернобород Оголтелый, оставил по себе вполне определенное Пророчество. Пророчество веками передавалось от ведьмы к ведьме...

— Открой нам это Пророчество, о Великая Волшебница! — вскричали викинги.

Ведьма подалась вперед и прошептала заветные слова, словно раскрывала чудесный секрет, и в тишине Пиршественного зала викинги подались вперед, чтобы расслышать шепот ведьмы за треском пламени и воем ветра:

*Близится время драконов,
Лишь Король вас теперь спасет,
Он должен быть Лучшим из Лучших!*

*Вы узнаете Короля
По Утраченным Королевским Сокровищам.
По дракону, клыков лишенному,
По мечу, из лучших второму,
По щиту моему из Рима,
По стреле из страны небывалой,
По рубину, что в форме сердца,
По ключу, все замки открывающему,
По тикалке, короне и трону.*

*Но всех десяти важнее
Драконий Камень,
В нем лишь спасенье.*

Иккингу вдруг стало трудно стоять прямо. Словно невидимая сеть накрыла его и принялась душить.

Ведьма, как паук, оплетала зал паутиной своих речей. Слова ее свивались в нити и заползали в уши викингам, словно дым. До сих пор Иккингу казалось, что ведьмина история бесцельно рыскает из стороны в сторону, как его кораблик «Молодой талантливый баклан» на волнах. Но теперь она на

глазах обрела цель и логику, которых он раньше не видел и не понимал.

В ножнах у Иккинга покоился второй, любимый меч Черноборода, в кармане безрукавки лежала раздавленная Чернобородова тикалка, прямоугольный римский щит (слегка помятый Песьеухом Тугодумом) висел у него на правой руке, стрела из Америки, страны, которой нет, хранилась в колчане, на поясе висел ключ, отпирающий все замки, половина рубинового сердца украшала браслет у него на запястье, а над головой парил беззубый дракон...

Утраченные Королевские Сокровища.

«Невозможно... — думал Иккинг. — Невозможно... Я ведь нашел все это случайно! Я даже не искал...»*

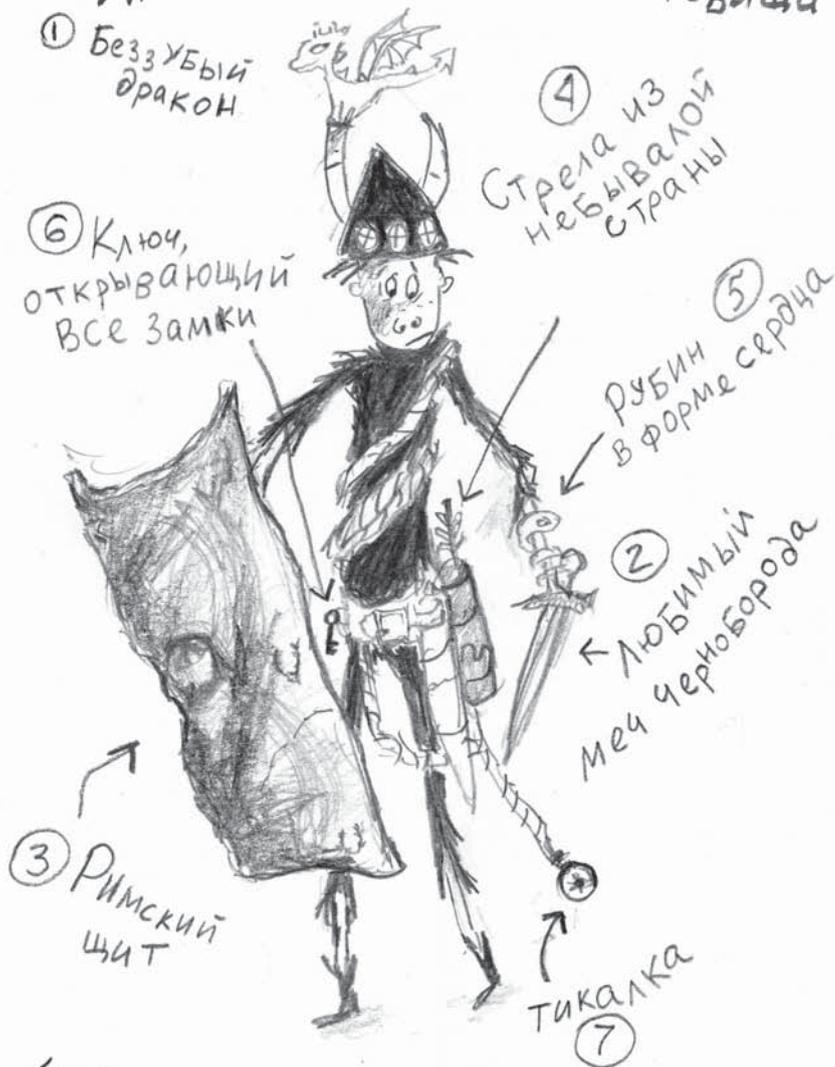
— Случайностей не бывает, — мрачно заявила старуха, словно Иккинг произнес это вслух.

«Что она затеяла? — думал мальчик, окаменев от тревоги и растерянности. — Зачем ей делать меня Королем? Чернобородово Пророчество настоящее или она все выдумала? И если она уже знает про подлинные Сокровища, почему просто не стырит у меня все это добро?»

Никто из викингов, конечно, не заподозрил Короля в Кровожадном Карасике. Только Камикадза

* Если вы прочтете предыдущие восемь томов мемуаров Иккинга, перечисленные в начале книги, то узнаете, как и при каких обстоятельствах Иккинг нашел каждое из этих Сокровищ.

Утраченные Королевские Сокровища

(Трон благополучно покоится в Хулиганской гавани, Корона спрятана под Фехтовальной школой „Гром и молния“. Где находится Драконий Камень, никто не знает.)

и Рыбьеное уставились на него, разинув рот, и Иккинг покачал головой, умоляя их молчать.

Все остальные были заняты своими мыслями. Каждый воин тут же принялся мечтать о том, какой великий Король Дикозапада получился бы из него самого. Где уж тут заметить в своих рядах готового обладателя почти всех Утраченных Королевских Сокровищ.

Да и кто бы признал в побитых и покореженных пожитках Иккинга наследство Короля? Разумеется, никому такое и в голову не пришло.

А что новым Королем Дикозапада окажется тощий недоросль, из-за которого и заварилась вся эта каша, — это и подавно никому в голову не приходило, да и прийти не могло.

— Но такого не бывает! — вскричал один из Мракушников. — Стрелы из небывалых земель? Ключи, открывающие все замки? Камни в виде сердец? Тикалки? Бабушкины сказки! Пока мы добываем все эти безделушки, АлаяРость накопится вновь и дракон Ярогнев нападет на нас, собрав армию посильнее! И как твой Король его остановит?

— Найдите Короля, — гнула свое ведьма. — Найдите Короля, и все Сокровища найдутся. И когда мечники соберутся здесь на состязание в честь Новых Воинов через три недели, сделайте это состязание открытым для всех... выясните, кто Лучший из Лучших... и вы найдете своего Короля.

Ну, теперь-то она заговорила на понятном викингам языке.

Хитрость и сила ума, невыполнимые задачи и загадки про несуществующие страны — от всего этого у викингов только голова с непривычки разболелась. Другое дело — простое и понятное состязание мечников!

Что ж, начистим щиты и наострим старые добрые клинки!

Все принялись прикидывать свои шансы на победу. Зал наполнился возбужденным смехом и топотом.

Но ведьма еще не все сказала.

— И когда я говорю «открытым для всех»... — протянула она.

И только тут все заметили, что народу в зале прибавилось. Пока ведьма отвлекала на себя внимание, незваные гости подкрадывались к дверям, лезли в окна, просачивались в зал, словно крысы. Люди с отсеченными носами, неполным комплектом ушей и заостренными зубами. Некоторые лаяли по-собачьи и передвигались на четвереньках, подобно своей госпоже.

— Отщепенцы... — выдохнул Стоик Обширный, и каждый викинг в зале мгновенно выхватил меч.

Они всегда так делали, заметив крысу.

— Но мы решили не иметь дела с этими людьми, — сказал самым суровым тоном Могадон

И кто же этот высокий незнакомец,

Остолоп. — Они слишком подлы, злы и коварны даже для нас, викингов.

— Значит, вы предали самих себя! — прошипела ведьма. — Нынешнее бедствие послано вам в наказание! Вы размякли и позабыли, что значит быть викингом. И боги напомнят вам, указав победителя турнира.

— Старейший Старейшина! — грянула Берта Бой-баба, обращаясь к старейшему из викингов, крохотному, невероятно морщинистому Шандарахайку. — Отщепенцы ведь не могут участвовать в этом состязании, верно? Они же обычные преступники.

— Придержи язычок, крошка Берта! — быстро прошипела ведьма. — Это мои отборные люди и мой сын Элвин, которого они снова, — тут в ее голосе послышалась особенно гнусная нотка, и несколько Отщепенцев всхлипнули, — признали своим вождем. Он прямой потомок Черноборода Оголтелого по линии его старшего сына, Головореза Вероломного...

Старейший Старейшина вздохнул. Тяжелая ночь в битве с Мятежными драконами не прошла ему даром, он был уже слишком стар для всей этой суеты.

— Боюсь, ведьма права. Отщепенцы имеют те же права наследования, что и все остальные.

«Так вот какую игру ведет Экселлинор... она хочет сделать Элвина Королем...»

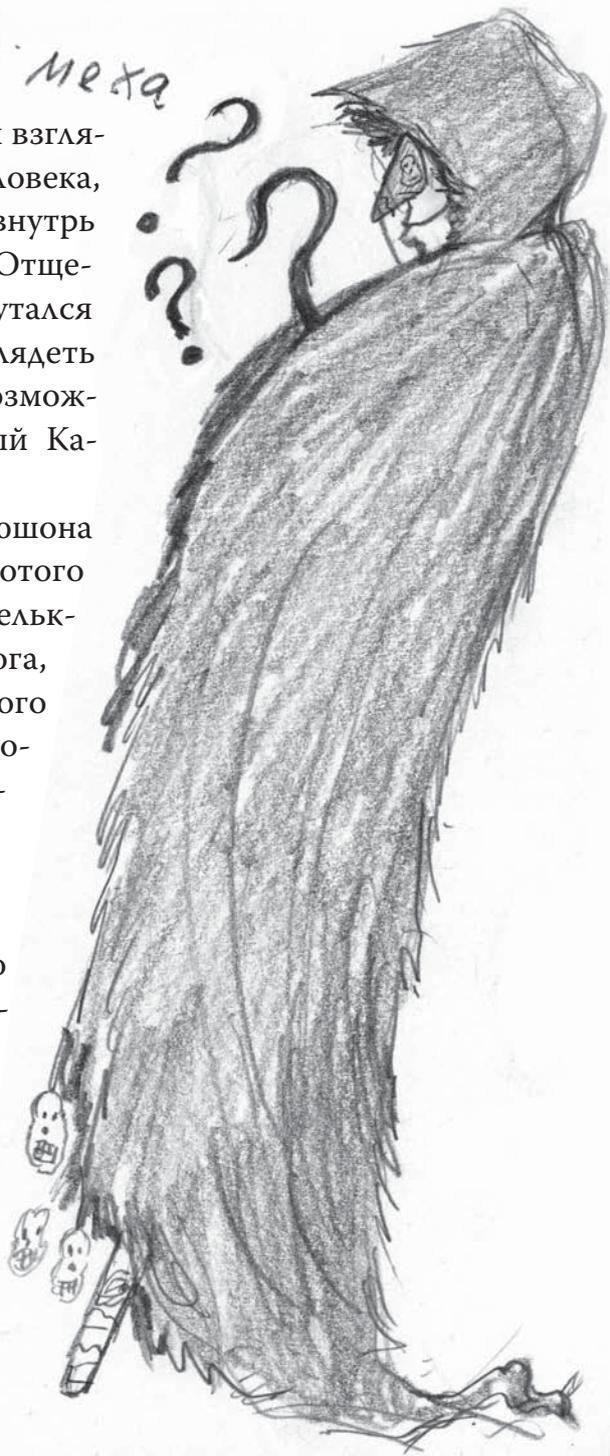
ЗАКУТАННЫЙ В МЕХА

Иккинг украдкой взглянул на высокого человека, проскользнувшего внутрь вместе с другими Отщепенцами. Человек кутался в меха, так что разглядеть его лицо было невозможно, но Кровожадный Карасик узнал его.

Вон из-под капюшона торчит кончик золотого носа, под плащом мелькнула костяная нога, блеснул из-под густого черного меха знакомый клинок. Сомнений не осталось.

Элвин Вероломный, чтоб его...

Элвин медленно стянул капюшон, открыв злобное лицо. Лысый как коленка злодей улыбался, и зубов у него по-прежнему было слишком много. Вроде на сей раз

он ничего не потерял. (В прошлом Элвин несколько беспечно обращался с собственными конечностями.) Зато обзавелся весьма изысканной бородавкой, прямо посреди подбородка — наверное, от маменьки подцепил, уж она-то была ими покрыта с ног до головы.

— Доброе утро, Иккинг Кровожадный Карасик Третий, — ласково промурлыкал Элвин Вероломный, изящно поведя крюком. — Какое счастье снова тебя увидеть...

Ведьма вскочила на пиршественный стол, распинав в стороны чаши.

— А теперь к присяге, мои лапочки! — прокаркала она. — Пора принести клятву, лопни мои некогда карие глаза! Не то чтобы я вам не доверяла, разумеется, но мы же, в конце концов, викинги. Ваши вожди должны поклясться от имени своих племен, что, кто бы ни выиграл состязания и ни стал Лучшим из Лучших, его признают Истинным Королем Дикозапада, все склонятся перед ним как перед своим повелителем. — В голосе ведьмы послышались раскаты грома.

Трудно дать такое обещание. Племена архипелага гордились своей свободой.

Боги всемогущие!
это ж элвин вероломный!

— И на сей раз вы подпишете бумагу кровью, — добавила старуха. — Никаких скрещенных пальцев в карманах и прочих ваших уловок.

На столе обнаружили бумага и чернила — откуда бы? Ведь зал-то, в конце концов, для пиров предназначен, не для писанины. Ведьма заставила Старейшего Старейшину записать клятву, не сходя с места.

Деревянный нос
Элвина сторел в пожаре
на Берсерке, поэтому
теперь у него
нос из ЗОЛОТА

Закалятый враг Иккинга
ЭЛВИН ВЕРОЛОМНЫЙ

Вожди переглядывались в свете факелов.

«Не надо!» — мысленно вопил Иккинг. Но что он мог сделать? Никто не стал бы слушать его, ведь это он освободил Ярогнева.

Один за другим вожди викингов принимали присягу, быстрым движением надрезали пальцы о мечи и подписывали документ.

Элвин Вероломный подписывал последним. Он выступил вперед со своим мечом, Лезвием Бури. Ведьма приняла клинок, надсекла пальцы себе и сыну и прижала их руки к бумаге.

Да уж, серьезную клятву принесли восемнадцать вождей на вершине горы ранним утром под вой зимних ветров. Такую клятву не нарушишь.

Подписанную бумагу вожди вручили Старейшему Старейшине.

— Жаль, бедняги Молниеноса тут нет, — сентиментально вздохнула Берта. — Он бы так легко выиграл состязание мечников и стал бы Лучшим из Лучших.

— Да-да, разве не жаль, что его здесь нет, — улыбнулась ведьма. — А теперь... если никто не возражает, пойду вздремну. Молниенос выделил мне хибарку сразу за Боевой ареной. Если кому в ближайшие пару дней захочется узнать свое будущее или понадобится полезный совет для состязания мечников, ищите меня там...

ЖЛЯНУСЬ,

что, кто бы ни выиграл
состязание мескиков в День
Нового Года, он станет Истинным
Королем Дикозапада и я склонюсь
перед ним как перед своим
повелителем.

БЕРТА

Подписи:

**ОБЖОРА
ДУШИГУП**

СТОИК
ОБШИРНЫМ

Могедон

ДРАЧУН VIII

ЖИЛИ ВЕРОКОМНЫМ

ПОДРУЖНИК СТРАХОМ
(и.о. ВОЖДА)

ИЗ ДРАЧУНОВ

ВЕДЬМА ЭКВЕЛЛИКОР

ТРЕВБИТ МРАЧНЫМ

БЕШЕНОЕ
ШАНДАРАТ

ЗЛОБНОЕ СКУОМА
(свадьба ТЕМНЯКОВ)

ЛЕКСИКАЛ МИРАНОС
КВАНТИМ ТУЛУШНИК

МАСТЕР ГОНИМЫХ
ГОТОВЯТ

**ПОМНИТЕ: КЛЯТВА
НА КРОВВИ НЕРУЩИМА**

Отсутствуют: Берсерки,
Истероиды, Маг-Маньяки

Она опустилась на четвереньки и выка-
тилась из зала, подметая пыль длин-
ными белыми лохмами.

Когда она пробегала мимо,
люди неловко умолкали. Ни-
кто не хотел упоминать про
четвереньки, но выглядело
это несколько необыч-
но, будем честны.

И когда ведь-
ма убралась,
все вздохнули

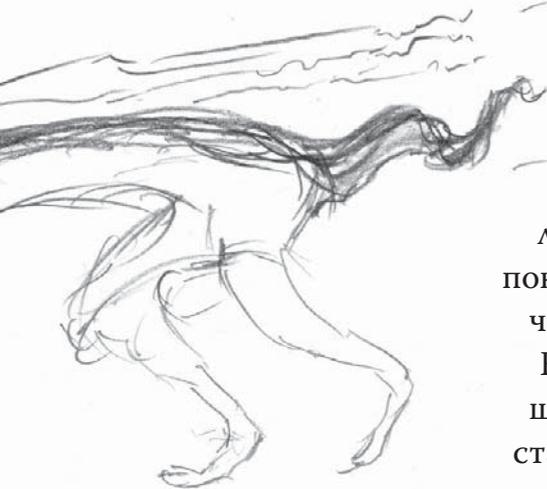
с облегчением, словно
зал только что покинула какая-то гадость.

Как оно и было на самом деле.

— Чего мы ждем? — взревел Могадон Осто-
лоп. — В конце концов, это ТРИЗНА — поминки
по Молниеносу! ДАВАЙТЕ ПИРОВАТЬ, ВСЕ!

Вот так Пир Новых Воинов превратился в триз-
ну по Молниеносу. Никто не умеет справлять по-
минки лучше, чем викинги архипелага. Даже после
бессонной ночи, проведенной в боях со взбесив-
шимися драконами, они по-прежнему были готовы
пировать. От волнений у викингов только аппетит
разыгрался. Они принялись уничтожать угощение,
распевать дикие морские песни и беззаботно пля-
сать на своих истерзанных боем ногах, махнув на
все рукой.

Иккинг наблюдал за соплеменниками, сидя у огня, обхватив голову руками, и силился понять, что все это означает. Почему у него эти Королевские Сокровища? Что за игру ведет старуха? И когда Ярогнев нападет снова?

Отщепенцы тоже наблюдали за викингами, прячась в тени. Элвин снова встал у двери и постукивал костяной ногой, кутаясь в меха.

И, проползая под столами, пролетая у окон, прижав уши, настороженно наблюдали за весельем охотничьи и верховые драконы племен архипелага.

Чью сторону они примут, когда ударит Ярогнев? Останутся ли верны своим хозяевам или присоединятся к восстанию?

Только время покажет.

6. СТРАННАЯ НАПАСТЬ

— ХА! ХА! ХА! ХА! ХА! ХА!

Викинги уже две недели оставались в фехтовальной школе «Гром и молния». Ни Мятажные драконы, распеваящие Алаярость, ни сам Ярогнев не показывались.

Будущие Воины со всех концов архипелага собрались на Боевой арене поглазеть на тренировочный поединок между Рыбьеногом и Жирдяем Туппери. Юные викинги окружили место схватки и веселились вовсю. Им всегда нравилось смотреть, как дерется Рыбьеног.

Жирдяй Туппери мечом владел не очень-то. Одинаковый в ширину и в высоту, он был так глуп, что, по слухам, порой нападал на собственную руку.

Но у Рыбьенога имелась очень серьезная помеха: Жутьздорова по-прежнему восседала у него на голове, вцепившись когтями в волосы.

Нервный срыв у Жутьздоровы затянулся, и даже теперь, когда опасность миновала, дракониха по-прежнему отказывалась есть, спать или слезать, как ни соблазнял ее Иккинг кусочками огурца и морковки. Она просто сидела у Рыбьенога на голове и печально моргала. Хвост у бедняжки болтался тряпкой.

— Мне очень жаль, — извиняющимся тоном мычала она, когда Иккинг умолял ее разжать лапы. — Я не могу. Не могу — и все.

А при малейшем шуме она выпускала когти пуще прежнего, больно дергая хозяина за волосы, и бедняга вопил, словно гиена. Как вы догадываетесь, это отнюдь не помогало Рыбьеногу сражаться.

Поверьте мне на слово, исключительно трудно пристойно драться на мечах, когда к вашей голове приклеился дракон. Это, знаете ли, мешает сосредоточиться. Зато и противников внезапные девчачьи визги Рыбьенога сбивали с толку.

Вдобавок Иккинг выкинул лучший Рыбьеногов меч в ущелье, поэтому Рыбьеногу приходилось сражаться запасным мечом, который он любовно звал Остряком.

У Рыбьенога не было родителей, и некому было дать ему хороший меч и прочее снаряжение. Остряк он отыскал на свалке за кузницей. Меч совсем не годился для боя: при каждом ударе клинок гнулся и чуть не вываливался из рукояти.

И вот Рыбьеног ковылял вокруг Жирдяя Тупери, пытаясь отбиваться разболтанным Остряком, а дракониха у него на голове пищала от страха и старалась держаться подальше от мечей, не покидая своего насеста.

В какой-то момент Жутьздорова так перепугалась, что закрыла хозяину лапами глаза.

— Жутьздорова! Я ничего не вижу! — заорал Рыбьеног.

— Ох, прости, — промычала дракониха. — Я ужасно плохо переношу жестокость и агрессию... Не мог бы ты найти себе какое-нибудь доброе, хорошее занятие?

И в довершение всего на середине поединка у Остряка отвалился клинок, и в руке у бедного Рыбьенога осталась лишь рукоять.

— ХА! — ревела толпа Будущих Воинов. — Разборный меч!

— А давай-ка мы попробуем снять дракона у тебя с головы! — ухмыльнулся Сморкала, разминая кулаки и постукивая себя по ладоням.

Бедная душевно травмированная Жутьздорова взывала:

— **Никакого насилия! Я вегетарианка!**

Толпа Будущих Воинов плотно обступила Рыбьенога, и пришлось бы ему несладко, но тут...

— Поберегись! — крикнул сверху Иккинг и приземлился на Ветрогоне рядом с Рыбьеногом.

Сморкала и Песьедух полетели кувырком в грязь. Рыбьеног вскарабкался Ветрогону на спину, и дракон унес друзей ввысь.

— Черт! Смотрите, это же Иккинг, который выпустил Ярогнева, явился на помощь своему чокнутому другу! — выкрикнул Сморкала.

XA! XA! XA!

— Придурки! — заорал один Мракушник.

— Уроды! — подхватил Коварняк Гостедав.

Спустя минуту Иккинг и Рыбьеног сидели на верхушке Второй Слева Башни вместе с Камикадзой, уваливая от тренировок. У всех троих были зеленые боевые пояса, самого низшего ранга.

Беззубик играл с охотничьим драконом Камикадзы, Буримухой, а рядом на стене восседал Одноглаз Саблезубый, ездовой дракон, старый друг Иккинга.

— Спасибо, — пропыхтел Рыбьеног. — На самом деле я бы и сам справился, но все равно спасибо.

— Не за что, — отозвался Иккинг.

— Если они нас поймают, то убьют, — сказал Рыбьеног.

— Ну, я и так далеко не всеобщий любимец, так что мне уже без разницы, — отмахнулся Иккинг.

Что правда, то правда.

С того момента, как выяснилось, что Иккинг освободил Ярогнева, Будущие Воины перестали с ним разговаривать. Словно на нем лежало проклятие. Иккинг заметил, что даже взрослые обходили его стороной, как если бы он страдал какой-то жуткой заразной болезнью.

Это несколько удручало.

Вот почему Иккинг, Рыбьенег и Камикадза при малейшей возможности прятались на Второй Слева Башне, чтобы не путаться у всех под ногами. С площадки на Башне можно было без помех наблюдать за поединками внизу, лежа животом на парапете и мирно болтая.

— Плохо дело, — сказал Рыбьенег Иккингу. — Похоже, Элвин где-то научился очень-очень здорово драться на мечах.

Они, прищурившись, уставились вниз на Боевую арену, где сотни викингов оттачивали мастерство в тренировочных боях.

Элвин Вероломный бился с Глыбой Гримом. Глыба Грим, отменный боец и Бронзовый Громагистр, считался одним из претендентов на победу в состязании, но Элвин на удивление уверенно брал над ним верх, и даже костяная нога ему ничуть не мешала.

Два года назад, когда Иккинг впервые сошелся в бою с Элвином, Вероломный владел мечом куда хуже. Должно быть, с тех пор он много тренировался, потому что стал сражаться лучше, да и мышцы накачал.

Одноглаз Саблезубый открыл единственный глаз.

— Если ужасный человек с крюком станет Королем чего бы то ни было, — сообщил он, — я лично немедленно присоединюсь к Драконьему восстанию.

— Не понимаю, почему ты до сих пор к нему не присоединился, — ехидно промурлыкала Буримуха. — Ты ж такой РЕВОЛЮЦИОННЫЙ и вообще.

— У меня лапа большая, — с достоинством парировал Одноглазый.

— Да я их всех могу побить! — заявила Камикадза, бодро кроша мечом воображаемых противников. — Вот только нога немного беспокоит...

Пару дней назад Камикадза, обуваясь, напоролась на морского ежа. Как он залез ей в сапог, оставалось загадкой.

Иголки вытащить удалось, но девочка сильно хромала.

— Это все ведьма! — покачал головой Рыбьенос. — Я знаю, это она! Морские ежи не выбрасываются из моря и не заползают в сапоги сами по себе. Наверняка это ведьма его туда положила. Она хочет, чтобы Элвин выиграл состязание мечников и стал Королем Дикозапада, вот и избавляется от всех, кто хорошо владеет мечом и способен встать у него на пути.

Не поспоришь. Всю последнюю неделю с хорошими бойцами то и дело происходили неприятности.

— Вспомните хоть Хелли Толсторукого, как он потянул рабочую руку при состязании на кулаках с Отщепенцем, — продолжал Рыбьенег.

— А у мамы счастливый меч пропал... — добавила Камикадза. — Без счастливого меча она и вполтину не так хорошо дерется...

У Могадона Остолопа разболелся живот, он катался по полу и чесался. «Съел что-то не то, — объяснила ведьма. — Мое розовое зелье ему поможет». Но от розового зелья стало только хуже.

Все это выглядело очень подозрительно. Трое друзей, прищурившись, смотрели на Боевую арену.

За всеми поединками наблюдала скрюченная фигура в буром плаще — старуха сидела на пороге своей предсказательской хижины и курила трубку.

Предсказательская хижина, зловещего вида домишко, притулилась позади Боевой арены, словно уродливый жирный гном. В ней-то ведьма и открыла свою лавочку. Над дверью красовалась вывеска «ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ, УЛУЧШЕНИЕ БУДУЩЕГО», написанная большими кривыми буквами.

Люди наведывались в хижину всю неделю, надеясь заглянуть в будущее и получить домашнее печенье с предсказанием. Обрато все выходили

вразвалочку и с крайне самодовольным видом. Иккинг подозревал, что ведьма КАЖДОМУ предсказывает, что именно он станет следующим Королем Дикозапада.

— У-у, — вздохнул Беззубик, принюхиваясь. — Эти пе-печ'ченьки пахнут так ням-нямно...

У драконов отменнейший нюх, и дракончик даже с самого верха Башни чуял исходивший от хибарки дивный запах свежеизготовленного печенья.

Ведьма словно почувствовала, что они за ней наблюдают. А может, она только притворялась слепой. Она запрокинула голову и посмотрела прямо на ребят.

Все трое, не раздумывая, нырнули за парашют, только три пары глаз остались выглядывать поверх края.

Старуха хихикнула и вынула трубку изо рта.

— Неплохо справляется мой Элвин, а? — крикнула она. — У него хорошие шансы стать Лучшим из Лучших, как по-вашему? Зайдите как-нибудь и попробуйте мое печенье, утятки, может, я и вам удачи прибавлю...

Она снова сунула трубку в зубы и стала дальше наблюдать за тренировочными боями.

— Плохо дело, — повторил Рыбьеног. — Нельзя позволить, чтобы Элвин стал следующим Королем Дикозапада. Кого бы нам такого найти, чтобы у него хватило сил одолеть Элвина?

— Молниеноса! — с жаром воскликнула Камикадза. — Он идеальный Герой!

— Да, только исчез бесследно, — напомнил ей Рыбьенег. — И опять-таки, готов спорить, это ведьмина работа. Что она могла такое сотворить одновременно и с Молниеносом, и со всеми его воинами на краснотиграх? Как думаете... — Рыбьенег осекся, во рту у него пересохло, — как думаете, ведьма их УБИЛА?

— По-моему, она на все способна, — признал Иккинг.

Он очень хотел ошибаться, но что еще она могла с ними сделать?

— Думаю, в таком случае состязание должен выиграть ТЫ, Иккинг, — заявила Камикадза. — В конце концов, у тебя Королевские Сокровища — любимый меч Черноборода и все остальное...

Иккинг вздохнул:

— Деруть-то я неплохо, только вот все до одного противники намного крупнее меня. И к тому же вряд ли кто-то согласится, чтобы я стал Королем Дикозапада, со мной ведь теперь даже не разговаривают. Нет, надо найти кого-нибудь, кто

победит и станет Королем, и передать Сокровища ему...

Помолчали. Иккинг уставился на свой меч и в который раз спросил себя: «Интересно, что же в этом мече такого важного? Почему Старый Сморчок назвал его „меч, указующий путь“?»

И почему эти Алаяростные драконы так стремились им завладеть?»

Меч Иккинга, Дерзновенный, вид имел весьма тусклый и невзрачный.

Но у него имелся секрет. Иккинг открыл его уже давным-давно, вскоре после того, как нашел клинок*. Если покрутить наверхие — шишечку на конце рукояти, его можно было снять и открыть тайник. Внутри рукояти лежало завещание, подписанное собственноручно Чернобородом Оголтлым, где говорилось, что это его любимый меч и он оставляет его своему Истинному Наследнику.

Вот и сейчас Иккинг отвинтил наверхие, вынул из тайника листок бумаги и в сотый раз перечитал написанное.

* Об этом можно прочесть во втором томе мемуаров Иккинга, «Как стать пиратом».

Меч
Дерзновенный
(он же
Драконий Меч)

←
Завещание
Черноборода
спрятано
ЗДЕСЬ

Но листок по-прежнему не давал ни единого намека на то, почему меч так важен для Мятажных драконов. В завещании ничего не говорилось ни про восстания, ни про Королей Дикозапада, вообще ничего важного.

— ИККИНГ! ЧЕМ ТЫ ЗАНЯТ ТАМ НАВЕРХУ? ЧТО-ТО НЕПОХОЖЕ, ЧТОБЫ ТЫ ОТРАБАТЫВАЛ НАВЫКИ БОЯ НА МЕЧАХ! СПУСКАЙСЯ НЕМЕДЛЕННО!

Это горланил Стоик Обширный. Он только что выиграл свой поединок и заметил сына на верхушке Башни. Иккинг подскочил, торопливо затолкал бумажку в карман безрукавки, сунул меч за зеленый боевой пояс и снова вскочил на спину Ветрогону. Верховой дракон спланировал вниз чуть сонно — он еще не до конца проснулся после зимней спячки.

Иккинг приземлился рядом с кипящим от возмущения Стоиком.

— Да, папа?

— Так, Иккинг, — сурово начал Стоик, — тебе действительно надо тренироваться. Ты должен хорошо себя показать в этом состязании. Это важно еще и потому, что люди, по-моему, немножко винят тебя за всю эту историю с освобождением дракона Ярогнева и Алаяростью. Я-то, конечно, все понимаю, это наверняка была чистая случайность...

— Ну, на самом деле не совсем случайность, папа. Я освободил его намеренно, — честно, хотя

и несколько опрометчиво признался Иккинг. — И знаешь, я думаю, мы должны освободить ВСЕХ драконов, прежде чем Ярогнев нападет снова.

— Освободить всех драконов?! — переспросил Стоик Обширный зловещим шепотом. — О чем ты говоришь?

— Ну, папа, — охотно продолжал Иккинг, — если драконы будут уже свободны, тогда и восстание не понадобится. И мы остановим войну до того, как она вообще начнется.

У Стоика голова пошла кругом. Он не был самым сообразительным варваром в истории, и такие рассуждения ему оказались не по силам.

— МОЛЧАТЬ! — взревел Стоик. — Хватит этой чуши про свободу! Ты и так уже доставил нам довольно неприятностей. И вдобавок я не хочу, чтобы ты и дальше болтался с этим Рыбьеносом-с-драконихой-на-голове, — ты выставяешь нас на посмешище!

— Рыбьенос не виноват, что у него на голове дракониха. Мы пытаемся ее снять, но она просто НЕ СЛЕЗАЕТ.

Стоик сдерживался из последних сил:

— Я понимаю, Иккинг, но люди уже поглядывают на тебя с подозрением. А если ты шатаешься с недомерком, у которого на голове здоровенный дракон, люди могут начать думать, что ты СТРАННЫЙ, а странных тут не любят.

Огнефуки

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ:	3
АТАКА:	3
СКОРОСТЬ:	4
РАЗМЕР:	3
НЕПОСЛУШАНИЕ:	7

Огнефуки – непредсказуемые мелкие озорники, очень любят устраивать переполох. Они потрясающие подражатели и очень хорошо передразнивают человеческие голоса.

— Мы это уже проходили, папа, — сказал Иккинг. — Рыбьеног мой друг и стоит за меня, так что и я должен стоять за него...

— ЭТО БЫЛО ДО ТОГО, КАК ТЫ НАВЛЕК ПОЗОР НА ВСЕ НАШЕ ПЛЕМЯ, ВЫПУСТИВ ЯРОГНЕВА! — Слова прозвучали несколько жестче, чем хотел Стоик.

Иккинг потрясенно притих.

— Пора становиться взрослым, Иккинг, — уже спокойнее продолжал отец. — Ты мой Наследник, пора тебе забыть детские шалости и проявить хоть немного лидерских качеств. Ступай упражняться, сынок. Хватит разговоров про освобождение драконов и всякого такого. Просто тренируйся и получи золотой пояс, большего я не прошу. — И Стоик утопал прочь.

— Папа, ты бы лучше не показывал пока, как хорошо ты дерешься, — грустно посоветовал Иккинг ему вслед. — Ведьма избавляется от всех, кто хоть чего-то стоит.

Но Стоик уже ушел и пропустил добрый совет мимо ушей.

7. ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ, УЛУЧШЕНИЕ БУДУЩЕГО

На следующий день Глыба Грим свалился с той же загадочной болезнью живота, что и Могодон Остолоп.

— Разве не Глыба Грим бился давеча с Элвином и показал себя весьма неплохо? — заметил Рыбьенег. — И разве не он позже в тот же день навестил предсказательскую хижину?

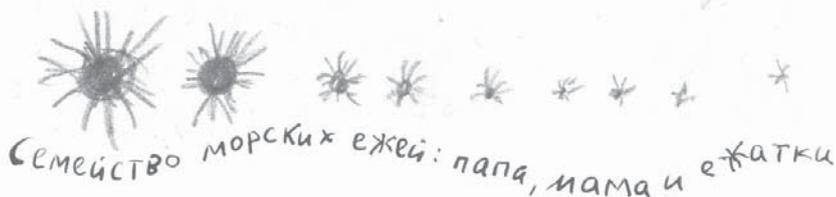
Это и правда был Глыба Грим.

— Ведьма добралась до него... — прошептал Рыбьенег.

А спустя еще два дня Шляпа Твердозад потерял свою счастливую шапку и отказался сражаться вообще, пока не найдет ее.

— Ведьма добралась до него... — прошептал Рыбьенег.

А такие отменные бойцы, как юный Шелли Шилопоп, Долгоног Дебелый и Грубелла Грубая, подобно Камикадзе, пали жертвой морских ежей. Теперь юные мечники все как один прихрамывали.

Стада морских ежей
гнездятся в обуви...

— Ведьма добралась до них... — прошептал Рыбьеног. — Где это видано, чтобы целые стада морских ежей вили себе гнезда в обуви?

Иккинг умолял отца притвориться, будто тот не очень хорошо владеет мечом.

— Пожалуйста, папа. Это все ведьма. Она избавляется от любого, кто чего-то стоит... Я видел, как она

наблюдала за тобой на Боевой арене... И, ради Тора, делай что хочешь, только не ходи в ее ужасную предсказательскую хижину...

Но Стоик не слушал — гордость мешала.

— Ерунда! Я хожу куда хочу, Иккинг! Я поговорил с несколькими людьми. Они утверждают, что ведьма уже улучшила их будущее. И печенье у нее, по слухам, вкусное!

Но когда следующая пачка блестящих бойцов свалилась со странными болячками и пострадала от мелких бед с участием морских ежей, даже самые недалекие из викингов забеспокоились.

А вы бы не забеспокоились на их месте?

Уже чуть ли не все бойцы выходили на арену, побитые прыщом, почесываясь, хромая или держась за животы. А суеверные бедняги вроде Шляпы Твердозада вовсе отказывались сражаться. Шляпа только бродил и бродил по замку в поисках своей счастливой шапки.

И лишь племя Отщепенцев неприятности начисто обошли стороной. Они без лишнего шума сражались друг с другом на краю арены.

Прекратились развеселые пирушки, учебные бои больше не затягивались допоздна. Замок снова казался населенным призраками, как в самом начале.

— Покинем это проклятое место! — вскричал Могодон Остолоп в Пиршественном зале в тот вечер. — Слишком много плохого происходит. И вообще, здесь слишком опасно. Что, если Мятежные драконы готовят нападение? Они уничтожат нас одним махом!

Ведьма сидела тихо, вороша уголи в очаге.

— Но вы не можете уйти, — произнесла она ядовито-сладким голосом. — Клятва на крови нерушима. Нет, вы должны остаться еще ненадолго, как поклялись, и сражаться за звание Лучшего из Лучших на исходе года...

Викинги повернулись к Старейшему Старейшине. Тот беспокойно ерошил свои белые волосы,

Клятва
на крови
нерушима...

пока те не
встали ды-
бом. Он
вынул
лист
бумаги,
подписанный
всеми вождями,
и проверил. О боги...
— Клятва на кро-
ви, — неохотно при-
знал Старейший Старей-
шина, — нерушима. Это правда.

Ужин в Пиршественном зале прошел тихо, викинги почти не разговаривали.

Никто теперь не ходил поодиночке. Воины передвигались большими группами с мечами-топорами наголо. А прежде чем что-нибудь съесть, давали попробовать еду своим драконам. И очень-очень внимательно проверяли перчатки и башмаки, прежде чем надеть.

Факелы в спальнях пылали ночь напролет. Каждое племя выставило часовых. Они мерили шагами комнату, пока остальные спали, и следили, не просочится ли опасность в двери и окна.

И тут, как раз накануне состязания, тревога Иккинга оправдалась...

Ведьма добралась-таки до Стоика Обширного.

Вождя Хулиганов не свалила мерзкая боль в животе или морской еж в сапоге. Нет, все вышло гораздо хуже.

Стоик Обширный пропал бесследно. Точно как Молниенос и его сорок воинов.

Случилось это так.

В Канун Нового Года Иккинг проснулся посреди ночи оттого, что кто-то тряс его за плечи. Три недели подряд он тренировался с утра до вечера и, вымотавшись за день, спал по ночам как убитый. Только хорошая встряска могла его разбудить.

И когда он открыл глаза, у него противно засосало под ложечкой от ужаса: вокруг его постели стояли семеро самых главных воинов Стоика с факелами в руках и яростно спорили.

— Курам на смех! — кипятился Толстопуз Пивобрюх. — Это ж чрезвычайное положение! Вы не можете поставить парня главным! Он же даже еще не воин. Он не готов. Может, он НИКОГДА не будет готов. Давайте смотреть правде в глаза: никто не смел говорить об этом Стоику, но мальчик странноват. Посмотрите на его руки — две макаронины! Вместо вождя должен быть я, младший брат Стоика!

— Иккинг станет полноправным воином завтра, — веско произнес Плевака Крикливый. — И мы должны дать парню шанс. Говорят, на Сердитой горе он сражался храбро и умно и привел

всех к победе... Возможно, он сделает то же самое и для нас...

— ЕМУ ПРОСТО ПОВЕЗЛО! — взревел Толстопуз. — Удача улыбнулась! Мы не можем сделать этого мальчишку вождем, ведь именно он освободил Ярогнева! Мы все это знаем. Никто из воинов с ним даже не разговаривает. Остальные племена считают его проклятым...

— Освобождение Ярогнева было случайностью. Я в тринадцать и не в такие передряги попадал, — возразил Плевака Крикливый.

(Иккинг был тронут до глубины души: он бы никогда не подумал, что Плевака станет его так защищать.)

— Все это не имеет значения, — вмешался Червяк Безмозглый. — Иккинг — Наследник, ему и замещать вождя.

Воины спорили, склоняясь то к одному, то к другому, пока наконец не проголосовали, четверо против трех, что временным вождем должен стать Иккинг.

— Но если все пойдет наперекосяк, — проворчал Толстопуз Пивобрюх, — а поверьте мне, оно пойдет, с этим-то чудиком во главе, я его сменю.

Иккинг, белый как мел, прочистил горло:

— Что происходит? Почему я должен становиться временным вождем? Где мой отец? Он болен? Ранен?

— Твой отец пропал, — ответил Червяк Безмозглый. — Он вышел в начале вечера, сказал, ему надо кого-то повидать, да так и не вернулся. Так что теперь вождь — ты. Каковы будут распоряжения?

Семеро воинов смотрели на него.

Остальные Хулиганы проснулись и тоже смотрели на него.

Сморкала обдал Иккинга самым злобным и завистливым взглядом и прошептала:

— Ну же, кузнечик, ЗАПЛАЧЬ... Рыдай по своему папочке, как маленький, тебе ж можно...

В голове у Иккинга раздались слова отца: «Вождь не ведает боли. Вождь не ведает страха. Вождь должен быть превыше любых слабостей, любых личных чувств. Вождь сначала предводитель, а потом уже человек...»

Иккинг встал и застегнул свой зеленый боевой пояс, стараясь, чтобы руки не очень дрожали. Он посмотрел Плеваке Крикливому прямо в глаза.

Иккингу хотелось кричать: «Где он? Он наверняка отправился навестить эту ужасную ведьму, но что она с ним сделала? Она же не могла УБИТЬ его, правда?»

Но лицо его оставалось спокойно.

— Обыщите замок, — приказал Иккинг.

Плевака Крикливый и остальные шестеро воинов поклонились, трое из них — скрипя зубами.

В поисках Стоика Хулиганы поставили замок на уши, прочесав каждый чулан в школе и всех перебудив. Но не нашли и следа вождя.

— Обыщите и ведьмину хижину, — приказал Иккинг.

— Но, Иккинг, — возразил Червяк Безмозглый, — она же Старейшина! (И еще она ДО НЕВОЗМОЖНОСТИ страшная!) Это оскорбление... Нельзя обыскивать хижину Старейшины...

— Обыщите хижину, — повторил Иккинг.

— ТУК! ТУК! ТУК! — постучали в ведьмину дверь.

— Я очень извиняюсь, госпожа, — поклонился глубоко смущенный Толстопуз. — Мы пришли обыскать твою хижину... По приказу нашего временного вождя...

— Оригинально и несколько оскорбительно... — промурлыкала ведьма. Змеиные глаза под капюшоном смотрели весело. — Но разумеется, будьте моим гостем.

Она знала, что они придут...

Семеро Хулиганских воинов втиснулись в маленькую предсказательскую хижину и обыскали ее самым тщательным образом. Ничего они, конечно, не нашли. Пришлось им выйти и снова извиниться перед ведьмой на глазах у всех остальных племен. Воины от стыда стали красные как раки.

— Я прощаю вас, — улыбнулась Экселлинор. — Ваш временный вождь слишком юн и неопытен и не понимает, насколько грубо себя ведет. Но скоро он поймет... — мрачно добавила она, поворачивая свою белую слепую голову, словно стрелку часов, в сторону Иккинга. — О да, — повторила она самым мягким тоном, однако со скрытой угрозой, — скоро он все поймет...

— Видишь, — прошипел пунцовый от бешенства Толстопуз Пивобрюх Червяку Безмозглому, топя прочь от хижины сквозь перешептывающую толпу, — он уже выставил нас на посмешище!

Хулиганы продолжали поиски весь следующий день.

Но Стойка Обширного и след простыл.

Ночью в Канун Нового Года Иккинг больше не сомкнул глаз, переживая за отца. Он все еще бодрствовал, когда взшло солнце Нового Года. Стояло роскошное холодное зимнее

Где он
может
быть?

утро, на небе не было ни облачка, в воздухе — ни дуновения ветерка. Идеальная погода для состязания мечников.

Во время завтрака Беззубик с Буримухой тоже навестили ведьмину хижину, только тайно.

Ради ЕДЫ эти два дракончика были готовы на все.

Вкусный запах печенья с предсказаниями дразнил их неделями. И, обнаружив маленькую дырочку в задней стене хижины, Буримуха подбила Беззубика протиснуться внутрь и стащить несколько штук.

— **Не-не-нет,** — уперся поначалу Беззубик, заглянув в дырочку. Он боялся ведьмы. — **Б'бе-беззубик не го-голоден.**

В животе у него предательски громко заурчало.

— Ведьмы нет дома, — сказала Буримуха. — Я видела, как она шла в Пиршественный зал на завтрак.

— Ты то-точ'но уверена, — заколебался Беззубик, — ч'что там **НЕТ ВЕ-ВЕ-ВЕДЬМЫ?**

— Абсолютно уверена. И я посторожу на случай, если она вернется, — заверила Буримуха.

Она похлопала ресницами. Капризавры — хамелеоны, и теперь она стала красивого сиреневого оттенка и заворковала:

— Ты такой храбрый, чудесный дракон, Беззубик, и как раз идеального размера. Я-то слишком большая для этой дырочки...

— Нет, — в кои-то веки уперся Беззубик.

Буримуха взглянула на него из-под ресниц.

— Беззубик трусишка... — пропела она.

— Б'бе-беззубик **НЕ-НЕ-НЕ** трусишка! — взвыл Беззубик.

— А вот и да-а-а... — пропела Буримуха.

Беззубик порхал вокруг дырочки, наматывая яростные круги, потом собрал всю свою смелость в кучку и протиснулся внутрь.

Беззубик
НЕ трусишка!

Спустя мгновение он вылетел наружу, страшно взволнованный, словно за ним гнались волки, с полным ртом и когтями печенья с предсказаниями.

Несколько печенинок он уронил к ногам Буримухи, а с остальными полетел искать Иккинга.

Иккинг с Рыбьеногом и Камикадзой топтались в очереди на вход в Пиршественный зал. Кровавожадный Карасик надеялся, что завтрак взбодрит его, поскольку после бессонной ночи ему было нехорошо. И тут ему на плечо приземлился дракончик.

— **Что ты ешь, Беззубик?** — нахмурился Иккинг. — **Надеюсь, это что-нибудь съедобное, а не ключ или браслет...**

Дракончик разжал коготки и показал Иккингу печенье с предсказаниями.

Иккинг ахнул и поспешно отошел за угол, чтобы никто больше их не увидел.

— **Где ты это взял, Беззубик?**

Из каждой печенинки торчал клочок бумаги. На всех клочках было написано «Ты — Король Дикозапада».

Беззубик проглотил еще одно, вместе с бумажкой, — Иккинг не успел его остановить. Толком не прожевав, дракончик заговорил, разбрасывая во все стороны крошки.

— Он в ведьминой хи-хи-хижине, — сообщил Беззубик.

Иккинг подскочил.

— Кто?

— Твой отец, — ответил дракончик.

— Откуда ты знаешь? — спросил Иккинг.

— Его м-м-меч лежал на столе, — объяснил Беззубик. — И еще там была большая ш-ш-шляпа...

— Шапка Шляпы Твердозада? — уточнил Иккинг.

Беззубик кивнул. И проглотил еще три печеньки с предсказаниями, пока хозяин не успел ему запретить.

«Я знал, — думал Иккинг. — Я знал, я знал, я знал...»

Он выбежал из-за угла и заглянул в дверь Пиршественного зала.

Ведьма, закутанная в бурый плащ, сидела на своем месте у огня и ела. Пока она доест, пока вернется в хижину — пять минут есть, решил Иккинг и рванул с места.

— Куда ты? В предсказательскую хижину, да? — прошипел Рыбьеног, припустив следом. — Ты спятил! Она убьет тебя, если застукает! — Он размахивал руками, как мельница. — По крайней мере, возьми с собой кого-то еще, чтоб целая поисковая команда была!

— Я должен найти отца, — отозвался Иккинг. — Просить я никого не могу. Они уверены, что уже обыскали хижину. Вот УБЕДИМСЯ, что мой отец там, тогда и вызовем подкрепление. Ведьма в Пиршественном зале. Нам просто придется искать очень-очень быстро, пока она не вышла...

— М-м-мф-ф! — замычал Беззубик.

Дракончик аж покраснел от натуги. Он хотел сказать нечто очень важное, однако с тремя печенинками во рту это нелегко. Он попытался их проглотить, но чуть не подавился...

— Она тебя поймает, я знаю! — кричал Рыбьеног. — Ох, братцы, это ужасно... Я знаю, все обернется, как всегда, каким-нибудь ужасным сюрпризом, или мы окажемся по самые подмышки в ядовитых чепушистиках, или в мозгоедах, или еще в чем.

— Ты-то не обязан идти со мной, — заметил Иккинг.

— Еще как обязан! — простонал Рыбьенег. — Я же твой друг, нет? И порой бывает так, что тебе от меня есть польза, нечасто, но бывает. Только представь, вдруг это будет как раз тот самый редкий случай, а меня не окажется рядом! Я буду чувствовать себя ужасно...

— По-моему, блестящая идея, — вставила Камикадза, пристраиваясь к ним на бегу. — И тебе необходим взломщик вроде меня, если ты намерен как следует обыскать хижину старой карги. Это работа для профессионала. Ведьмы отлично умеют прятать. Но только не от меня. У меня волшебные пальчики, и я лучший следопыт во всем архипелаге.

— М—М—М—МФ-Ф! М—М—М—М—М—МФ-Ф!
М—М—М—МФ! — надрывался Беззубик, отчаянно жуя печенье с предсказаниями и хлопая крыльями у ребят перед лицом в попытке остановить их.

Камикадза на бегу натянула черные воровские перчатки. Правда, бежала она медленнее обычного, поскольку все еще ощутимо хромала.

— Я прочешу эту хижину частым гребнем, говорю тебе. — Она вытащила из кармана расческу для наглядности. — Я обследую ее не хуже нюхача, ищейки и волка, вместе взятых. Я не оставляю ни щепочки перевернутой, ни носка необнюханного, загляну в каждый горшок. Закончив, я буду знать все. У этой ведьмы не останется ни единой тайны.

Предсказание
Судьбы,
улучшение
Будущего

БЕРЕГИСЬ, СЮДА ВХОДЯЩИМ

Стол
находок

— Не волнуйся, Беззубик, — успокаивающе произнес Иккинг. — Мы ненадолго, а Буримуха посторожит на случай возвращения ведьмы, правда, Буримуха?

Буримуха уже доела свое печенье и крутилась возле двери.

Она кивнула:

— Конечно посторожу. Я только загляну вместе с вами на секундочку взять еще этих печенек, они совершенно бесподобны...

— М-М-М-М-М-М-М-М-МФ-Ф!!! МФ-Ф-Ф-Ф! МФ-Ф-Ф-Ф-Ф!

Беззубик крутил сальто в воздухе, просто в истерике от стремления сообщить нечто важное.

Иккинг вынул открывающий все замки ключ.

— Ой, не могу этого видеть, — простонал Рыбьенег, закрывая глаза ладонями.

Иккинг открыл дверь.

8. ОЙ, КОНЕЧНО, НАПРАСНО ОНИ ПОШЛИ В ПРЕДСКАЗАТЕЛЬСКУЮ ХИЖИНУ! ВЫ ЧТО, МЕМУАРОВ ИККИНГА НЕ ЧИТАЛИ?

Они распахнули дверь и вошли в хижину. Коленки дрожали, сердца отчаянно трепыхались, к горлу подступала тошнота.

Комнатушка была тесная и темная. Несколько мгновений все трое, моргая, вглядывались в черноту, потом заковыляли вперед. Беззубик отчаянно протестовал и пытался вытащить Иккинга обратно, вцепившись коготками ему в безрукавку.

Вскоре их глаза привыкли к темноте, которую рассеивало только мерцание тлеющих углей в очаге и пара едва живых драконов-шаросветов, утопающих в миске с водой. И тогда Иккинг, Рыбьенот и Камикадза наконец смогли все разглядеть.

Повсюду паутина. Горы бутылочек и флакончиков, куски мяса. На стенах, поверх облезлых обоев, — карты, надписи, огромные сложные таблицы и чьи-то родословные, и все это в бурых пятнах, подозрительно похожих на кровь. Что-то висит на веревках под потолком — кажется, ногти и клочья

волос. На одноногом столике, подпертом книгами, — шахматная доска. Большой темный шкаф в углу. Огромный котел над затухающим очагом... А посреди всего этого... В центре этого всего...

Человек в кресле, кутающийся в бурый плащ. И этот человек явно поджидал незваных гостей.

Нет, конечно, они попытались удрать, как только увидели все это. Они бросились к двери, назад, к свободе...
...но тщетно.

Сзади налетел могучий ветер, и невидимые руки захлопнули дверь. НАКРЕПКО.

Слишком поздно. Они оказались в ловушке.

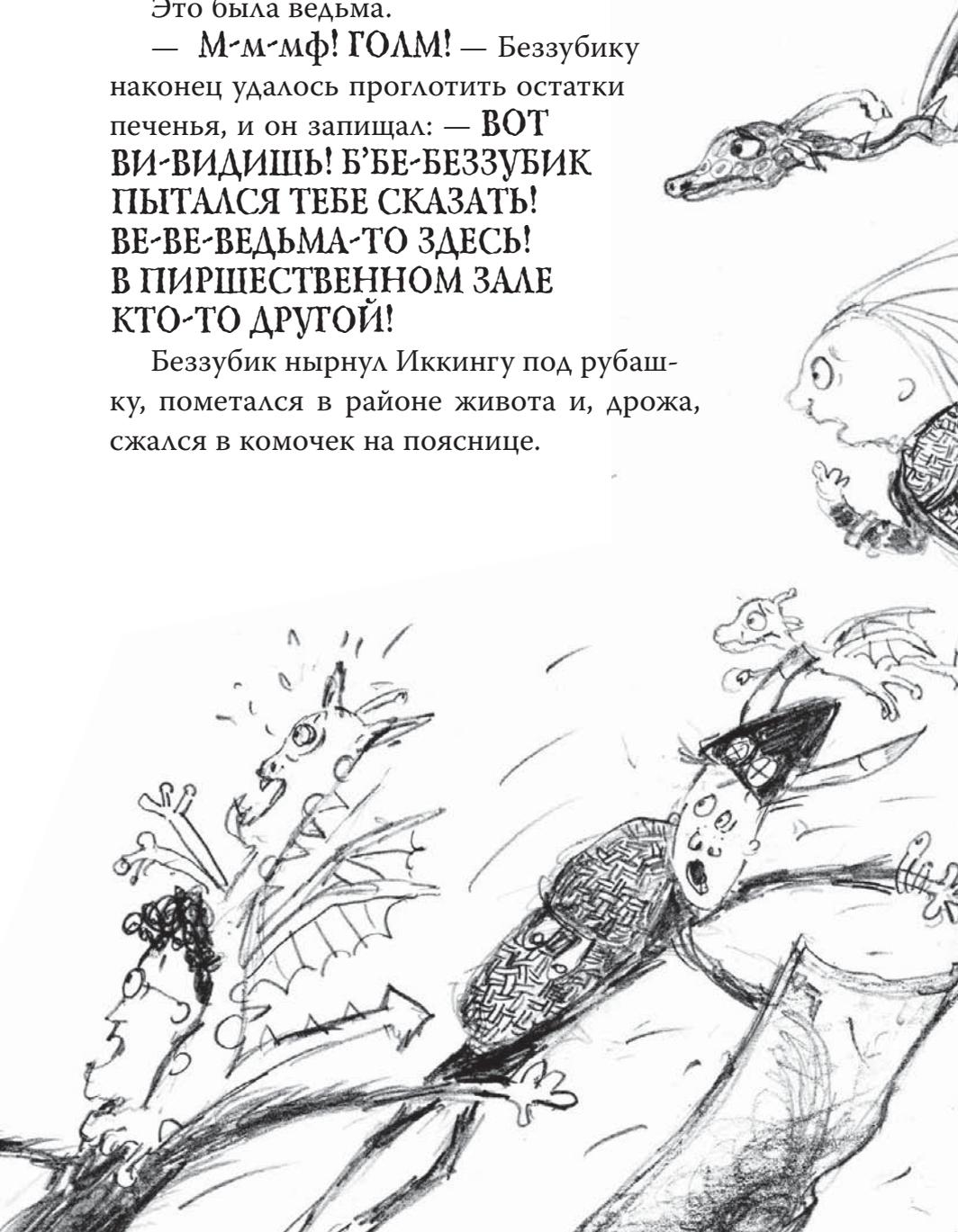
— Я уж думала, ты никогда не придешь, Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Сто лет тебя ждала, — протянула фигура в буром плаще и медленно откинула капюшон.

Это была ведьма.

— М-м-мф! ГОЛМ! — Беззубику наконец удалось проглотить остатки печенья, и он запищал: — **ВОТ ВИ-ВИДИШЬ! Б'БЕ-БЕЗЗУБИК ПЫТАЛСЯ ТЕБЕ СКАЗАТЬ! ВЕ-ВЕ-ВЕДЬМА-ТО ЗДЕСЬ! В ПИРШЕСТВЕННОМ ЗАЛЕ КТО-ТО ДРУГОЙ!**

Беззубик нырнул Иккингу под рубашку, пометался в районе живота и, дрожа, сжался в комочек на поясице.

Ведьма улыбнулась. Она заговорила так, словно понимала драконий язык.

— Да-да, один из моих друзей-Отщепенцев сейчас сидит в Пиршественном зале, набросив мой плащ. Видите ли, у меня таких плащей несколько.

Она держала голову высоко, но все равно сутулилась, словно привыкла к более тесному пространству, и вертела в ужасно сморщенных руках громадные песочные часы. Иккинг не мог смотреть на ведьму без дрожи. Она по-прежнему была вся отвратительно белесая, кожа туго обтягивала череп, и к пальцам были приделаны накладные железные когти.

«Тук-тук-тук», — постукивали они по песочным часам.

«Тик-так, тик-так», — отзывалась тикалка у Иккинга в кармане.

Жуткое зрелище являла собой ведьма Экселлинор.

— Как мило заполучить вас самих по себе, — проворковала она, — без всех этих противных

перекачанных взрослых. Хотите печенья? — Она указала на большую корзину вкусно пахнущего печенья, стоявшую на столе. — Нет? Тогда чем бы мне вас развлечь? В шахматы играете? Только должна предупредить, я очень, очень хороший игрок...

Рядом с шахматной доской на столе лежали большая шляпа, меч Стоика, портсигар, который Иккинг опознал как принадлежавший СТРу Страхолюду, и красный шейный платок Молниеноса.

— Но я посередине партии. Или вы пришли, — продолжала ведьма ядовито-сладким голосом, — за предсказанием судьбы и улучшением будущего?

Трое юных викингов таращились на нее, онемев от ужаса, словно три мышонка, загнанные в угол гадюкой.

— Или, может, вы что-то потеряли?

Иккинг наконец обрел дар речи и решил не ходить вокруг да около.

— Что ты сделала с моим отцом, мерзкая ведьма? — спросил он, указав на отцовский меч.

— Ну, мой утеночек, в наше время отцов, по моему, сильно переоценивают, — отозвалась старуха. — Но давай поиграем в загадки. Что, по-твоему, я с ним сделала? Твои воины уже обыскали комнату и ничего не нашли.

— А в шкаф они заглядывали?

В углу стоял большой темный шкаф.

В
УГЛУ
СТОЯЛ
ЗАПЕРТЫЙ
ШКАФ.

— Он заперт, — ответила
ведьма, — и никто не знает, где ключ.

Но ключ-то БЫЛ и висел у нее на шее.

— Как беспечно было с твоей стороны поте-
рять отца. Но возможно, я помогу его отыскать.
Давай сыграем в прятки, а призом назначим тво-
его папеньку. Отыщи кое-что для МЕНЯ, и тогда,

наверное, я сумею отыскать твоего отца. Если не сможешь найти мне Сокровище, ну, — ведьма пожалала плечами, — тогда родитель твой останется ненайденным... — по костлявому лицу ведьмы расплылась очень-очень гадкая улыбка, — НАВЕКИ.

— Не очень-то красивая игра. В смысле, нечестная, — заметила Камикадза.

— Ну, я и сама не очень-то красивая, — парировала ведьма.

— Что ты хочешь, чтобы я нашел? — спросил Иккинг.

— Отыщи мне Утраченную Корону Дикозапада.

— А почему ты думаешь, что я сумею отыскать Корону, если тебе не удалось найти ее самой?

— Нутром чую, — ответила ведьма, глядя на него с открытой неприязнью. — Посмотри на себя, ты, противный мальчишка! Ты просто увешан

Утраченными Королевскими Сокровищами. И ведь ты даже не искал их. Они сами плывут к тебе в руки... — Теперь ведьма уже шипела по-змеиному, тыкая пальцем в Иккинга: — У тебя уже шесть Сокровищ из перечисленных в Предсказании: римский щит, тикалка, стрела из небывалой страны, отпирающий все замки ключ, камень в виде сердца и второй меч... Так что не морочь мне голову!

— Я не стремился заполучить эти вещи, — возразил Иккинг. — Они попали ко мне случайно.

— Случайностей не бывает, — мрачно откликнулась ведьма.

Почему люди все время это повторяют?

— Они словно сами тебя нашли, — продолжала она. — Будто ты какой-то гадский магнит в виде Иккинга, крадущий Судьбу у моего дорогого Элвина. Ну, теперь-то я вернулась и сумею выкрасть его удачу обратно, вот увидишь. Ты отдашь эти шесть Сокровищ мне.

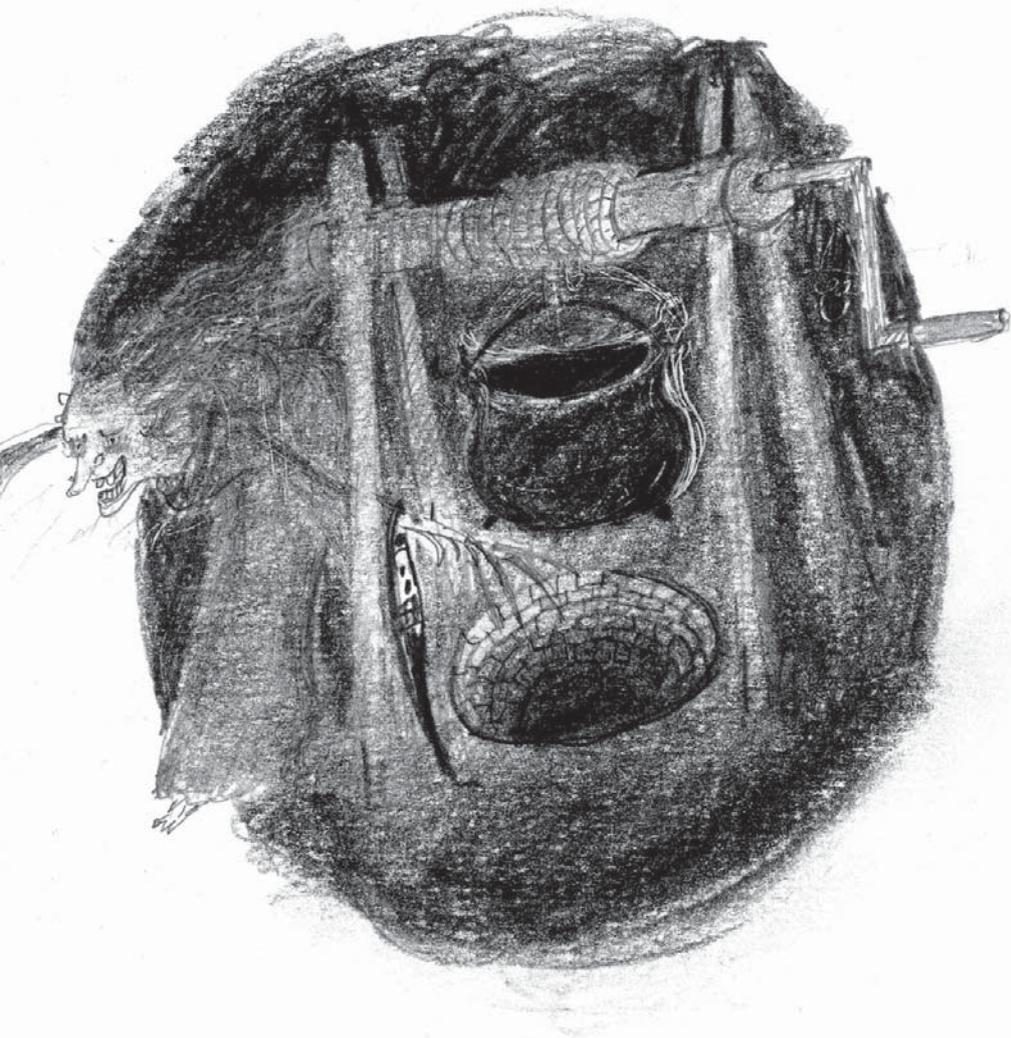
— Ни за что!

— Сейчас нет, но вскорости — непременно, — заверила его ведьма. — А пока ты найдешь мне Утраченную Корону Дикозапада. Принеси мне Корону, и я верну тебе отца.

— Так где эту Корону искать-то? — спросил Иккинг.

Посреди комнаты на треножнике над огнем висел котел. Ведьма нагнулась, сдвинула тлеющие по-

ленья, и под ними обнаружился люк. Она откинула крышку, и открылся колодец.

— Ох, ради Тора, — простонал Рыбьенег, — что я вам говорил? Мы окажемся по уши в ядовитых чепушистиках еще до того, как пойдем, КУДА попали...

Ведьма хихикнула — словно камушки громыхнули в жестянке.

— Под хужиной находятся катакомбы — подземный лабиринт. Попасть туда можно только через этот колодец... И он же, дорогие мои, насколько мне известно, — единственный путь наружу.

— А что в катакомбах? — поинтересовался Иккинг.

— Ну, либо ничего опасного вообще, — ухмыльнулась ведьма, — либо рыкозавры, мозгоеды, смерть и тьма. Где-то внизу в этом лабиринте туннелей находится Огненная Яма. И где-то в этой Огненной Яме спрятана Утраченная Корона Дикозапада...

— А поскольку делал это Чернобород, то наверняка понаставил самых злодейских ловушек, — простонал Рыбьенег. — Ох, Иккинг, это нам правда не под силу...

Ведьма смотрела на них, склонив голову набок.

— Ну... вы в игре или нет?

— Ты безоружна, — медленно произнес Иккинг. — Нас трое, а ты старуха. Я мог бы просто прибить тебя и открыть шкаф своим ключом.

— Мог бы, — игриво подхватила ведьма. — Но мои когти отравлены самым страшным ядом из известных человеку. Если я царапну тебя и хоть единая КАПЛЯ яда попадет тебе в кровь, ты будешь умирать долгой и мучительной смертью. Так что не советую и пытаться.

Старуха повертела своими железными когтями. Присмотревшись, Иккинг заметил, что каждый коготь обмазан темно-лиловым веществом, слегка напоминающем чернила и сильно напоминающим саму смерть.

— В этих когтях, — похвасталась ведьма, — смерти как в лавке аптекаря. Я испытала их на крысах, и крысам они не понравились, совсем. — Она указала в угол, где рядом лежали дохлые крысы с торчащими к потолку лапками.

При виде ровного ряда трупиков дети содрогнулись (еще бы!).

Когти ведьмы
были отравлены
самым страшным
из известных
человеку ядов...

— И возможно, твой отец вовсе и не в шкафу. Я могла и совра-а-а-ать! — восторженно пропела ведьма. — Ну разве не классная игра?

— Чудесная, — вежливо отозвался Иккинг. — А откуда я узнаю, что ты говоришь правду про Корону Дикозапада в этом колодце?

— Ниотку-у-уда! — пропела ведьма. — И про нее я тоже вполне могла совра-а-ать! Может, я просто хочу убрать тебя с доро-о-оги! В этом весь и смысл. Лгу я? Или говорю правду? Сыграй со мной кон во Вральные Кости, пока решаешь, и мы посмотрим, насколько ты на самом деле удачлив...

Она взяла кости тощими пальцами, высыпала их в стакан и трижды встряхнула.

— Итак! — воскликнула она. — Смотрим!

Ведьма опрокинула стакан на стол, приподняла буквально на волосок и жадно заглянула внутрь.

— О-о, четыре черепа и одна кость... Кто бы мог подумать? Какая я везучая. Попробуешь, Иккинг Третий, или скажешь, что я блефую?

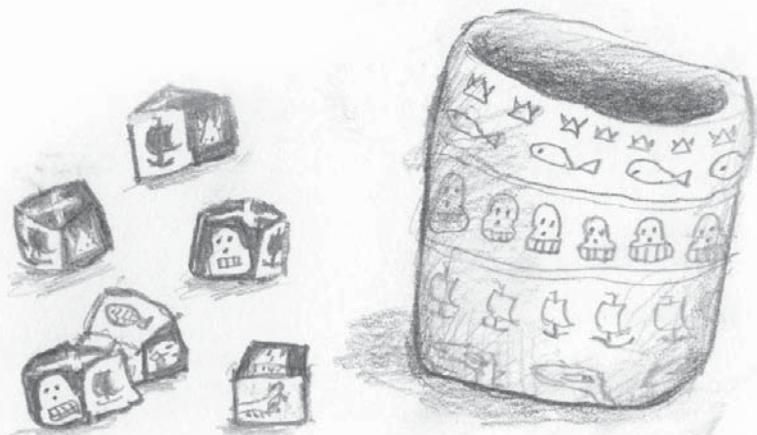
Вральные Кости — игра, построенная на удаче и остроумии.

Если Иккинг согласится участвовать, ему придется побить ведьму в свой ход. Лицо его было непроницаемо.

Правда или ложь?

— Попробую... — сказал Иккинг наконец.

— Мудрое решение, — кивнула старуха. — Но теперь ты должен побить мой бросок...

Вральные Кости и стакан

Она передала стакан ему.

Иккинг открыл крышку.

Она сказала правду... на сей раз.

Четыре черепа и одна кость.

Иккинг взял кубик с изображением кости, кинул его обратно в стакан и, не глядя, куда он приземлился, передал стакан обратно ведьме.

— Пять черепов, — сказал Иккинг Кровожадный Карасик III.

Он поднялся на ноги.

Ведьма и мальчик говорили о большем, чем просто игра во Вральные Кости.

— Я добуду эту Корону для тебя, — сказал Иккинг, — у меня нет выбора. Ведь если я этого не сделаю, ты убьешь и отца, и меня.

— Ве-ерно, — пропела ведьма.

Иккинг вздохнул. Он взглянул на тикалку:

— А значит, у нас всего три часа на то, чтобы найти Корону и вернуться к началу состязания.

— Ве-ерно, — повторила ведьма. — Как же мы будем по вам скучать, если вы опоздаете...

— И если я принесу Корону, разумеется, ты меня отпустишь, — небрежно заметил Иккинг.

— Разумеется, — проворковала ведьма. — Слово Вероломной.

— ХА! — буркнул Рыбьенег. — Это мы уже слышали...

— Со мной пойдут друзья, — сказал Иккинг.

— Это еще зачем? — подозрительно спросила ведьма.

«Потому что, если я оставляю их здесь, ты их убьешь».

— Потому что я никогда не делаю Геройскую Работу без них, — ответил Иккинг. — Вот Камикадза — выдающийся взломщик. А Рыбьенег... он получеловек-полудракон. Мы зовем его... Следопытом.

— Гав, — подыграл Рыбьенег.

— Как хочешь, — пожала плечами ведьма. — Полезайте, утятки. Удачи вам.

И вот Иккинг, Рыбьенег и Камикадза залезли в раскачивающийся котел, еще горячеватый с огня, ведьма ухватилась за ручку ворота на треноге

и — блямс-блямс-блямс — стала опускать их в недра земли.

— За мной, Буримуха! — позвала Камикадза.

А ведь они едва не забыли прекрасную капризавриху. Пока они препирались с ведьмой, плутовка тихо прогрызала себе дорожку через корзину печенья с предсказаниями.

Когда цепь кончилась, ведьма заглянула в дыру и хрюкнула от восторга. Опустившись на четвереньки, она подползла обратно к столу и сняла крышку со стакана. Интересно же, какую комбинацию выкинул Иккинг.

— Пять черепов, — сердито прошептала ведьма себе под нос. — Удачлив, хитрый крысеныш, сгнои его Тор... Что ж, там внизу ему понадобится вся его хитрость и везение, — добавила она злорадно. — Игра не кончена, до конца еще далеко.

И она заковыляла обратно к шахматной доске.

Вральные кости

Череп

Корабль

Шлем

Рыба

Дракон

9. ВНИЗ

Вся троица сидела бок о бок в котле, и шесть рук держались за цепь посередине.

Долгую минуту они спускались в полную черноту, которую едва развеивали светящиеся глаза Беззубика, Жутьздоровы и Буримухи.

Спустя пять минут они все еще спускались.

— ОЙ-ОЙ-ОЙ-ОЙ-ОЙ-ОЙ, — шепотом причитал Рыбьеог, потому что Жутьздорова стискивала когти. — Никогда бы не подумал, что скажу это, но мне даже жалко Элвина — при такой-то маменьке. По-вашему, эта злобная старая скелетина действительно заперла Стоика у себя в шкафу?

— Думаю, да, — шепнул в ответ Иккинг. — Но очень трудно сказать наверняка, она ведь отменная лгунья. Вот насчет отравленных когтей она точно говорила правду, а в остальном не уверен.

Иккинг слегка вздрогнул, уж очень он боялся за Стоика.

— С папой все будет в порядке... все с ним будет в порядке... — повторял он себе снова и снова, для утешения.

— Ну бесит же, — не выдержала Камикадза. — Такими темпами мы точно опоздаем к началу состязания.

— ХА! — фыркнул Рыбьенег. — Мы не просто опоздаем на состязание, Камикадза, — мы его вообще пропустим. А знаешь почему? — продолжал он самым светским тоном. — Мы его пропустим, потому что будем мертвые. Ты права, быть мертвым всегда раздражает.

Котел опускался и опускался, и они падали и падали духом...

Уже было довольно глубоко. Сколько же еще? Иккинг взглянул наверх. Кружок бледного света от очага казался не больше булавочной головки.

Ладони Рыбьенога на железной цепи взмокли. Он попытался заглянуть в черноту внизу.

— Что ты знаешь о мозгоедах, Иккинг?

— Ну, — прошептал Иккинг, — я знаю, что они питаются мозгами, высасывая их через уши.

— Прелестно, — дрожащим голосом отозвался Рыбьенег. — Но ведь это ничего, всего лишь маленькая операция, а потом ты снова в порядке, да?

— Даже Жирдяй Туппери не может обойтись *совсем* без мозга, Рыбьенег, — возразил Иккинг. — Мозгоеды очень маленькие, но одни из самых страшных драконов в архипелаге. Их и моредраконусы боятся. Никому не хочется, чтоб ему мозг высосали.

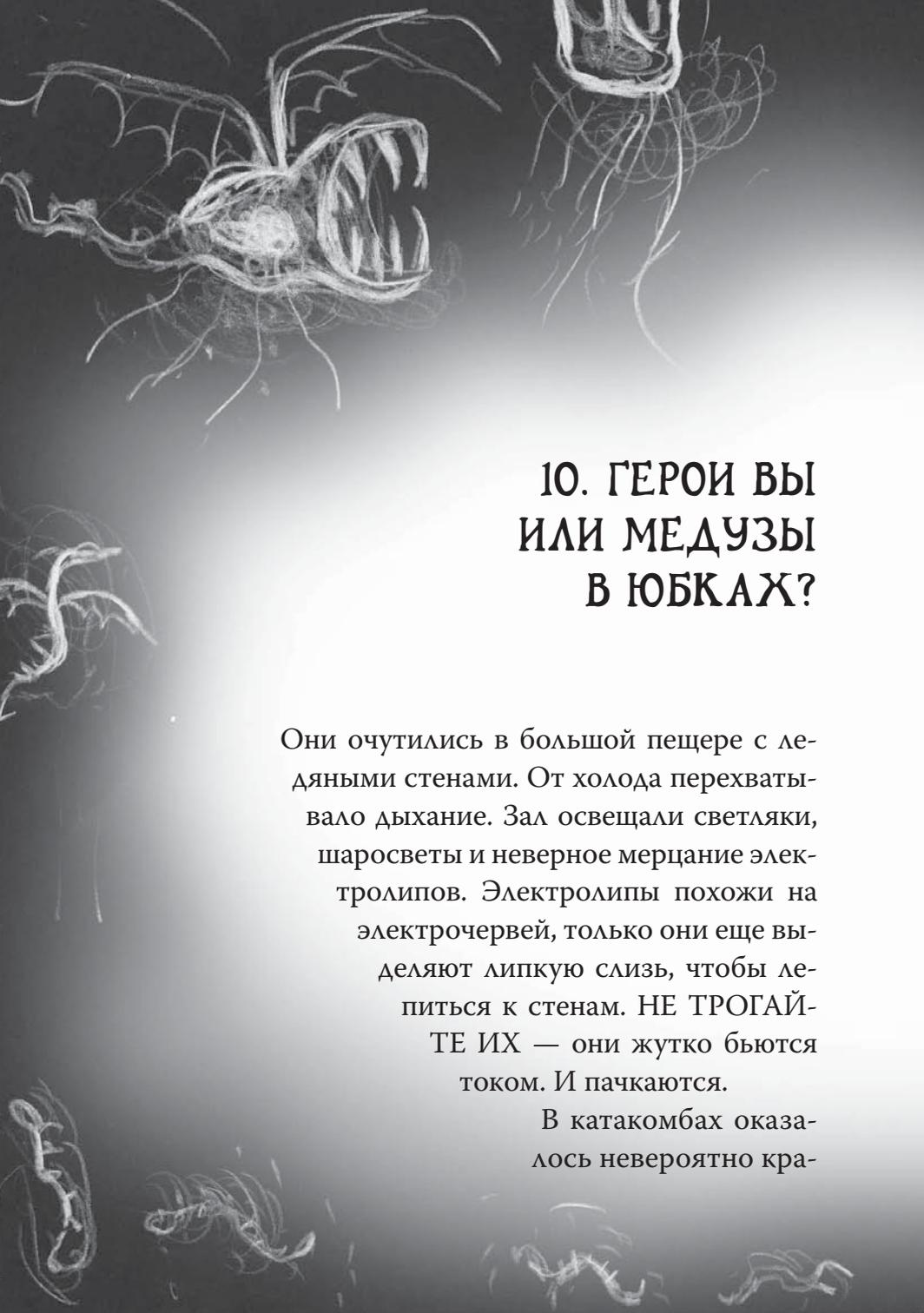
Рыбьенег с трудом слотнул:

— А каких еще драконов мы имеем шансы повстречать?

— Ну, пещерные драконы там, внизу, — все как на подбор неприятные твари, — ответил Иккинг. — Надеюсь, они еще спят. Но Чернобород подыскал для своей Короны самое опасное место на планете. Тут водятся рыкозавры — жуткие монстры. Пускают слюни и орут. Если поймают, разорвут на части. Потом есть еще духожомы (что-то вроде гигантских питонов) и, разумеется, землекопные слизнеклыки... Потом липуны — они ловят тебя в паутину и покрывают слизью, прежде чем сожрать...

Но Иккинг не успел закончить длинный список особенно неприятных и опасных драконов, которые могли обитать в катакомбах под фехтовальной школой «Гром и молния».

Потому что их транспорт достиг наконец своего подземного места назначения. Раздался мощный «БАМС!», котел опрокинулся, и трое юных воинов выкатились из него в подземелье.

10. ГЕРОИ ВЫ ИЛИ МЕДУЗЫ В ЮБКАХ?

Они очутились в большой пещере с ледяными стенами. От холода перехватывало дыхание. Зал освещали светляки, шаросветы и неверное мерцание электролипов. Электролипы похожи на электрочервей, только они еще выделяют липкую слизь, чтобы лепиться к стенам. НЕ ТРОГАЙТЕ ИХ — они жутко бьются током. И пачкаются.

В катакомбах оказалось невероятно кра-

сиво — Иккинг почему-то ждал совсем другого. Лед переливался голубым, зеленым и желтым. Шаросветы, словно громадные круглые светящиеся шмели, с сонным жужжанием пересекали пещеру, рассыпая мигающие радуги. Роскошные ледяные сталактиты спускались с потолка фантастически причудливыми витыми колоннами.

Из зала выходило множество туннелей. Откуда-то доносился отдаленный рокот... или это было рычание?

— Как интересно, — шепотом протянул Иккинг. — Туннели изо льда... должно быть, их проделала лава... или, может, это старые ходы гигантского землекопного слизнеклыка.

— Тебе всегда становится интересно в самые жуткие минуты, — простонал Рыбьенег. — А если гигантский землекопный слизнеклык еще жив?

— Тогда ему примерно десять миллионов лет, — отозвался Иккинг. — Смотрите, пещерные драконы еще спят. Надо просто постараться не шуметь и отыскать Огненную Яму, про которую говорила ведьма. То есть я хочу сказать, вряд ли можно не заметить такую штуку, как Огненная Яма, верно?

— Откуда начнем? — шепнул Рыбьенот.

Первый час они кружили безо всякого толку. Пол в туннелях тоже был ледяной, и юные викинги надели костяные коньки, которые лежали у них в рюкзаках среди прочего снаряжения. Троица стремительно носилась на коньках по извивающимся и петляющим туннелям, словно по паутине безумного паука.

Электролипы

Один раз они влетели в пещеру, где было полным-полно драконов всех форм и размеров. Драконы лежали на каждом камне и свисали с потолка толстыми гроздьями, словно летучие мыши. Викинги несколько напряглись...

Но Иккинг оказался прав: драконы еще пребывали в спячке, и трое друзей, пятась, покинули зал незамеченными.

Однако через час они вернулись туда, откуда начали, к котлу и колодцу. Ни малейших признаков Огненной Ямы им не попало.

— Ладно, — шепнул Иккинг, — дело труднее, чем я думал. Эти туннели бесконечны. — Он взглянул на тикалку. — У нас осталось всего два часа...

Но Буримуха что-то заметила и метнулась вперед.

— Гляньте! — пискнула она, возвращаясь к ним роскошным золотым кольцом. Острые желтые глазки ее не подвели. — Там какая-то цепочка на краю коридора. Не пойти ли нам по ней, вместо того чтобы кружить наудачу? Хотя мне и кружить понравилось...

— Я в-видел! — буркнул Беззубик. — Я тоже в-видел це-цепь! Ты первая ее заметила,

Буримуха, — торопливо добавил он, — потому что ты УМНИЦА, но я тоже ее видел!

Цепь выглядела так, словно знала, куда идет... в отличие от них. Она начиналась сразу за опрокинутым котлом, змеилась вперед по коридору и исчезала вдали.

— Ладно, — согласился Иккинг за неимением лучших идей. — Давайте-ка мечи наголо и идем по цепи.

По пути Иккинг сматывал цепь, рассудив, что такая штука на дороге обычно не валяется. Мало ли пригодится где... К тому же в отличие от веревки она не горит.

Они следовали за цепью по всем изгибам туннелей, а она все не кончалась. Вдруг Буримуха нырнула за угол, исчезла и издала приглушенный вопль. Беззубик ринулся ее спасти и заорал еще громче.

Когда остальные трое в панике примчались на помощь драконам, те уже успокоились.

Буримуха фыркала:

— Хм, всего лишь человек.

А Беззубик пропищал:

— **Я знал! Я знал!** — И подлетел поближе, чтобы рассмотреть.

Человек?

Точнее было бы сказать — человек в затруднительном положении.

Бедняга влетел на коньках прямо в невидимую сеть липуна и напроць запутался в ней, причем кверху ногами.

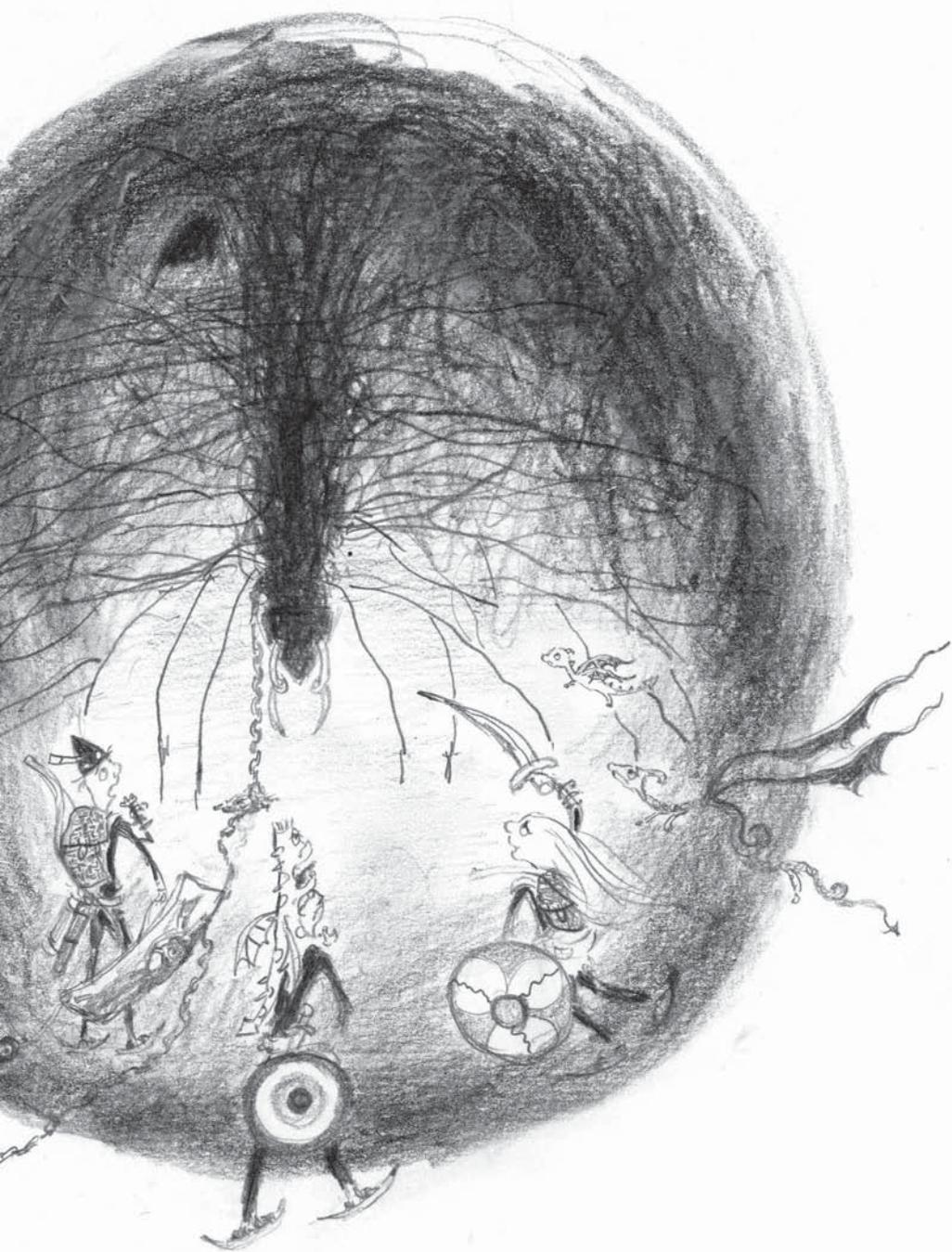
Он яростно шипел и извивался, но издали, да еще и вверх ногами, не удавалось разобрать, что с ним. Лишь когда ребята подкатились ближе (старательно притормаживая из осторожности), им удалось расслышать отдельные слова.

А подобравшись еще ближе, они обнаружили, что незнакомец ругательски кого-то ругает:

— **ДУРАКИ! НЕВЕЖДЫ! ГЛУПЦЫ НЕВОЗМОЖНЫЕ!**

Беззубик полетел вперед, перевернулся вверх тормашками, пригляделся и вернулся к друзьям.

— **Это Молнии-ниенос,** — сообщил дракончик.

— Правда?!

— Ага, он са-самый.

Как же они обрадовались!

— О боги-и! — пропела Камикадза. — Идеальный Герой!

— Ура, — выдохнул Рыбьенег.

Иккинг воспрянул духом. Наконец-то удача повернулась к ним лицом! Ведь они нашли как раз того, кто был им нужен. Молниенос как раз и есть идеальный Герой, способный отыскать для них Корону. А если удастся поднять его обратно на поверхность, он победит Элвина в состязании мечников, хоть стоя на голове...

Однако Молниенос, похоже, не очень-то им обрадовался.

— ТУПАРИ! МЕДУЗЫ ОДНОКЛЕТОЧНЫЕ! БАКЛАНЫ БЕЗМОЗГЛЫЕ! — шептал он как можно громче.

— Если ждешь помощи, — посоветовал Иккинг, когда они добрались до очень раздраженного Героя и тот продолжил их поливать, — наверное, стоит разговаривать повежливее.

— Кое в чем вы уже помогли! — прошипел подвешенный вверх тормашками Герой-со-здоровым-чувством-самоуважения. — Эта цепь — мой блестящий способ найти дорогу назад! Только гений вроде меня мог до такого додуматься! А вы, ИДИОТЫ, ее собрали!

— Не волнуйся, — весело встряла Камикадза. — У нас есть Буримуха, у нее невероятное чувство направления. Она в пять минут нам дорогу назад отыщет.

— Ты кто такая, пискля белобрысая? — Молниенос попытался вытащить меч, но, разумеется, мог только дергаться, опутанный липкой паутиной, как гусеница. Вдобавок еще и собственная цепь обмоталась вокруг него. — И что ты делаешь на моей территории?

— Я не белобрысая пискля, я очень знаменитая взломщица, и мы ищем Утраченную Корону Дикозапада, — ответила весьма обиженная, но по-прежнему болтливая Камикадза. (НИКОГДА не доверяйте Камикадзе секретов. Она самый болтливый человек во всем архипелаге.) — Нас послала эта ужасная ведьма Экселлинор. Корона вроде бы лежит в какой-то Огненной Яме. Тебе такая не попадалась?

— БУДЬ ПРОКЛЯТА эта предательская, троегущая, змеязыкая ведьма! — кипятился Молниенос. — Двадцать лет назад эта женщина предсказала мне будущее, а потом взяла и исчезла ... Ты будешь Королем Дикозапада, говорила она, и, конечно, это казалось очевидным, ведь я самый умный, самый храбрый, самый обаятельный, терпеливый, добродушный человек и самый блестящий мастер меча в архипелаге! Мне всего-то требовалось отыскать эту чертову Корону — и дело в шлеме...

— Так из-за ведьмы ты искал эту Корону все последние двадцать лет? — ахнул Иккинг.

Н-да, исключительно плохая новость.

— Ну разумеется, не все время, — рявкнул Молниенос. — Ты что, совсем тупой? Мне школу вести надо. Но время от времени да, искал. И тут старуха является со своим чертовым сыночком да в рубище, а до этого двадцать лет ни слова, ни строчки. Я дал им крышу над головой, с сыночком ее отдельно занимался...

«Ага, — подумал Иккинг. — Так вот как Экселлинор стала замковой ведьмой и почему Элвин стал так хорошо драться...»

— ...и, как она сказала, отослал сорок своих воинов в какой-то дурацкий, из пальца высосанный Геройский Поход, а то, мол, они путаются под ногами. И чем она мне платит? Похищает меня, ровно перед вашим прибытием, и заявляет, что у меня всего три недели, чтобы отыскать Корону, а иначе она оставит меня здесь внизу навсегда!

— Повезло тебе, — заметила Камикадза. — Нам-то она всего три часа дала...

— Она отправила на поиски Короны ВАС? ВАС ТРОИХ? — Герой-со-здоровым-чувством-самоуважения, похоже, страшно развеселился. — Хромую белобрысую писклю, уroda с драконом на голове и тощего придурка? Ой, смешно, не могу... Я, я, и никто другой, — величайший герой в исто-

рии архипелага! — рывкнул Молниенос. Возможно, это прозвучало бы убедительнее, если бы он не висел вверх ногами, опутанный липунской паутиной и цепями. — Я хорош собой, я гениален, я храбр, я умен... Я обшарил каждый туннель, каждый дюйм каждой пещеры, и если я за двадцать лет поисков не нашел ни Короны, ни Огненной Ямы, значит их тут просто нет... Вы, уроды придурочные, вы так и собираетесь стоять тут и пялиться или все-таки снимете меня?

Н-да, Герою-со-здоровым-чувством-самоуважения явно не мешало бы поучиться себя вести. Теперь стало понятно, откуда у него столько врагов по всему архипелагу.

— Ну и грубиян же он, а? — заметил Рыбьенос.

— Редкостный, — согласилась Камикадза. — И так и не нашел Корону, хотя двадцать лет искал, — съехидничала она. — Все-таки он не идеальный Герой. — Она покачала головой, страшно разочарованная.

— Это потому, что найти Корону невозможно, — яростно зашипел Молниенос.

Камикадзу это ничуть не смутило:

— Иккинг вот постоянно делает невозможное, а он тебя вдвое меньше.

— Заткнись! Заткнись! — Перевернутое лицо Молниеноса сделалось ярко-красное — того гляди взорвется. — Заткнитесь все и пошевеливайтесь!

Освободите мое великолепие для восхищенного мира... чего вы ждете?

— Посмотрим, — медленно произнес Иккинг. — Ответь мне сначала на один вопрос. Если бы ты стал Королем Дикозапада, освободил бы ты всех драконов и запретил бы рабство во всех его проявлениях?

Молниенос едва не задохнулся от хохота:

— Разумеется, нет. Что за смехотворный вопрос! А кто станет делать всю грязную работу, если не драконы и не рабы?

Хмм...

— Ладно, — решил Иккинг. — Снимите его, но цепь оставьте. Нельзя, чтобы он принял участие в состязании мечников.

Камикадза выстригла Героя из паутины. Общими усилиями великого воина поставили на ноги. Вблизи он оказался крайне раздраженным типом со слегка слипшимися усами.

— Развяжите меня, вы, бандиты! — пропыхтел он. — Даю вам слово Героя, что не убегу.

Но они все читали книгу Молниеноса «Бой со вкусом», где тот давал множество советов, как перехитрить противника, в том числе рекомендовал врать напрапалую.

— Что-то мы нынче недоверчивые, — ухмыльнулась Камикадза. — И тебе повезло, что Иккинг вообще тебя освободил. Меня лично подмывало оставить тебя здесь.

И они снова пустились на коньках по безумному лабиринту туннелей. А следом на длинной цепи, привязанной к запястью Камикадзы, катился Герой, всю дорогу шепотом ноя и ругаясь.

— Говорю же вам, — шипел Молниенос. — Я нанес на карту каждый кусочек этих проклятых туннелей, каждый поворот отпечатался в моем гениальном мозгу, и поверьте мне, нет здесь Огненной Ямы... Погодите-ка! — Герой слегка наклонил голову, оборвав фразу, и к чему-то прислушался.

Цок, цок, цок — и еле слышное рррвяк.

Ох, ради Тора!

РЫКОЗАВРЫ.

Что могло их разбудить?

— Катитесь со всех ног! Эти твари разорвут вас на части! — громким шепотом зашипел Молниенос, выпучив от ужаса глаза...

...и тут Рыбьенег лег на лед, раскинув конечности, словно выброшенная на берег морская звезда, прижался щекой к полу и отказался двигаться дальше.

— Рыбьенег! — шептал Иккинг, дергая того за руку. — Давай! Ты можешь, Рыбьенег, ты можешь! Нам надо убираться отсюда НЕМЕДЛЕННО!

Но бедняга окончательно вымотался, пытаюсь не отстать от друзей. Он и в лучшие-то времена не ладил с коньками, а с Жутьздоровой на голове сохранять равновесие стало и вовсе невозможно.

Рыкозавры

~ ХАРАКТЕРИСТИКИ ~

ФАКТОР УСТРАШЕНИЯ.....	8
АТАКА.....	8
СКОРОСТЬ.....	8
РАЗМЕР.....	7
НЕПОСЛУШНОСТЬ.....	8

Рыкозавры – могучие пещерные жители.

Как и другие родичи шматозавров, способны протискиваться в очень узкие щели.

Стая рыкозавров разрывает жертву на части.

Он потерял счет падениям и решил, что с него хватит.

— Нет, — отозвался Рыбьенег, лежа на льду. — Мне вообще идти не следовало. Я вас только задерживаю. Бегите, если хотите. Я просто останусь здесь и умру.

— Недомерок прав, лучше бросим его, — пробурчал Молниенос. Он пытался катиться дальше, но Камикадза крепко держала его на цепи. — Я о том и говорил у подножия скалы, не Геройской он закваски, просто медуза в юбке. Знаете, что рыкозавры с вами сделают? Меня, меня надо спасти! Я же красавец, я нужен миру!

Ну и Герой...

— Рыбьенег, тебе правда не жить, если останешься здесь, — прошипел Иккинг.

— Мне все равно, — закрыл глаза Рыбьенег. — Я слишком устал. Здесь хорошо... тихо... Я просто умру на этом славном уютном льду. Надежды спастись все равно никакой.

Шкряб, шкряб, шкряб, трр, трр...

Иккинг слышал, как неуклонно приближается цоканье когтей по льду. Стая рыкозавров, принюхиваясь, двигалась по темным ледяным коридорам прямо к ним.

— Ох, ради Тора... Надежда есть всегда, Рыбьенег! — отчаянно сказал Иккинг. — У нас еще все получится... Поверь мне, мы сумеем...

11. РЫКОЗАВРЫ И ЭЛЕКТРОЛИПЫ

В этот отчаянный миг в голове у Иккинга вспыхнула идея.

Почему ведьма не отобрала у него Королевские Сокровища, пока имела такую возможность?

Потому что знала, что здесь, внизу, они ему понадобятся...

Он вынул из кармана тикалку. На циферблате ее торчало множество стрелок. Одна показывала время. Вторая — широту. Третья всегда указывала на север. От прочих разнокалиберных стрелок, на взгляд Иккинга, никакого проку не было.

Но была среди них одна особенная.

На толстой стрелке, чисто декоративной на вид, была нацарапана крохотная коронка. Коронка, окруженная крохотными же язычками пламени...

— Смотри! Рыбьеног! Корона! — ахнул Иккинг. — Чернобородова тикалка может указать нам дорогу к Короне в Огненной Яме.

Рыбьеног открыл один усталый глаз. Жутьздора на секунду ослабила хватку и одобрительно замычала.

— Удача на нашей стороне, видишь, Рыбьеног!

Крохотная тусклая искорка надежды вспыхнула в душе Рыбьенога, и он кое-как встал на ноги. Иккинг с Камикадзой подперли его с двух сторон и покатались дальше, волоча за собой Молниеноса. Шарканье множества лап становилось все ближе, а сопение громче.

Они скользили по туннелям ВНИЗ воистину пестрой командой.

Рыкозавры настигали и настигали, а когда четверка свернула за угол, взвыли. Герои оказались в большой пещере и ринулись по прямой. Но тут остроглазый Беззубик что-то заметил и пискнул:

— Смотрите!

Справа в полу пещеры виднелась аккуратная квадратная дырка, явно прорезанная во льду человеческой рукой, — природе не под силу создать такие ровные линии.

— ВНИЗ! — приказал Иккинг, и — раз-два-три — Рыбьеног, Камикадза, Молниенос попрыгали ВНИЗ, в дыру.

Иккинг сиганул последним, держа над головой прямоугольный щит.

Уже спрыгивая в дыру, он увидел тошнотворные рыла первых четырех рыкозавров, с воплем выворачивающих из-за

угла с разинутыми пастями. Он быстро соскользнул в дыру и...

БАМС!

Щит закрыл отверстие полностью.

Словно тот, кто проделал дыру, резал ее точно по размеру щита.

А может, так и было, давным-предавным-давно...

Иккинг, раскачиваясь, повис на ремнях щита. До пола оставалось около метра.

— Отпускай! — крикнула вверх Камикадза.

— Нет! — крикнул в ответ Иккинг. — Они ползут за нами!

ШКРЯЯЯБ! ШКРЯЯЯБ!

Снаружи доносился скрежет кинжально-острых когтей по металлу щита. От жуткого звука позвоночник норовил просыпаться в штаны.

БАМС!

В щите появилась громадная вмятина — рыкозавр напрыгнул на него всей своей тушей, и щит прогнулся в сантиметрах от носа Иккинга...

Ой, ради Тора...

ШВАРК ШВАРК ШВАРК... Лапы и когти пытались подцепить край щита...

В любое мгновение они могут зацепиться как следует и выдернуть из дырки щит вместе с Иккингом...

Один коготь подлез под край щита и приподнял его...

— КАМИКАДЗА! — заорал Иккинг, чувствуя, как его тянет вверх. — ХВАТАЙ ЭЛЕКТРОЛИПА И КИДАЙ В ЩИТ!

Щит еще приподнялся, и на Иккинга уставилась отвратительная морда рыкозавра. Из пасти кошмарного монстра хлопьями валила черная пена, глаза в красных прожилках подрагивали, а от горячего, неопишимо вонючего дыхания у Иккинга кожа на щеках зашелушилась.

хотим снова увидеть солнечный свет, нам еще предстоит вернуться и иметь дело с этими тварями. А они дождутся... Поверь, они нас дождутся...

— Но белобрысая пискля права, — пропыхтел Молниенос. — Это необычайно. Двадцать лет я обыскивал здешние туннели и никогда прежде такой дыры не видел. Я никогда не заходил в эту часть лабиринта.

— Это Б'БЕ-БЕЗЗУБИК ее увид'дел! — пропел Беззубик.

— Да, Беззубик, ты очень-очень умный, — сказал Иккинг. — Гляньте! — воскликнул он, возбужденно указывая на дальнюю стену пещеры.

Разбитая тикалка словно сошла с ума. Она выдала двадцать пять лихорадочных тиков подряд, сыграла задом наперед Хулиганский Национальный Гимн, а затем выбросила пружинку и умолкла, бедняжка.

А в темноте пещеры трепетало золотое сияние мерцающей жизни.

Яркий круг на полу, когда герои подошли ближе, оказался золотой шахтой, Огненной Ямой. Языки пламени лизали черные стены торжествующими, пляшущими реками огня.

— Поверить не могу... — ахнул Молниенос, выпучив глаза в изумлении. — НЕ МОГУ поверить! Двадцать лет я, такой гениальный и отважный, обыскивал это подземелье вдоль и поперек с ужас-

ным риском для моей драгоценной персоны, а нашли Огненную Яму вы, смешные мелкие придурки. Как такое возможно? Это наверняка случайность!

— Случайностей не бывает, — ласково напомнил Рыбьеног.

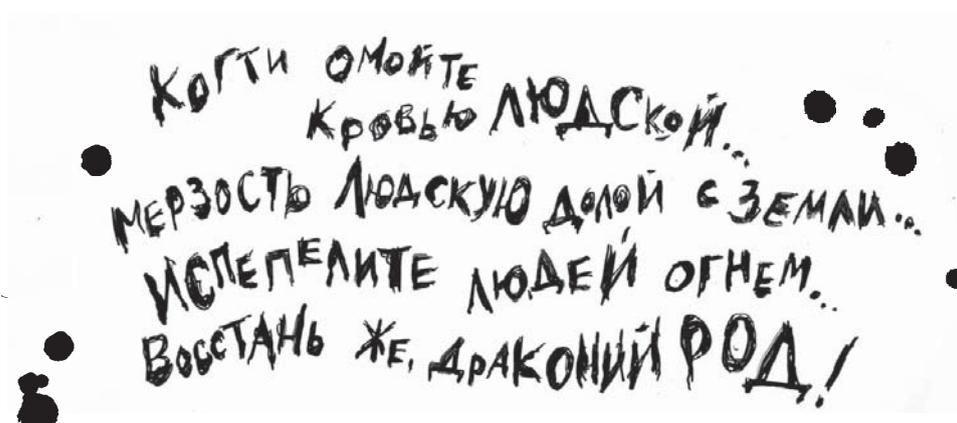
Зрелище было сказочное.

Прямо в сердце горы, в центре ледяного лабиринта туннелей, сияла Огненная Яма...

Земля, вода, камень и огонь.

Все четыре стихии охраняли драгоценную Утраченную Корону Дикозапада.

И в этот прекрасный победный миг по туннелям эхом прокатился жуткий шепот. Тот же самый звук Иккинг уже слышал на стене Сердитой горы, но теперь он звучал громче.

КОГТИ ОМОЯТЕ
КРОВЬЮ ЛЮДСКОЙ...
МЕРЗОСТЬ ЛЮДСКУЮ ДОЛОЙ С ЗЕМЛИ...
ИСПЕЧИТЕ ЛЮДЕЙ ОГНЕМ...
ВОСТАТЬ ЖЕ, ДРАКОНИЙ РОД!

Слова на драконьем шипели яростно и горько, поистине ужасные в своей злобности. Но если они пугали под открытым небом, то насколько страш-

ОГНЕННАЯ ЯМА

нее казались они здесь, в темноте, гулко отдаваясь по туннелям. Достаточно, чтоб напряженные мышцы превратились в воду и каждый волосок на теле встал дыбом.

— А это что такое? — спросил Молниенос.

— Ничего... совсем ничего... Оно просто пытается нас напугать... — пробормотал Иккинг, лихорадочно глядя Жутьздорову по спине.

— И вполне успешно, — ахнул Рыбьенот.

— Не обращайтесь внимания, — прошептал Иккинг. — По звуку кажется близко, но поверьте мне, до него еще много миль. Оно не сможет пробраться сквозь электризованный щит.

Иккинг снял рюкзак.

Хорошо, конечно, что они прихватили с утра с собой снаряжение, но во всех трех огнеупорных костюмах хватало прорех.

— Камикадза, можешь одолжить мне огнеупорную перчатку? И нет ли у кого башмака без дырок?

Втроем им удалось собрать относительно целый огнеупорный костюм, и Иккинг натянул его, отвернувшись, пока напяливал шлем с маской, чтобы остальные двое не видели его лба.

— Эй, погодите минутку, уроды малолетние. — Бедный Молниенос уже чуть не плакал. — Это я здесь Герой. Это я искал Огненную Яму двадцать лет... Это моя невыполнимая задача... Вы же не пустите туда этого тощего придурка вместо МЕНЯ?

Камикадза молча смотала с Молниеноса побольше цепи, привязала ее к большому сталагмиту и свесила второй в Огненную Яму.

— Сойдет, — кивнула она, проверяя Иккинга с ног до головы на предмет дырок.

Иккинг ухватился за цепь.

Спускаться в огонь всегда страшно, даже в огнеупорном костюме. Он глубоко вдохнул и подумал об отце. Никто не говорил, что быть Героем легко.

Он полез в яму с огнем.

Все-таки в костюме имелось несколько дырок. Спускаясь, Иккинг чувствовал жар сквозь прорехи, словно ему к бедру, предплечью и тыльной стороне икры приложили горячие монеты.

На дне ямы он прошел сквозь пламя и оказался в кольце огня, в пещере, где минимум сто лет не ступала нога человека.

И там, посреди пещеры, лежала золотая Корона Дикозапада. Лежала себе тихомирно, никого не трогая и не подозревая о страданиях Молниеноса, словно все это время ждала только Иккинга.

Корона была ослепительно красива — безупречный круг сияющего золота. Иккинг дрожащей рукой потянулся к ней. Но вдруг замер, словно обжегшись, и чуть не заплакал.

Потому что внутри Короны, сливаясь цветом с камнем, свернулся клубком маленький коричневый дракон.

Ох уж этот Чернобород Оголтельй!

Разумеется, тут не могло обойтись без какого-то фокуса, без ловушки! И если подумать, конечно, без дракона. Огонь горел на каком-то черном веществе*. Но как-то же это черное вещество загорелось, и подпалил его, разумеется, дракон.

Вид Иккинг не опознал, но готов был прозакладывать собственную жизнь, что он смертельно ядовитый.

Однако делать нечего. Надо как-то постараться взять Корону, не разбудив дракона. Теперь пригодились бы все его воровские навыки.

* Скорее всего, торф или уголь.

ВНУТРИ КОРОНЫ
КОРИЧНЕВОЙ
ИИЖДИ
МАСЕНУСА
СВЕРХУСА
ДРАКОН.

Слегка дрожа, он вытащил меч. Затаив дыхание, осторожно-осторожно, медленно-медленно протянул руку и коснулся Короны.

Дракон лежал неподвижно, словно каменный.

Иккинг очень аккуратно взял Корону и мягко потянул.

И еще потянул.

Корона не поддавалась.

Зато дракон поднял голову и открыл глаза.

12. УТРАЧЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО ДИКОЗАПАДА

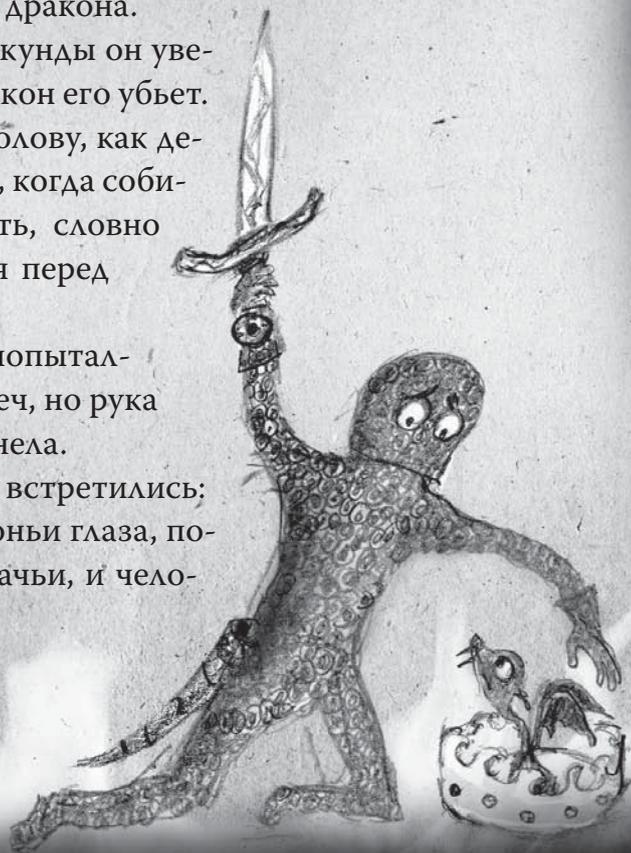
Это был поистине очень древний дракон. Высохший и бурый, словно старая слива, едва способный открыть глаза. Такой морщинистый, что больше напоминал смятую карту.

Иккинг никогда не видел столь старого дракона.

На долю секунды он уверился, что дракон его убьет. Тот откинул голову, как делают драконы, когда собираются напасть, словно гремучая змея перед броском...

И Иккинг попытался вскинуть меч, но рука словно окаменела.

Взгляды их встретились: золотые драконьи глаза, похожие на кошачьи, и чело-

веческие голубые уставились друг на друга сквозь огненное кольцо.

Голова у Иккинга начала кружиться. Он закрыл глаза.

— Кто ты? — спросил дракон, но он уже знал ответ.

— Я Иккинг Кровожадный Карасик Третий. И я хочу взять эту Корону, пожалуйста, — вежливо ответил Иккинг. — А ты кто?

— Что ж, Иккинг Третий, я Одинклык, и мне положено убить любого, кто попытается забрать Корону... — донеслось в ответ еле различимое шипение, далекий шелест мертвого листа.

— Пожалуйста, не надо, — сказал Иккинг, не открывая глаз.

Последовало долгое молчание.

— Потому что люди и драконы не могут ужиться в этом мире, — сказал дракон.

— Ты говоришь как Ярогнев. — Иккинг открыл глаза. — Я не верю, что это правда.

— Некогда я тоже не верил, — очень-очень устало произнес дракон, — а потом пришлось.

— Конечно, мы можем ужиться! — с жаром воскликнул Иккинг. — У меня в лучших друзьях драконы! Просто что-то пошло не

так... Драконов поработили, а они должны быть свободны. Но ВЕРЬ: люди и драконы могут стать лучше. ВЕРЬ, мир можно изменить к лучшему...

— И ты сделаешь это, Иккинг Третий, если станешь Королем Дикозапада? Освободишь всех драконов? — спросил древний дракон. — Постараешься сделать так, чтобы люди и драконы жили дружно?

Иккинг не хотел становиться Королем Дикозапада. Но всем нам рано или поздно приходится взрослеть.

— Да, — ответил Иккинг. — Обещаю.

Дракон снова вздохнул.

— Беда в том, что я старый-престарый дракон, и ты не первый, кто дает мне такое обещание. История имеет свойство повторяться.

— А может, необязательно? — сказал Иккинг.

— Выслушай мой рассказ, — отозвался дракон, — и, возможно, ты передумаешь...

— Я несколько спешу, — замялся Иккинг.

Одинклык взглянул на него своими гипнотическими глазами. В его древнем голосе послышалась отчетливая угроза:

— В нашем распоряжении все время мира.

— В нашем распоряжении все время мира, — повторил за ним Иккинг.

Он уселся, скрестив ноги, положил меч на колени и приготовился слушать рассказ, в кольце огня, в ледяном сердце Сердитой горы.

— Видишь ли, — начал Одинклык, — ты не первый, кто носит имя Иккинг. И не первый, кто носит этот меч.

О боги... О боги... У Иккинга снова забежали мурашки по загривку.

— Первого человека, кто дал мне такое обещание, звали... Иккинг Кровожадный Карасик Первый...

ИСТОРИЯ ИККИНГА КРОВОЖАДНОГО КАРАСИКА ПЕРВОГО

— Пять или шесть веков назад, — говорил дракон, — во времена моей юности, Времена были очень Темные. Драконы воевали с людьми. Предводитель драконьего войска, великий моредраконус по имени Безжалостный, заглянул в будущее и увидел, что его убьет человек по имени Иккинг.

Он узнал, что человек с таким именем живет на одном острове в архипелаге, и меня послали уничтожить всех людей на том клочке суши.

К несчастью, я слишком снизился над маленьким островком и запутался в ветвях дерева. Я провисел там два дня с ужасной раной на груди, запутываясь все больше, как рыба на крючке, и постепенно слабея.

Спас меня мальчонка лет девяти.

По иронии судьбы это оказался тот самый мальчик, убить которого я прилетел.. Его звали Иккинг Первый.

Иккинг Первый залез на дерево, где я висел, и распутал меня. Ты должен понимать, что это был исключительно смелый поступок. В те дни драконы и люди смертельно враждовали. Я никогда прежде и не видел человека так близко. Только убивал их издалека. Я мог бы спалить ребенка одним-единственным выдохом пламени, умертвить одним предсмертным взмахом когтей...

Но мальчик освободил меня, а потом и вышел. Ловкими человеческими пальцами он зашил рану у меня на груди и приложил травы, которые исцелили меня. Смотри, шрам до сих пор виден.

Иккинг взглянул. Так и есть. Шрам над сердцем поперек сморщенной бурой груди. Еле заметная линия, крохотные неровные следы от многосотлетней давности шва. Стежки мальчишеские, неровные и кривые.

Точно такой же шрам на точно таком же месте носил Беззубик.

И у Ярогнева был шрам.

Три дракона, каждый со шрамом над сердцем.

Три мальчика, все по имени Иккинг.

— Выздоровев, я улетел обратно на север. Но постоянно возвращался. Я научил мальчика драконьему наречию. Он в свою очередь научил меня понимать язык людей. Иккинг был первым человеком, кому довелось прокатиться верхом на драконе. На мне. И чем ближе я узнавал этого Иккинга, тем больше я видел, что в людях есть нечто особенное, чего лишены мы, драконы. Любовь. Воображение. Творчество. Общение с помощью языка. Предвидение. Всеми этому люди могли бы нас научить, если бы уцелели. Но люди еще не изобрели современных орудий войны, и драконы едва не истребили их...

У меня была мечта. Глупая мечта, надежда, что, может быть, люди и драконы могли бы сосуществовать в мире. Поэтому я решил спасти людей.

Так вот, был один очень драгоценный Камень, который Безжалостный охранял. Драконий Камень был единственным, чего боялся Безжалостный, — драгоценность в виде куска янтаря, способная уничтожить драконов окончательно и бесповоротно. Сокровище спрятали, давным-давно, в рукояти меча.

Иккинг ахнул.

— Ты прав, — кивнул дракон. — Это тот самый меч, что лежит у тебя на коленях. Драконий меч. Меч в Огненной Яме охранял ужасный дракон, куда страшнее меня.

Иккинг снова ахнул.

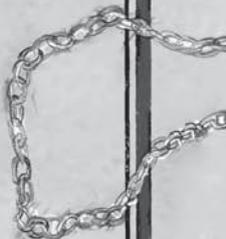
— И ты опять прав, — продолжал дракон. — Это была та самая Огненная Яма, где мы с тобой беседуем. История, как видишь, имеет свойство повторяться.

Давным-давно я выкрал Драконий меч из Огненной Ямы.

Я отдал его Иккингу Первому. Я показал ему спрятанное в рукояти сокровище.

Скажи мне, прав ли я был, что доверился человеку подобным образом? Или я предал собственный род? Видишь ли, мальчик дал мне обещание. Он обещал, что не употребит дар во зло. Он обещал позаботиться о том, чтобы люди и драконы жили в согласии.

— Не знаю, правильно ли ты поступил, — прошептал белый как мел Иккинг. — Правда не знаю... А что было дальше?

— Ну, когда Безжалостный прилетел убивать Иккинга Первого, мальчик встал, босой и беззащитный в своих лохмотьях, на пороге хижины, крытой зеленым дерном, и поднял Камень над головой. Великий дракон был молод, но огромен, как летучая гора. Размах крыльев у него был таков, что, казалось, они простирались от горизонта до горизонта. В этом драконе бурлило столько огня, что он мог обратить весь островок в прах и пепел одним-единственным выдохом.

Но янтарь, такой маленький, что помещался в человеческом кулаке, эта крохотная драгоценность заставила могучего хищника затаить дыхание.

Это было единственное, чего он боялся...

Некогда
Драконий камень
был спрятан
в рукояти
меча...

Иккинг Первый заставил могучего Безжалостного отозвать АлаяРость. Он велел ему распустить драконье войско и снова уйти в отшельники, чтобы жить в одиночестве.

«Ты никогда не должен возвращаться в архипелаг, — сказал Иккинг Первый, — или предсказанная Судьба достигнет тебя».

Вот так и закончилась АлаяРость в те времена. Безжалостный улетел на север, в Открытое Море. Он жил один так долго, что, возможно, за столетия позабыл свою юность предводителя драконьего войска и сделался самым обычным убийцей. Ходили слухи, что спустя несколько сотен лет его знали только как Зеленую Смерть, одно из многих чудовищ, державших в страхе Глубины. Ты что-то сказал?

— Это я убил его, — прошептал Иккинг Кровожадный Карасик III. — Он вернулся в архипелаг, и я убил Зеленую Смерть...*

Одинклык издал сухой смешок.

— Да, все верно, в итоге он погиб от руки Иккинга...

Ну разве Судьба не художник?

* См. первый том мемуаров Иккинга «Как приручить дракона».

— Тем временем Иккинг Первый решил использовать Драконий камень дальше. «Я употребляю это сокровище, — сказал мальчик, — во благо».

Он начал учить других драконов. Он учил их возделывать землю, охотиться, пасти овец и оленей. Он учил соплеменников на окрестных островах делать то же самое, и с помощью драконов им удавалось управляться с оленьими стадами вдвое лучше прежнего. И викинги стали вдвое толще и вдвое сильнее.

Драконам это тоже шло на пользу. Мальчик обращался с драконами не так, как с ними обращаются нынче. Они были равными. Они сидели вокруг огня как товарищи. Их первыми кормили на охоте. Мальчик спрашивал их мнения перед боем и разговаривал с ними точно так же, как говорил с людьми.

Парнишка основал новое королевство, королевство мира и равенства, где все были равны и где драконы и люди трудились вместе на общее благо. И это почти конец истории.

ПОТМЯ КОЖИ

— Видишь! — воскликнул Иккинг. — Мальчик сдержал обещание!

Одинклык вздохнул.

— Он держал обещание, пока был жив. Но мы забыли, насколько короток людской век. Для нас, драконов, люди живут не дольше бабочек. При жизни парень меня не предал. Но он не мог держать обещание по ту сторону смерти.

Тишина воцарилась в Огненной Яме.

— Потомки мальчика оказались не столь достойными доверия. Они употребили данную им власть над драконами во зло. Они поработили драконов. Люди становились все хуже и хуже, и наконец появился...

— Чернобород Оголтельй, — произнес Иккинг.

— Чернобород Оголтельй, — подтвердил Одинклык. — И ты знаешь, как закончилась та история. Поэтому, когда Чернобород явился ко мне под конец своей ужасной жизни, громадная косматая развалина с безумным взглядом, и попросил меня стеречь Корону Дикозапада, чтобы ни один человек больше не получил такую власть, какой обладал он сам, я, разумеется, согласился. Зачем мне

отдавать Корону ТЕБЕ? Зачем мне совершать одну и ту же ошибку ДВАЖДЫ?

Иккинг не ответил. Вопрос был хороший.

Мальчик и дракон сидели и смотрели на Корону. Большую ответственность заключал в себе этот золотой обруч.

Мальчик думал.

«До меня было два Иккинга, оба великие люди, не то что я. Они пытались сделать эту забытую богами часть мира процветающей и благодородной и потерпели неудачу. Все их старания пошли прахом, словно обоих и не было никогда. Зачем мне даже ПЫТАТЬСЯ сделать нечто, с самого начала обреченное на провал?»

Дракона занимала та же мысль.

Иккинг взглянул на совершенно обычный меч, лежавший у него на коленях.

Спустя некоторое время он произнес:

— Когда я только нашел этот меч, это вышло случайно, я не знал, что его зовут Драконий меч. Я отнес его дедушке, Старому Сморчку, и попросил наречь клинок для меня. Старый Сморчок назвал его Дерзновенный. Он сказал, что имя важно, поскольку «дерзать» означает «делать», даже когда знаешь, что можешь проиграть, еще не начав.

Старый дракон поднял глаза и взглянул мальчику в лицо.

— А потом, — продолжал Иккинг, — он сказал кое-что, что я запомнил навсегда, хотя в тот момент его слова показались мне странноватыми. Он сказал: «История ходит по кругу, все повторяется, снова и снова, как прилив и отлив. Да, ныне на руинах острова Завтра воет ветер. Но на самом деле мы делаем два шага вперед, один назад. Люди и драконы совершают одни и те же ошибки, снова и снова, но все-таки со временем мир становится лучше». Может быть... — Иккинг изо всех сил искал правильные взрослые слова, — может быть... забытые герои вроде первых двух Иккингов сделали мир чуточку лучше, чем он был бы, не родился они на свет?

— И наверное, твой дедушка был прав, — закончил за него Одинклык. — Со временем, с течением тысяч и тысяч лет, эти маленькие «чуть лучше» становятся большим и важным «хорошо».

Повисла долгая-долгая пауза.

— То есть, если я позволю тебе взять Корону, обещаешь ли ты с ее помощью сделать так, чтобы люди и драконы стали жить

в мире? Обещаешь ли, что не дашь Короне попасть в не те руки? — спросил Одинклык.

Как раз не те руки его и поджидали: ведьма, Элвин и Молниенос.

Иккинг пытался не думать обо всем том, что ему придется проделать, чтобы стать Королем.

Ему придется выбраться отсюда живым и вытащить друзей.

Ему придется одолеть ведьму у колодца.

Ему придется победить на состязании мечников.

Затем ему придется убедить всех людей отпустить всех драконов, а он знал, что на это скажут викинги.

Самая невыполнимая из всех невыполнимых задач.

— Обещаю сделать все, что в моих силах, — сказал Иккинг.

— Раз так, — ответил дракон, — мне этого, наверное, довольно. Бери Корону и живи.

— Спасибо, — сказал Иккинг.

Он взял Корону и сунул ее за пазуху. Когда он поднял Корону, стены Огненной Ямы словно взорвались.

Ужасный вопль издавал уже знакомый голос, но теперь он визжал так громко, что у Иккинга задрожали барабанные перепонки. Даже языки пламени присели от шума.

ЗА НИМИ, ВСЕ!
Здесь четверо
ОТБРОСОВ человеческих!

— Он взял ее! Он взял ее! За ним! Отвратный человеческий детеныш Короной завладел! За ним! Вы, Рыкозавры! Слизнеклыки! Духожомы! ВСЕ! За ним, созданыя тьмы, за ним!

«Ради Тора, — подумал Иккинг, зажимая руками уши, — уж больно похоже на Ярогнева... Но как такое может быть? Он слишком большой, ему не пролезть в колодец...»

Одинклыка рев не трогал совершенно. Возможно, он был слишком стар, чтобы бояться.

— В подземелья имеется еще один вход, — пояснил дракон, словно прочел мысли Иккинга. — Громадная пещера в ущелье Торова Грома. Туда прекрасно поместится моредраконус даже размером с Ярогнева.

Быстро, но очень осторожно Иккинг поднял древнего дракона. Некогда тот отличался упитанностью, но теперь бедный старичок сделался легче воздуха, словно осенний листок или царапучий майский жук, кожа да кости. Иккинг сунул его за пазуху к Короне.

— Ладно, надо отсюда выбираться...

— Ах, — восхищенно вздохнул Одинклык, моргая на него, словно маленькое коричневое дитя. — Я уж и позабыл слепой оптимизм юности. Какое огромное удовольствие наблюдать его снова спустя столько лет.

— Ну, — отозвался Иккинг, пытаясь подбодрить его и себя, — этого у нас навалом.

Легче.

Сказать.

Чем.

Сделать.

13. ПО КОНЬКАМ!!!

Из Огненной Ямы Иккинг выбирался так быстро, как не лазал еще никогда. Камикадза подтянула его только в самом конце. Рыбьенюг загасил небольшой огонек, тлевший у него на спине. От жуткого воя все трое побледнели со страху. Друзей била дрожь.

Беззубик тоже перепугался, но это не помешало ему заметить бурого дракона у Иккинга за паузой — там, где обычно сидел он, Беззубик.

— **Это еще кто на месте Б'бе-беззубика?** — яростно прошипел он.

— **НЕ ДО ТОГО СЕЙЧАС! ПО КОНЬКАМ!** — крикнул Иккинг. — **НАДО ПОДНЯТЬСЯ НАВЕРХ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧНЕТСЯ СОСТЯЗАНИЕ! БУРИМУХА, ВЕДИ!**

— **НО ВЫ ПЕРЕБУДИЛИ ВСЕХ ПЕЩЕРНЫХ ДРАКОНОВ, ИДИОТЫ ПРИДУРОЧНЫЕ!** — взвизгнул Молниенос, подпрыгивая на месте от страха и бешенства. Он по-прежнему старался визжать потише, словно опасался разбудить еще кого-нибудь, кого не разбудил жуткий шум со всех сторон. — **Я ОБШАРИВАЛ ЭТИ ПЕЩЕРЫ ТОЛЬКО ЗИМОЙ! ВСЛУШАЙТЕСЬ В ЭТОТ ВОЙ! ОТ НАС МОКРОГО МЕСТА НЕ ОСТАНЕТСЯ!**

Вой стоял и впрямь ушераздирающий, словно четыре сотни фурий вопили одновременно.

Он взял ее! Он взял ее! За ним!
Отвратный человеческие детеныши
Коронной завладел!
За ним! Вы, рыкозавры!
Слизнеклыки! Духожомы!
ВСЕ! ЗА НИМ, создания
тьмы, ЗА НИМ!!!

Алаярость гремела, отражаясь от стен пещеры зловещим эхом, отзвуки рассыпались по туннелям и пошли гулять сами по себе.

Рыкозавры, и духожомы, и Тор знает кто еще откликнулись на призыв леденящим кровь воем. Все драконы до последнего в пронизанной ходами горе проснулись.

— У нас нет выбора, — мрачно сказал Иккинг. — И все кончится хорошо. Что-нибудь да подвернется. Мечи наголо, все.

— Что-нибудь подвернется? — взвыл Молниенос. — Что-нибудь подвернется? Как это «что-нибудь подвернется»? Зачем вы слушаете этого шута горохового? ОЙЙЙ! — Это Камикадза заскользила на коньках вперед, цепь натянулась, и непревзойденный Герой шмякнулся на лед.

Они вихрем понеслись по темным туннелям. Никаких драконов пока не попадалось. Видимо, все они остались по другую сторону электрифицированного щита.

— Ко... ро... на... у... те... бя? — пропыхтел Рыбьеног.

— Ага, — отозвался Иккинг, ткнув пальцем в безрукавку.

— Не верю! — ахнул Молниенос.

Трудно описать охватившие его чувства. В человеческом языке и слов-то подходящих не найти. Драконы сказали бы: «Эв'ва как таращ-плюс-ч'чит»

— Двадцать лет поисков... двадцать лет... а Корону находят два придурка да хромая пискля!

— ЭТА ХРОМАЯ ПИСКЛЯ НА КОНЬКАХ БЫСТРЕЕ ТЕБЯ! — заорала Камикадза. — СЛАБО ДОГНАТЬ, А?

Они вкатились в туннель, где на римском щите Иккинга по-прежнему светились электролипы. Сверху из-за щита доносились устрашающие звуки: там выли, скреблись и точили когти.

— Толкни щит мечом,
Камикадза, — сказал Иккинг.

— Ради Тора, что ты делаешь? — пропых-
тел Молниенос. — Они же там! Они же все там!

— Давай, Камикадза! — приказал Иккинг. И что
было мочи завопил по-драконьи: — **А-а-а-а!**
МОЗГОЕДЫ! НА НАС НАПАЛИ МОЗГОЕДЫ!

На той стороне щита вмиг воцарилась напря-
женная тишина.

Камикадза ткнула щит мечом, и он поднялся легко, словно крышка люка.

В отверстие осторожно, подрагивая шипастыми усами, сунул мерзкую башку рыкозавр.

Иккинг указал на Рыбьенога с Жутьздоровой на голове.

— А-А-А-А-А! — завопил Иккинг. — **МОЗГОЕДЫ!**

— А-А-А-А-А! — заорал рыкозавр. — **МОЗГОЕДЫ!!!!** — И был таков.

— **МОЗГОЕДЫ! МОЗГОЕДЫ!! МОЗГОЕДЫ!!!**

Туннель наверху взорвался паническими воплями удирающих драконов. Видите ли, всяк чего-то да боится, а мозгоеды были одними из самых

страшных драконов архипелага. Никому ведь не хочется, чтоб ему мозг через уши высосали.

Еще парочка драконов сунули головы в дыру,

едва взглянули на Рыбьенога, заверещали и снова исчезли.

Рыбьенег понял план Иккинга, залез наверх и высунул из люка голову с сидящей на ней Жутьздоровой. В туннеле наверху образовалась давка. Драконы орали, топтали друг друга, раздвоенные хвосты исчезали в темноте... а потом наступила тишина.

— Все чисто, — сообщил Рыбьенег.

— Чисто?! — ахнул ошарашенный Молниенос. — Как это — чисто?

Иккинг вылез вслед за Рыбьенегом, а Камикадза поотрывала со щита электролипов, благо перчаток так и не сняла, и молча передала щит Иккингу. Потом вскарабкалась наверх сама и пару раз сильно дернула Молниеноса за цепь:

— Ты идешь, Молниеносик, или так и собираешься там торчать, разинув рот? Надо бы поторопиться, пока драконы не сообразили, что их надули.

Но поскольку развязывать руки Герою никому не хотелось, пришлось юным викингам помогать ему выкарабкаться.

И они снова понеслись по туннелям. На верхних уровнях лабиринта драконы попрятались, да и Ярогнев вроде попритих.

Они свернули за последний угол. Вот и котел, валяется себе на боку.

— Что ты... собираешься... делать с ведьмой? — пропыхтел Рыбьенег, когда они со скрежетом затормозили возле котла.

— Придумаю что-нибудь, — отозвался Иккинг, и они с Рыбьеногом и Камикадзой дружно залезли в котел.

— Ты хочешь сказать, — взвизгнул Молниенос, — ведьма по-прежнему ТАМ?

— Конечно, — ответил Иккинг. — Осталось всего-то одолеть ведьму — и дело в шляпе. Полежай.

Но Молниенос отказался.

Он три недели бродил в темноте, поедая мелких пещерных драконов сыром, а это само по себе угнетает дух. Потом он смирился со смертью в мерзкой утробе липуна: может, и противно, но все-таки в таком уходе есть нечто героическое — погибнуть в Походе За Сокровищем и все такое.

Но тут явились эти мелкие придурки.

Молниенос привык быть всех круче. Всю жизнь он отпускал самые остроумные реплики, красовался и вел других за собой. А теперь он стал посмешищем: весь липкий, обмотанный цепями — жуть...

Молниенос никогда еще не проигрывал. Безусловно, Поход За Коронай не удался, но это же была как-никак невыполнимая задача, нет ничего постыдного в том, чтобы с ней не справиться. А бесконечно стремиться выполнить невыполнимую задачу, опять-таки, вполне достойно героя.

И вот меньше чем за два часа чокнутые уродцы нашли Огненную Яму, которую он искал двадцать

лет, забрали Корону, одолели ужасных пещерных драконов, которых он со своими воинами все это время избегал, а теперь предлагают ему встретиться лицом к лицу с этой жуткой ведьмой и ее когтями.

Похоже, даже странный на вид малец с драконом на голове — какой-то супергерой, способный наводить на драконов ужас одним взглядом.

Молниенос пал духом, и его самомнение рухнуло. А когда рушится такое раздутое самомнение, это занимает некоторое время.

Он улегся на пол рядом с котлом.

— Нет, — сказал Молниенос. — Не полезу.

— Ой, ну давай же, — принялась упрашивать Камикадза. — Вспомни, что ты говорил у подножия скалы. «Герои вы или медузы в юбках?»

— Я медуза в юбке, — сказал Молниенос. — Я не в силах сражаться с ведьмой. Оставьте меня здесь и поднимайтесь без меня.

Троица переглянулась.

— Ладно, можешь подняться после того, как я разберусь с ведьмой, — сказал Иккинг. — У нее все равно сил хватит только одного зараза поднять.

— **Б'бе-беззубик с тобой.** — Дракончик ощерился от ревности. — Пусть даже к-кто-то-то сидит на **Б'бе-беззубиковом** месте... Потому что **Б'БЕ-БЕЗЗУБИК** — дракон Иккинга... совершенно особенный дракон... Иккингу нужна помощь **Б'бе-беззубика**.

Камикадза и Рыбьеног вылезли.

— Мы не бросим тебя здесь, — объяснила Молниеносу Камикадза. — Ты, может, и медуза в юбке, но ты НАША медуза, а мы своих не бросаем.

Она начала разматывать цепи.

— ТЯНИ! — крикнул Иккинг наверх.

Далеко-далеко в крохотном пятнышке света появилось ведьмино лицо.

Я медуза
в юбке...

скрип
пи-иск
скрип
пи-иск
пи-иск
скрип
пи-иск
скрип
пи-иск
пи-иск
скрип
пи-иск
пи-иск
скрип
пи-иск
пи-иск

— Сначала... брось... в котел... Корону... — донеслось сверху.

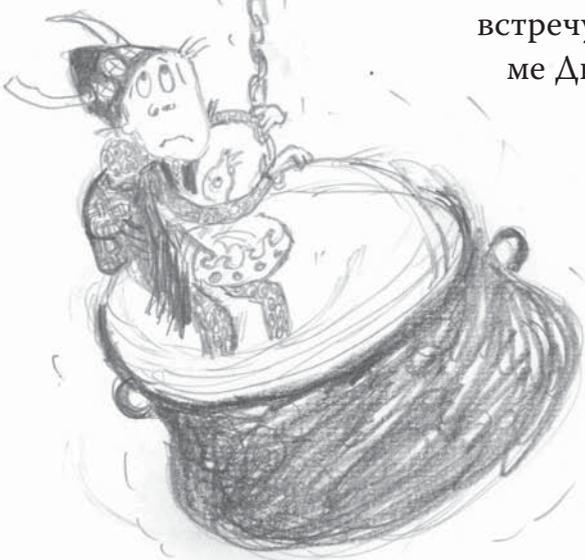
— ПО-ТВОЕМУ, Я ДУРАК? — крикнул в ответ Иккинг.

Пауза.

«СКРИП, пи-иск, скрип-ипи-иск, скрип-пи-иск, скрип-пи-иск», — стонали цепи в колоде. Ведьме не терпелось заполучить Корону, и она крутила ворот все быстрее и быстрее, шепча себе под нос:

— Он добыл ее, добыл, vezuchий крысеныш добыл ее...

А Иккинг поднимался ВВЕРХ, ВВЕРХ, ВВЕРХ навстречу Злокозненной Ведьме Дикозапада.

14. ЗЛОКОЗНЕННАЯ ВЕДЬМА ДИКОЗАПАДА

— Ой, мамочки, ну и страшная же она, — прошептал Одинклык, когда они вынырнули из темноты на свет и котел с громким БАМС ударился о край колодца.

— Давай Корону! — прошипела ведьма.

Глаза ее горели, а когти были предусмотрительно направлены на Иккинга, словно ножи. От такого зрелища и в обморок грохнуться недолго, просто от страха сомлеть на месте.

Беззубик так перепугался, что забыл все обещания помогать.

Он попытался по привычке нырнуть Иккингу за пазуху, в последний момент вспомнил, что место занято, поэтому юркнул хозяину под шлем, чуть приподняв его, и затих.

— Сначала верни мне отца, — ответил Иккинг Кровожадный Карасик III.

Ведьма улыбнулась — ну и гнусная же это была улыбка. Она пошевелила пальцами, каждый заточенный коготь блеснул смертью.

— Брось, Иккинг, — проворковала колдунья, — ты же умный мальчик. Ты знаешь, что глупо доверять слову Вероломных. Имя говорит само за себя. Ты отдашь мне эту Корону и прочие Королевские Сокровища тоже, а не то я зацарапаю тебя до смерти, — ухмыльнулась ведьма. — Потому что лучше тебе быть живым Ничтожеством, чем мертвым Героем.

— Раз так, — произнес Иккинг Кровожадный Карасик III, направляясь к запертому шкафу, — я лучше не отдам тебе ничего вообще, потому что не боюсь тебя.

— А зря! — взвизгнула ведьма. — Зря!

Она схватила его за руки
и с минуту боролась с ним,
так что ладони у Иккинга

сделались лиловыми от яда. Иккинг вырвался и пошел дальше, она бросилась следом и стала царапать, располосовав когтями его огнеупорный костюм.

Иккинг шел как ни в чем не бывало.

Ведьма снова ударила его когтями.

Ничего.

Иккинг продолжал идти.

Снова и снова она царапала его, драла своими отравленными когтями, оставляя на коже глубокие порезы, но он все шел, спокойно шел к шкафу.

Никогда прежде с ведьмой такого не случилось.

Сначала она растерялась, а потом сама перепугалась.

— Кто ты ТАКОЙ? — жалобно спросила она. — Почему ты не боишься? — проскрипела она, внезапно сделавшись маленькой и испуганной. — Ты же знаешь, что эти когти отравлены самым смертельным ядом, известным человеку. Смерть страшна. Как ты можешь не бояться самой Смерти?

Иккинг улыбнулся. И посмотрел ведьме прямо в глаза.

— Я не боюсь потому, что знаю кое-что, чего не знаешь ты. Самый смертельный яд, известный человеку, это яд гадючки отравной, а на меня он не действует. Спроси своего сына, он тебе расскажет. Это на самом деле его заслуга.

Ведьма взвыла, словно на нее опрокинули ведро кипятка. Только что она рвала и ме-

тала, как фурия, — и вдруг превратилась в жалкую трясущуюся старуху.

Иккинг подошел к шкафу. Дрожащими руками он вынул ключ, открывающий все замки.

«Пожалуйста, Тор, пусть отец будет там... Он ДОЛЖЕН быть там, ведь ключ — одно из Королевских Сокровищ, и я еще его не использовал...» Иккинг открыл дверь ключом.

Из шкафа на него уставились две головы — Стоика Обширного и СТРа Страхолюда...

На одно жуткое мгновение Иккингу показалось, что в шкафу только головы. Однажды в детстве он слышал страшную сказку про ведьму, которая хранила головы в буфете...

...но, по счастью, головы оставались на плечах.
ХВАЛА ТОРУ, ФРЕЙЕ,
ОДИНУ И ВСЕМ
ОСТАЛЬНЫМ!

Чуть не падая
от облегчения,
Иккинг пере-
резал ве-

ревки, вытащил кляпы, и Стоик со СТРОм, пошатываясь, выбрались из шкафа.

— Папа! — воскликнул Иккинг.

— Иккинг! — воскликнул Стоик.

Они обнялись. И еще вопрос, кто из них больше был рад видеть другого.

СТР выбрался из шкафа с трудом. Выглядел он далеко не так самоуверенно, как раньше.

Ему пришлось особенно туго: ведьма то и дело вытаскивала его из шкафа, обыгрывала в шахматы и запихивала обратно, приговаривая, что, может быть, завтра убьет. Это было страшно и унижительно*.

— Прощу, — радушно пригласил Иккинг ведьму, направив на нее острие Дерзновенного и широко распахнув дверцу шкафа.

И что ей оставалось делать?

На яд надежды больше не было. Она сделалась словно гремучая змея без погрешности. Оса без жала. Герой, лишенный духа.

Ее страшные когти поникли.

— Ну! Живей! — подгонял Иккинг.

Ведьма залезла в шкаф.

Иккинг обнажил Дерзновенный и срезал шнурок с ключом у нее с шеи. Он запер дверь на оба ключа, для верности.

* Возможно, так ведьма мстила СТРу за то, что тот на двадцать лет заточил ее в ствол дерева. Об этом можно прочитать в восьмом томе мемуаров Иккинга «Как освободить дракона».

— Кстати, — прокричал он в замочную скважину, — козни строить ты здорово умеешь, а вот в шахматы играешь хуже некуда! — Он подошел к шахматному столику и передвинул пешку на одну клетку. — Шах и мат, — объявил Иккинг Кровожадный Карасик III.

Стоик и СТР Страхолюд смотрели на него, открыв рот.

— Теперь надо поднять остальных, — резко сказал Иккинг. — Крутите ворот. Живей! Живей!

Стоик Обширный и СТР Страхолюд навалились, и благодаря их бугристым мышцам котел с Рыбье-ногом, Камикадзой и Молниеносом аж взлетел наверх.

Беззубик высунул рыльце из-под шлема Иккинга.

— Он на ушла? — опасливо поинтересовался он.

— Она в шкафу, — ответил Иккинг, осторожно вынимая дракончика из-под шлема.

Беззубик тут же выпятил грудь и полетел красоваться перед Буримухой и выкрикивать дразнилки в замочную скважину шкафа.

Буримуха не обратила на него внимания, она была слишком занята поеданием печенья с предсказаниями. И все присоединились к ней, поскольку сообразили, что пропустили завтрак, а от гонки на коньках по ледяным туннелям с рыкозаврами и Тор знает кем еще на хвосте любой проголодался бы.

Иккинг прислушался к колодцу.

Внизу притаилась зловещая тишина. Там было так тихо, что, не звени у Иккинга до сих пор в ушах от рева, он почти поверил бы, будто вся история с АлаЯростью привиделась ему в кошмаре.

Что сейчас делает Ярогнев?

Может, повернул назад, упершись в слишком узкие для него туннели? А вдруг он выберется обратно в ущелье Торова Грома, а потом вернется с ужасной армией, во много раз больше той, которую одолел Иккинг на скале?

Раздавленная тикалка начала тикать снова, немало неровно: «Тик-ТАК, тик-ТАК...» Это напомнило Иккингу, что время на исходе.

— Так, — сказал Иккинг, — теперь нам надо поторопиться, а то опоздаем на состязание мечников...

И тут Молниенос, Герой, Упавший Духом, почувствовал, что с него довольно.

— СПАСАЙСЯ, КТО МО-О-ОЖЕТ! — заорал он и выскочил из хижины.

СТР Страхолюд переминался с ноги на ногу.

В зубах он стискивал мятую сигару.

Ведьма высосала из него весь яд, а теперь еще и один из величайших героев архипелага у него на глазах драпанул во все лопатки. Это оказалось последней каплей для могучего СТРа.

Ни слова не говоря, он последовал за Молниеносом.

15. СОСТЯЗАНИЕ МЕЧНИКОВ: ДЕЛА ИДУТ НА УДИВЛЕНИЕ ХОРОШО

А тем временем состязание на Боевой арене почти началось.

Старейший Старейшина уже оглашал пары бойцов на первые схватки и зачитывал правила. Победитель в каждом поединке сражался с другим победителем, и так далее, пока не останутся последние двое.

Чтобы победить, противника необязательно было убивать или калечить, достаточно было обезоружить (хотя несчастные случаи, разумеется, не исключались).

Племена зашевелились и принялись рассаживаться, скрестив ноги, и распевать:

— Чего мы жде-о-ом?..

Старейший Старейшина нервничал все больше.

Они уже и так на три минуты задержали начало, и хотя, хвала Тору, ведьма куда-то запропастилась, она в любой момент могла выскочить с претензиями, как злобный чертик из табакерки.

— Боюсь, — произнес наконец Старейший Старейшина, — больше мы ждать не можем. Пора на-

чать состязание. Это печальный день для всех нас, и мне жаль Хулиганов. Они лишились и вождя, и его замены, и некому сражаться за них. Но правила есть правила, боюсь, и клятвы есть клятвы... О СЛУШАЙТЕ, СЛУШАЙТЕ, СЛУШАЙТЕ! СОСТЯЗАНИЕ МЕЧНИКОВ С ЦЕЛЬЮ НАЙТИ НОВОГО КОРОЛЯ ДИКОЗАПАДА НАЧИНАЕТСЯ! ТРУБАЧ! ТРУБИ!

Трубач как ра-а-аз подносил рог к губам, чтобы просигнализировать начало состязания, как вдруг...

БАМММ!

Распахнулась дверь предсказательской хижины, и оттуда на всех парусах вылетел грязный, липкий Молниенос.

БАМММ!

По пятам за ним несся СТР Страхолюд, хотя и не так быстро, как Герой-со-здоровым-самоуважением. Страхолюду мешало пузо размером с боевой корабль плюс изрядный стаж курильщика, но все же он развил впечатляющую для столь тучного человека скорость.

— Лопни мои глаза! Это же... Молниенос! И СТР! — воскликнул в изумлении Старейший Старейшина. — Что вы там делали и где вы...

Но ни Герой, ни вождь Страхолюдов не замедлили бега. Они просто пронеслись мимо Старейшего Старейшины через Боевую арену и на глазах крайне изумленных восемнадцати племен рванули прямо к главным воротам замка.

— ОТКРОЙТЕ Д-Д-ДВЕ-Е-Е-ЕРРРРЬ!!! — заорал Молниенос.

Измученные часовые торопливо распахнули Большие Врата, и герой вылетел прочь. Повелитель материка последовал за ним.

Викинги всех племен, отвесив челюсть, смотрели, как Молниенос и СТР улепетывают по Легкому Пути со всех ног (и со всех рук, потому что невозможно пробежать вниз по Легкому Пути, ни разу не перекувырнувшись) .

Вот так эти два разбойника кубарем выкатились из состязания и из истории вообще, похоронив все свои мечты о господстве.

Племена только-только успели оправиться от потрясения, когда из той же самой хижины, словно из шляпы волшебника, выскочили Стоик Обширный, Иккинг Кровожадный Карасик III, Камикадза Бой-баба и тот чудик с рыбьей физиономией и драконом на голове.

Ветрогон в восторге прынул в воздух и принялся описывать над ними радостные круги. Даже мрачный Одноглаз пару раз весело подпрыгнул.

— ДЕТОЧКА МОЯ! — взревела Большегрудая Берта, распахивая объятия.

— Да-да, мама, не сейчас, — отмахнулась Камикадза, нетерпеливо поворачиваясь к Старейшему Старейшине. — Чего мы ждем? Надо начинать состязание ПРЯМО СЕЙЧАС.

— Ну, мы вас ждали, — несколько растерянно отозвался маленький Шандарахайк. — Что случилось с тобой... и со Стоиком... и с Молниеносом... и что там делал СТР?

Для такого маленького создания Камикадза на диво хорошо умела брать быка за рога и могла бы прочесть целую серию лекций на тему «Наглость — второе счастье».

— Потом объясним. Сейчас некогда. Правила есть правила, клятвы есть клятвы, в конце концов. Это состязание должно начинаться ровно в полдень в Первый День Нового Года. — Она подхватила разбитую тикалку, свисавшую у Иккинга из кармана, взглянула на циферблат и поцокала языком. — Вы уже... ой... на восемь минут задержались, ай-ай-ай. ТРУБИТЬ В РОГ!

ПА-А-А-А-А-А-А-А-А-АРА-А-АММММ!

Сигнал, знаменующий начало состязания мечников за корону нового Короля Дикозапада, наконец прозвучал.

— Рад видеть тебя, Стоик! — прогремел Толстопуз Пивобрюх, с облегчением колотя брата по спине. Он искренне обрадовался, потому что, несмотря на все склоки, любил брата. Но трогательная минута миновала, и он повернулся к Старейшему Старейшине: — Но они же опоздали и не могут участвовать, правда, Старейший Старейшина?

Младшие братья и в Темные Века были не лучше, чем сейчас.

К счастью, Старейший Старейшина был добрый старик и к тому же проникся сочувствием к Иккингу, Камикадзе и Рыбьенугу с тех пор, как год назад был Главным Судьей В Товарищеском Заплыве*.

— Рад видеть тебя, Стоик, мы за вас волновались. Вы четверо как раз вовремя. Иккинг, можешь сразиться с Топотуном. Мальчик-рыба, тебе достанется Отмороз. А ты, Ками-как-тебя-там, можешь взять Хелли Толсторукого. Что до тебя, Стоик, ну, тебе я на первый раз даю задачку посложнее. Божь, тебе выпали Близнецы Пучеглазы.

(Одинаковые близнецы в Варварском архипелаге считаются за одного человека, поэтому у них имеется огромное преимущество в состязаниях мечников.)

К чести Стоика, пребывание в плену у ведьмы не подорвало его боевой дух. Но оно и понятно: он ведь угодил в ловушку не больше суток назад, а СТР Страхолуд и Молниенос пробыли в заточении гораздо дольше.

У Стоика всего-то немного затекла рабочая рука, которую он как раз успешно разминал, и образовалась небольшая яма желудка, поскольку он пропустил одну или две трапезы.

И Стоик больше всего на свете любил хорошую ДРАКУ.

* Эту историю читайте в седьмом томе мемуаров Иккинга «Как разозлить дракона».

Иккинг снял безрукавку и устроил Одинклыка на краю Боевой арены, откуда тому было все хорошо видно. Корону мальчик тщательно спрятал под ним.

— **Ой, какие цвета,** — удивленно моргал Одинклык, мечтательно глядя в небо. — **Я и забыл, насколько земля красивая...**

— **Охраняй этого дракона, Беззубик,** — приказал Иккинг, — **он очень важен.**

— **А Б'бе-беззубик важжжнее,** — проворчал дракончик. — **Б'бе-беззубик ОЧЕНЬ важен... И что это ВООБЩЕ за дракон?**

Когда Топотун сделал первый выпад, у Иккинга еще болело все тело после гонки по ледяным туннелям. Он едва не потерял равновесие и увернулся крайне неуклюже. День едва не закончился для него в этот самый миг.

Но Топотуна подвела излишняя самоуверенность. Меч просвистел на волосок от головы Иккинга, и Топотун поскользнулся на капле липунской слизи, упавшей с Молниеноса, когда тот перебегал арену. Противник пошатнулся, и Иккинг успел прийти в себя.

— **Ветрогон!**

Дракон спикировал вниз, Иккинг вскочил ему на спину, и некоторое время бой шел верхом на драконах, что позволило Иккингу перевести дух*.

* По правилам состязания мечников сражаться верхом можно не больше пяти минут в течение одного поединка.

Бой вроде как должен был быть неравный. Топотун был на полголовы выше Иккинга и в два раза крупнее. Однако мозги у Топотуна никак не могли договориться с руками, и он двигался словно похмельная горилла. Иккинг выплясывал вокруг него, позволяя растратить всю силу на бессмысленные торопливые броски, как разъяренному быку.

— НЕ ДЕРГАЙСЯ, ТЫ, МЕЛОЧЬ РЫЖАЯ! — орал взбешенный Топотун, покраснев от злости.

В пять минут все было кончено.

Вымотанный Топотун сделал неумный выпад, целясь Иккингу в голову. Тут бы Кровожадному Карасику и конец, но он аккуратно отступил и парировал удар резким взмахом кисти, отчего меч вывернулся из руки Топотуна и полетел по красивой дуге.

Толпа взревела в восторженном удивлении. Чудеса! Придурочный Стоиков сынок-недомерок одолел Топотуна!

Как проигравший, Топотун вынужден был отдать Иккингу свой меч. Иккинг осторожно положил трофей рядом с безрукавкой и Одинклыком.

В тот день Иккинг еще не раз удивил толпу. Он выигрывал поединок за поединком, против бойцов вдвое его старше и чуть не вдвое выше. К двум часам дня возле Одинклыка на краю Боевой арены лежало шесть выигранных мечей.

Бой на мечах был единственным викингским делом, которое давалось Иккингу. И теперь настал

его звездный час. А у вас бывали такие дни, когда все удается?

Состязание мечников стало поистине великим днем для Иккинга. Он превзошел себя, словно сделался самым Молниеносом, словно стал одним из Героев былых времен, о которых он читал в Остолопской публичной библиотеке.

Он ДОЛЖЕН БЫЛ победить. Он знал это.

Он пообещал Одинкльку не позволить Короне попасть в дурные руки. Будущее архипелага, будущее самих драконов зависело от него. Даже если Ярогнев не появится вновь — а Иккинга не отпускало ужасное чувство, что он все же появится, — если победит кто-то другой, драконов никогда не освободят.

А только освобождение драконов могло остановить Драконье восстание.

Поэтому Иккинг сражался, как никогда прежде. Он так сосредоточился на победе, что даже не замечал, как все вокруг постепенно выбывают из состязания.

Рыбьеног, разумеется, отсеялся в первом же поединке. Ему сильно мешала Жутьздорова, и клинок у Остряка отваливался в самый неподходящий момент. Поэтому Рыбьеног так и остался при Зеленном поясе.

Но Сморкала шел весьма неплохо, продержался до пятого поединка, где его одолел гигантский Гос-

тедав (на самом деле тот сжульничал). Сморкале пришлось удовольствоваться всего лишь Красным поясом, и это его очень разочаровало.

Камикадза вышла в четвертьфинал, но из-за хромоты ей пришлось уступить обезумевшему Обжоре Душегубу. Впрочем, девчонка все равно осталась довольна Бронзовым поясом: это означало, что она стала самым молодым Громагистром в истории.

Но Иккинг ничего этого не замечал. Мир для него сжался до деревянных бортов Боевой арены, рук противника, взмахов и выпадов чужого меча. Все остальное перестало существовать.

Он был почти в трансе. Вопли зрителей, лязг клинков, топанье ног по доскам, скрежет наблюдающих драконов — весь шум и гвалт арены почти не касались его.

Однако Иккинг с тревогой замечал, как поодаль, слева от него, успешно пробивается в финал Элвин Вероломный. Уроки Молниеноса явно не прошли даром. Враг выигрывал поединок за поединком.

И Иккинг, и Элвин вышли в полуфинал.

Полуфинальный бой Элвина был страшен, Вероломный трижды едва не убил противника.

Вопли и свист толпы подсказали Иккингу, что Элвин, похоже, побеждает. Сердце у мальчика упало. Если Элвин станет Королем Дикозапада, это будет означать конец всему.

Но, к радостному изумлению Иккинга, внезапно воцарилась потрясенная тишина. А затем толпа вокруг Элвина заплясала и бешено завопила, ибо в самые распоследние мгновения боя Вероломный потерпел-таки поражение.

«Это слишком хорошо, чтобы быть правдой! — подумал Иккинг восторженно. — Просто не верится... Все идет так хорошо. Ох, как злилась бы ведьма, если бы сейчас не сидела в шкафу, а своими глазами видела, как проиграл Элвин...»

Иккинг был так занят собственным поединком, что даже не обратил внимания, кто же победил Вероломного. И не заметил, что теперь все внимание толпы приковано к нему и его противнику, Обжоре Душегубу.

Он не слышал гула голосов.

— Я всегда говорил, в парне что-то есть! Еще давным-давно это понял, после той истории с Огненным Драконом, — возбужденно переговаривались викинги.

Сосредоточенность Иккинга не дрогнула, даже когда он разоружил великого Душегуба одним из любимых приемов Молниеноса, Молниеносным Выпадом С Финтом. Толпа взорвалась такими бешеными аплодисментами, что башни вокруг арены закачались. И Старейший Старейшина торжественно объявил:

— Схватку выиграл... Иккинг Кровожадный Карасик Третий!

— Он в финале! — взвизгнула Камикадза.

— О-о-о! — пискнул Одинклык. — Наш парень молодец!

— Он не твой парень, — ворчливо перебил Беззубик. — Он хоз'зьяин Б'бе-беззубика, вот он кто. Сколько раз Беззубик должен тебе повторять? Иккингу не нужжжен еще один охотничий дракон. У него уже есть я. Я-Я-Я-Я-Я-Я.

А Иккинг стоял как во сне, но сон этот был слаще всех, о каких он только смел мечтать.

— Малек победил! Малек победил! — орали викинги.

Старейший Старейшина застегнул у него на талии Золотой пояс Громагистра, и — ОП! — его подняли на громадные плечи. Толпа вокруг него приветственно вопила, бесчисленные руки тянулись похлопать его по спине, пока героя несли на место последнего поединка, ФИНАЛА, конечного раунда.

У Иккинга голова шла кругом от восторга... но он резко вернулся на землю, когда радостные соплеменники опустили его на арену перед последним противником.

Его отцом.

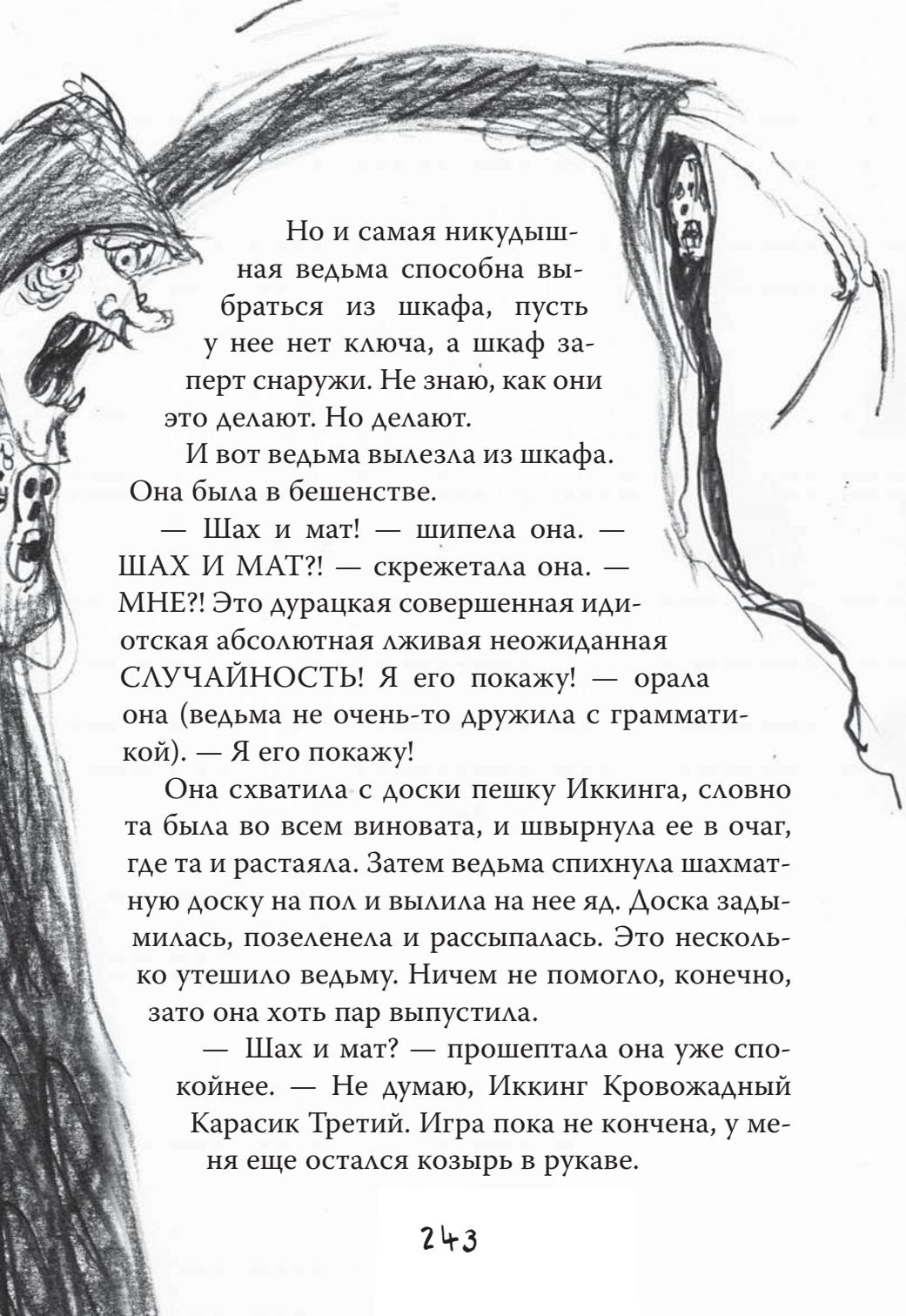

16. ДЕЛА УЖЕ
ПРИНИМАЮТ
СКВЕРНЫЙ
ОБОРОТ — ВИДИТЕ,
НЕДОЛГО МУЗЫКА
ИГРАЛА, ВСЕГО
ОДНУ ГЛАВУ

Дела уже приняли скверный оборот, хотя Иккинг о том не ведал.

Зря он запер ведьму в шкафу.

Видите ли, Иккинг был юн и иногда ошибался. Будь он постарше, опытным Героем, никогда бы так не поступил. Он бы засунул ведьму в котел (тот самый, из которого она когда-то вылезла, вот это был бы изящный ход), спустил ее в колодец и веревку туда же скинул. И все было бы хорошо. Даже ведьмы не могут выбраться из колодцев, ведь у них нет крыльев.

Но и самая никудышная ведьма способна выбраться из шкафа, пусть у нее нет ключа, а шкаф заперт снаружи. Не знаю, как они это делают. Но делают.

И вот ведьма вылезла из шкафа. Она была в бешенстве.

— Шах и мат! — шипела она. — ШАХ И МАТ?! — скрежетала она. — МНЕ?! Это дурацкая совершенная идиотская абсолютная лживая неожиданная СЛУЧАЙНОСТЬ! Я его покажу! — орала она (ведьма не очень-то дружила с грамматикой). — Я его покажу!

Она схватила с доски пешку Иккинга, словно та была во всем виновата, и швырнула ее в очаг, где та и растаяла. Затем ведьма спихнула шахматную доску на пол и вылила на нее яд. Доска задымилась, позеленела и рассыпалась. Это несколько утешило ведьму. Ничем не помогло, конечно, зато она хоть пар выпустила.

— Шах и мат? — прошептала она уже спокойнее. — Не думаю, Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Игра пока не кончена, у меня еще остался козырь в рукаве.

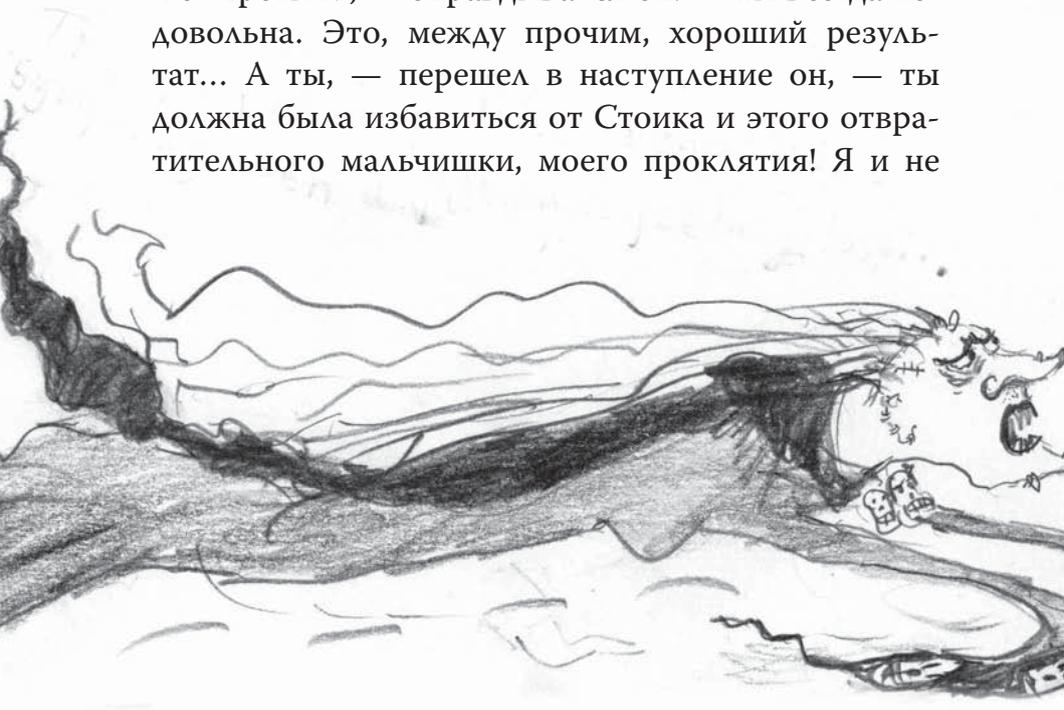
Тут она опустила на четвереньки и выкатилась в открытую дверь. На нее не обратили внимания, словно ведьма была каким-то жуком. Бои шли полным ходом.

Так что на самом деле Иккинг ошибался, ведьма ВИДЕЛА поражение Элвина в поединке со Стоиком и посеменила к отпрыску с материнским сочувствием и утешением, словно большой белый краб. Ее длинные белые волосы волочились за ней по доскам.

— НЕУДАЧНИК! — проскрежетала ведьма. — НЕУДАЧНИК!

Элвин подскочил, как укушенный, опустил взгляд и увидел маменьку.

— Я сделал Душегуба по очкам, а значит, пришел третьим, — оправдывался он. — Ты всегда недовольна. Это, между прочим, хороший результат... А ты, — перешел в наступление он, — ты должна была избавиться от Стоика и этого отвратительного мальчишки, моего проклятия! Я и не

Злодейю никогда не приходится
надеяться на сочувствие
матушки...

обещал, что смогу одолеть
мальчишку-проклятие! Но
ты сказала: «Я с ним разбе-
рись». Ты сказала: «Я умею
обращаться с хитрыми
мальчишками». Ты ска-
зала: «Он пожалеет,
что вообще родился».
И что? Вон он стоит,
в финале, живой,
как никогда!

НЕУДАЧНИК!

— Яд гадючки на него не действует! — взвизгнула ведьма. — Почему ты мне не сказал?! Я велела рассказать мне все! Как я могу делать свою работу, если ты не рассказываешь мне всего?! Нечувствительность к яду гадючки — очень важная деталь!

— Я не знал, — буркнул Элвин Вероломный, мрачно оттирая с руки кровь тыльной стороной рукава. — Но меня это не удивляет. Я годами пытался его прикончить*, но он такой вертлявый...

— Третьим! — взвизгнула ведьма, возвращаясь к теме. — У меня для тебя плохие новости, неудаль! Ты не станешь Королем Дикозапада, если пришел третьим!.. — Но тут она оборвала свою гневную тираду: ведьме кое-что пришло на ум. — Хотя-а-а... — протянула она, злобно улыбаясь.

Старуха прикрыла глаза, припоминая кое-что. Уже несколько месяцев, как она вырвалась из темницы, и за это время зрение у нее восстановилось. И в полумраке хижины она успела разглядеть нечто такое, что может пригодиться...

— Хотя-а-а... может, и станешь. Ха! Берегись, господин Случайность, игра еще не кончена.

И она ускакала кое-кого повидать.

Видите? Дела приняли скверный оборот, а все потому, что Иккинг посадил ведьму в шкаф, а не спустил в колодец.

Всего-то одна маленькая ошибка.

* Читайте мемуары Иккинга, сколько раз вам повторять!

17. ДЕЛА ИДУТ ВСЕ ХУЖЕ

Иккинг не единственный превзошел в бою сам себя.

Стоик Обширный некогда слыл одним из лучших мечников архипелага, его исключительного мастерства в бою боялись от востока до запада. Разумеется, с тех пор прошло некоторое время, но, вырвавшись из ведьминого шкафа, старый вояка воспрянул духом и сражался так, будто снова стал молодым.

— Старый дракон борозды не испортит, а, Плевака? — орал Стоик с веселым боевым огнем в глазах, восторженно размахивая мечом. Он нарочно спикировал после очередной невероятной победы к зрительским местам, чтобы хлопнуть ладонью о ладонь старого боевого товарища. — ХА! Стоик Непобедимый! Стоик Неуязвимый! Куда этим напористым молодым креветкам до старого опытного Моржа Войны вроде меня!

И вот, раскрасневшийся, распираемый гордостью за победы («С Элвином мы шли ноздря в ноздю — ну и жулик же этот парень!»), Стоик стоял перед Иккингом.

Когда перед ним поставили его собственного сына, глаза Стоика наполнились слезами. Это было

слишком. Он мечтал об этой минуте, столько раз мечтал...

Стоик испустил болевой крик Хулиганов, и все Хулиганы подхватили его. Остальные племена неохотно присоединились к ним. Они были вынуждены признать — этот миг принадлежал Хулиганам.

— СНОВА В СЕДЛЕ-Е-Е, ОН СНОВА В СЕДЛЕ!

Король Дикозапада! Стоик не мог поверить. Он, Стоик Обширный, станет Королем Дикозапада!

Иккинг стоял перед ним, молча глядя на отца снизу вверх. В голове у него крутились слова, которые частенько повторял Старый Сморчок: «Иногда приходится защищать то, во что веришь, даже от тех, кого любишь, и это может оказаться тяжелее, чем кажется».

Иккинг и вообразить не мог, что это окажется *настолько* тяжело.

— Папа, — тоскливо спросил он, — если ты станешь Королем, ты освободишь драконов?

Вокруг стоял такой гвалт, что Стоик сначала не расслышал вопроса, и Иккингу пришлось повторить.

Стоик все улыбался.

— Сынок, — сказал он ласково, — драконов нельзя освобождать. Они нужны, чтобы охотиться для нас, нести нас в битву. Восстание необходимо подавить недрогнувшей рукой. Мятежным драконам надо преподать такой урок, чтоб они его навек

запомнили. Слишком опасно освобождать драконов. Ты поймешь, когда вырастешь.

«Нет, не пойму, — подумал Иккинг. — Я уже вырос и все равно не понимаю».

Это было не все. Хотя Стоик не допускал рабства людей на Олухе, он не выступал против Страхолюдов, Душегубов и иных племен, использовавших рабов. Он просто стоял в стороне и позволял, чтобы с людьми обращались как с имуществом.

И что бы Иккинг ни сказал, это не поможет...

— ПРИГОТОВИТЬСЯ К БОЮ! — проскрипел Старейший Старейшина. — Приветствуйте Тора!

Иккинг и Стоик вскинули мечи, поклялись в верности великому богу, и битва началась.

У викингов отцы и сыновья время от времени сражаются в учебных поединках друг с другом. Но у вождя племени всегда так много дел. Стоик ни разу прежде не дрался с сыном.

Поэтому он начал бой, едва не лопаясь от гордости, что его сын прошел так далеко, но абсолютно уверенный в собственной победе. С чего бы ему сомневаться?

Его сыну, Иккингу, всего тринадцать лет*. В последнее время он резко вытянулся, но все еще тонковат. И особой кровожадностью или азартом не отличается.

* На самом деле Иккинг родился 29 февраля, в високосный год, поэтому, строго говоря, ему исполнилось только три года с четвертью.

Да и он сам наверняка не стремится победить собственного отца, которого он любит и уважает, верно?

Стоик считал, что победа у него в руках. Ему даже не пришло в голову, что его нескладный, щуплый, чудаковатый сын тихо, терпеливо и упорно

работал, чтобы сделаться исключительно хорошим мечником. А иначе как бы он дошел до финала?

Бой на мечах был единственным предметом Начальной Пиратской Подготовки, который оказался Иккингу по плечу. Мальчик был из тех, кто постоянно оттачивает свое мастерство. Он тренировался долгими часами, тихо наблюдал, как дерутся другие, мотал на ус подсказки героев вроде Неимоверного Крутяка и сражался с Камикадзой.

И еще он читал о бое на мечах. Он выучил Молниеносово руководство наизусть вдоль и поперек. Он был очень умен и умел вычислить слабости противника и не терял головы от ярости или тщеславия.

А за последнее время он вдобавок вытянулся на несколько сантиметров.

Казалось бы, всего ничего, но на деле это все изменило: теперь у него хватало длины рук, чтобы побеждать взрослых бойцов.

Сам Иккинг не признавал перемен до того самого мгновения, когда сошелся с отцом в бою. Иногда мы взрослеем так стремительно, что сами того не замечаем.

Поэтому через пять минут боя Стоик был весьма удивлен.

Сначала удивление было приятным. Стоик любил пускать пыль в глаза и был безумно уверен в себе. В бою с Элвином он добыл Лезвие Бури и теперь сражался прославленным клинком Черноборода, а это, знаете, любому поднимет дух. Поэтому Стоик под одобрительный рев толпы пустил в ход свои самые экстравагантные, изысканные приемы.

Но Иккинг одну за другой отбил все его атаки и провел несколько своих, одна из которых едва не пробила защиту отца, и Стоик был несколько ошарашен.

А потом его ошарашенность плавно переросла в бешенство.

Стоик был одним из лучших воинов своей эпохи, а викингские воины не любят, когда над ними берут верх. Он забыл, что сражается с собственным сыном. На него снизошла кровавая ярость. Багряная лихорадка боя исказила его лицо до неузнаваемости. Он больше уже ни о чем не думал.

Взревев, словно разбуженный медведь, Стоик принялся с невероятной силой и злобой класть направо-налево, вперед-назад могучие размашистые удары.

Бой развивается постепенно. Несмотря на высокую ставку, поединок начался легко, почти как игра, поскольку один из бойцов не сомневался в победе, а второй не хотел верить в свою способность победить.

Но теперь битва разгорелась в полную силу: так пламя лесного пожара сначала тлеет, а потом вдруг взмывает выше крон деревьев и уничтожает все на своем пути.

Когда на воина снисходит кровавая ярость, случается всякое. В том давно утраченном мире, где ножи и мечи служили игрушками с колыбели, случалось всякое. Друг мог в горячке убить друга, родич ранить родича.

Ведьма проскользнула за спиной у Рыбьенога. Он обернулся и увидел ее в двух шагах от себя, глаза старухи пылали алчной злобой.

— Иссссстория повторяетсссса, — прошипела ведьма. — Отец против сына, сын против отца, в точности как прежде... Игра еще не кончена. В итоге я выиграю, Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Я знаю, я видела Смерть, гадая на мышинных потрохах... и это будет Смерть, не будь я Экселлинор...

Конечно, Стоик не был безжалостным правителем, каким был в свое время Чернобород. И Стоик никогда бы и волоска с головы сына не уронил... но...

Когда снисходит кровавая ярость, случается всякое.

Стоик бесновался вокруг Иккинга, словно всемогущий, неукротимый шторм. Иккинг застыл неподвижной точкой, двигаясь, только чтобы отбить очередной удар, позволяя буре бушевать вокруг него... и поглощая энергию Стоика, как скала поглощает энергию моря.

Прошло еще некоторое время, и озадаченность Стоика сменилась смущением, а смущение постепенно уступило место тревоге. Он удвоил усилия, выбросив руку вперед Проходом Висельника, за которым последовал Косой Хлест и решительный Бросок К Славе.

Все они были встречены ярким чистым клинком Иккинга.

Показалось Стоику или он стал двигаться чуть медленнее? Рефлексы самую малость притупились, а силы в угасающем свете дня начали быстро таять.

Бой развивается постепенно. Десять поединков подряд — многовато даже для великого Героя, особенно для того, кто последние двадцать четыре часа просидел в шкафу, согнувшись в три погибели.

Стоик гнал от себя подползающее утомление, от которого немела и дрожала рабочая рука. Пытался не обращать внимания на заливающий глаза пот, протесты своих немолодых уже ног, дребезжание старых костей от ударов о деревянную платформу. Возможно, ему следовало бы чуть меньше усердствовать, услаждая свое роскошное брюхо кабаньими головами и пивом, — хотя он делал это исключительно ради поддержания себя на пике физической формы, разумеется. Теперь пузо стонало от напряжения и ярости битвы.

Стоик всегда вкладывал в бой много усилий, и теперь он это чувствовал. Рубашка его так пропиталась потом, словно он нырнул прямо в ней в соленую воду, легкие разрывались, пытаясь захватить воздух, плечи хрустели и трещали от напряжения.

Сын его даже с дыхания не сбился, лицо как маска.

«Герой никогда не сдаётся!» — думал Стоик, сражаясь сквозь боль и...

— О-уууу... — ахнул он, прынув вперед в очередной неистовой атаке.

От резкой боли в колене вождь покачнулся, словно подрубленное дерево.

Понимаете, старые раны порой напоминают о себе. Давным-давно, выполняя невыполнимую задачу, чтобы заполучить руку Валгалларамы, Стоик повредил это колено в схватке с Магманьяком.

Время — грозный противник: не убить минуты и часы клинком, не стереть кровоточащие секунды с рубахи.

Время непобедимо.

Стоик попытался броситься снова, но нога не держала его. Он накренился влево, словно корабль со сломанной мачтой.

— Хватит, Иккинг, заканчивай! — взмолился он.
Иккинг закончил.

Время непобедимо.

Он шагнул вперед и тихо вынул меч из отцовской руки.

На стадионе воцарилась абсолютная тишина.

Только Жирдяй Туппери в силу своего непробиваемого идиотизма ничего не понял и продолжал распевать: «СНОВА В СЕДЛЕ-Е-Е, ОН СНОВА В СЕДЛЕ!» — в полном одиночестве, пока кто-то не заставил его умолкнуть, ткнув кулаком под ребра.

Большинство викингов отводили глаза. Нет ничего больнее, чем смотреть, как старый лев проигрывает бой, особенно собственному сыну.

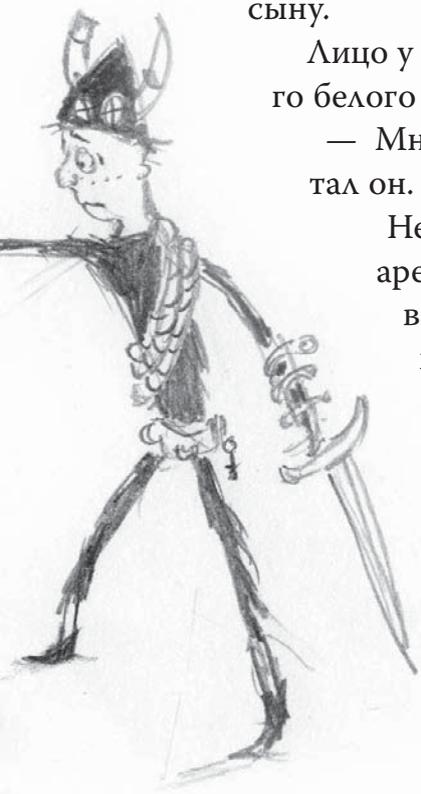
Лицо у Иккинга было словно из чистого белого шелка.

— Мне очень жаль, пап, — прошептал он. — Правда жаль.

Несколько воинов выбежали на арену и утащили его, чтобы поставить перед Старейшим Старейшиной.

— Победителем состязания мечников... Лучшим из Лучших... объявляется... Иккинг Кровожадный Карасик Третий! — прокричал Старейший Старейшина.

На стадионе по-прежнему стояла тишина.

Толпе оказалось трудно это принять.

Правила были соблюдены. Боги сказали свое слово. И вот этого парня они избрали возглавить племена и стать их Королем? Этот тощий тринадцатилетка подавит Драконье восстание? А разве не он виноват в том, что оно вообще началось? Да что происходит?

Какой-то Мракушник озвучил сомнение, вертевшееся у всех на языке:

— Должно быть, тут какая-то ошибка! Он не может быть нашим новым Королем!

Началось сердитое бормотание и перешептывание. Толпа уже потянулась за мечами. На самом деле ни одно из племен и так не хотело Короля. Но чтобы заполучить слабого Короля? Слабому Королю ни в жизнь не удержат их вместе.

Момент был смертельно опасный.

Но Камикадза взобралась на одну из сломанных колонн, так чтобы ее услышали. Порой полезно иметь **ОЧЕНЬ** громкого друга.

— Конечно, он Король! — проорала Камикадза. — У него есть все, что нужно Королю! Покажи им Корону, Иккинг!

Иккинг сунул Лезвие Бури в петлю на поясе, а Дерзновенный в ножны, прошел туда, где сидел на его рюкзаке Одиноклык («Молодец», — шепнул старый дракон), достал из рюкзака Корону Дикозапада и поднял над головой на всеобщее обозрение.

Вот это да!

Племена призадумались.

— И все остальное у него тоже есть! — прогремела Камикадза. — Смотрите! Римский щит! Ключ, открывающий все замки! Стрела из небывалой страны — Америки! Любимый меч Черноборода! Чего вам еще? Жирную стрелку с надписью «ВОТ Наследник Черноборода Оголтелого» у него над головой?

И снова вот это да!

Все вместе внезапно стало выглядеть весьма внушительно. Может, в этом парне действительно больше, чем кажется на первый взгляд? И он ПРАВДА потрясающий мечник, особенно для его возраста, такое нельзя не уважить.

Старейший Старейшина обратился к толпе.

— Клятва на крови нерушима, — напомнил он им. — Ваши вожди присягнули, что вы признаете победителя состязания мечников своим Королем, и теперь вы должны выслушать его.

Иккинг откашлялся.

А вот сейчас начинается самое трудное...

18. ОСВОБОДИТЬ ДРАКОНОВ

Он понимал, что это будет одна из самых важных речей в его жизни.

— Друзья и соплеменники, — начал Иккинг, — понимаю, я, наверное, не совсем тот Король, на которого вы рассчитывали. Но Судьба постановила мне стать вашим Королем в беспокойные времена, перед лицом Драконьего восстания. Если мы позволим втянуть себя в войну с драконами, нас ждет катастрофа. Хотим ли мы этой войны? Я говорю — нет!

Викинги зашептались.

Они действительно не хотели всеобщей войны с драконами. Да и с чего бы им хотеть? Они выросли с драконами. Драконы спали у их очага, ловили для них рыбу, сражались бок о бок с ними в битвах.

— Я не хочу войны с драконами. И я сделаю все, что в моих силах, чтобы предотвратить ее. Я говорю по-драконьи. Я отправлюсь к дракону Ярогневу, один, и поговорю с ним, чтобы остановить это восстание. В войне нет необходимости! Драконы и люди могут жить вместе, я это знаю! Но чтобы остановить эту войну, нам нужно кое-что изменить в нашей жизни, — продолжал Иккинг. Он набрал побольше воздуха: — Драконов надо освободить.

Замок взревел.

— Это просто смешно! — заорали все, и: — Да нам без драконов и дня не прожить!

Иккинг крикнул, перекрывая шум:

— Но если война пойдет дальше, нам и так не жить!

Племена снова притихли, хотя сердитые бормотания и перешептывания не прекратились.

— Подумайте как следует, — умолял Иккинг. — Мы гордые, независимые островные народы. Хотели бы мы, чтобы нас заковали в цепи и поработили, заставили кланяться другим как нашим хозяевам? Любое рабство следует запретить, и для людей, и для драконов.

Викинги умолкли.

— Нам необязательно зависеть от рабского труда, что драконьего, что человеческого. Мы викинги. Мы и сами справимся. Мы не должны сидеть в сторонке и позволять истории просто происходить с нами. В наших силах взять Судьбу в свои руки, изменить будущее и остановить эту войну до того, как она начнется. Освободим драконов!

По всему периметру Боевой арены охотничьи драконы замерли как статуи, прижав уши. Их кошачьи глаза внимательно следили за происходящим. Те драконы, кто понимал по-викингски, шепотом переводили тем, кто не понимал.

Одноглаз, революционно настроенный саблезубый ездовой дракон, цинично глядел вниз со Второй Слева Башни.

— ХА! Неплохая попытка, Иккинг, мальчик мой, но поверь, люди не меняются. Как были свиньями с бичами, так и останутся навеки.

У стен замка Отщепенцы подобрались, словно стая голодных волков, готовые доказать правоту Одноглаза Саблезубого.

Но возможно, Одноглаз ошибался.

Речь Иккинга все же задела некую струну в душе измотанных боями воинов. Может, их измучили долгие месяцы неурожая и недоедания. Может, они думали, что устами Иккинга сами боги провозглашают свою волю. Может, мысль о дальнейших сражениях их не радовала.

Или, может быть, только может быть, — они увидели его правоту.

Кто знает...

В тот день на вершине горы свершилось чудо. Маленькое чудо, может, лишь начало оного.

Постепенно, неуверенно люди вокруг арены начали хлопать. Камикадза и Рыбьенюг принялись аплодировать. Сразу за ними аплодисменты подхватили все Бой-бабы и Остолопы. Иккинг в прошлом выручал их из беды. А затем и Хулиганы, ведь он был одним из них. И наиболее порядочные из других племен, типа Мракушников, Шандарайков, Темняков и...

И тут стало понятно, что порядочных племен оказалось-таки больше, чем не-совсем-порядочных.

Хотя Отщепенцы, разумеется, не хлопали.

И Гостедавы с Душегубами по-прежнему стояли, скрестив руки на груди, мрачные, молчаливые. Вот только — о чудо из чудес! — мелкий льстивый Проглот повелся и несколько раз сомкнул ладони в черных перчатках (его маменька была из Странников), пока Обжора Душегуб не привел его в чувство оплеухой.

— Ну, долни мой единственный глаз! — дивился старина Одноглаз Саблезубый. — Как здорово ошибаться! Двести лет я прослужил этим людям, двести лет... и никогда не думал, что они сумеют меня удивить...

Рядом приподнял опущенную голову Стоик.

— Я знала! — шептала Камикадза с сияющими глазами. — Он действительно Король, в конце концов! Я знала!

Хорошо бы на этом
все и кончилось...

19. ВСЕ ОТВЕРНУЛИСЬ

Хорошо бы на этом все и *КОЖУЛОСЬ*.

Но к сожалению, это история про Иккинга. История о том, кто выбрал Нелегкий Путь, чтобы Стать Героем.

Мы так увлеклись, слушая речь Иккинга, что позабыли про ведьму. Пока Кровожадный Карасик говорил, а викинги слушали, старуха времени не теряла. Шныряя и лавируя меж волосатых ног замороженной толпы, словно тощая белая псина, она высматривала, высматривала.

Искала кого-то.

И нашла.

И долго-долго шептала на ухо... Сморкале.

Понимаете, главное — правильно выбрать время. Этому ведьма научилась за двадцать лет в древесном стволе. И теперь она подгадала момент безупречно.

В тот самый миг, когда установилось хрупкое равновесие и показалось, что назло Судьбе все обернется к лучшему... прилетел камень. Камень швырнул Сморкала, а Сморкала отличался исключительной меткостью.

Камень попал Иккингу по шлему с громким звоном, и шлем свалился на землю. Иккинг в ужасе ахнул и попытался прикрыть лоб ладонью.

Слишком поздно.

Зоркие старые глаза Старейшего Старейшины углядели нечто. Его узловатая старая рука протянулась и медленно, но твердо отвела ладонь Иккинга, открыв...

...клеймо раба.

Ведьма разглядела его чуть раньше, в хижине.

Иккингу чудом удавалось держать клеймо в секрете больше года*. Но когда Беззубик юркнул Иккингу под шлем, он на миг приподнял его, и ведьма успела увидеть спрятанное под ним клеймо.

* Чтобы выяснить, как Иккинг заполучил клеймо раба, читайте «Как разозлить дракона».

Клеймо раба служило знаком крайнего позора в архипелаге. Оно означало мгновенное изгнание из племени и жизнь в рабстве.

Толпа вскрикнула в ужасе.

— Мальчишка раб! — заорал один Душегуб. — Неудивительно, что он хочет, чтобы мы освободили драконов и рабов-людей! Он сам раб!

— Нас облапошили! — выкрикнул кто-то из Гостедавов.

Поднялись возмущенные вопли, в воздухе замелькали кулаки.

— Тихо! — гаркнул Старейший Старейшина, белая борода его тряслась. Он ошеломленно повернулся к Стоику: — Как вышло, что у твоего сына клеймо раба? Ты же не пытаешься навязать нам вождя, который является рабом?

Стоик никак не мог осознать случившееся.

— Но... но... это невозможно... Иккинг, как такое может быть? Тут же наверняка какая-то ошибка, да?

Иккинг снова прижал ладонь ко лбу, почти надеясь, что клейма там на самом деле нет.

— Клеймо поставили мне Странники в рабском трюме давным-давно, когда я плыл в Америку, — объяснил Иккинг. Он снова опустил руку. — Это была случайность... и в этом нет позора, отец...

Однако толпа была уже не на его стороне.

Главное, правильно выбрать время. В то время и в том месте человек с клеймом раба ни за что не мог стать вождем, не говоря уже о том, чтобы сделаться Королем.

— О боги, о боги, о боги, о боги... — причитал Старейший Старейшина. Все так запуталось. — Иккингу Королем не бывать, — постановил он. — У него клеймо раба, и он снимается с состязания. Тогда новым Королем Дикозапада должен стать ты, Стоик. Ты пришел вторым.

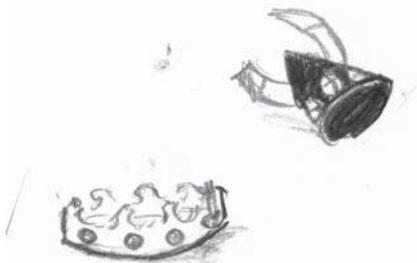
— Стоика тоже надлежит изгнать! — донеслось шипение, и Экселлинор поднялась, словно вплыла, на платформу. Она вскинула свои окованные железом ногти. — Это пальцы хирурга, — прошипела ведьма. — Что мы делаем, когда в нашем теле заводится опухоль, язва или гангрена? — взвизгнула она. — Мы вырезаем ее, вырываем с корнем из нашей плоти, чтобы остальное тело могло выжить! Так и здесь, — злорадно пропела ведьма и принюхалась, словно собака, — так и с недомерками. Какое девиз племени Хулиганов, Стоик?

— С нами сила, прочих — в море, — произнес Стоик, побелев как мел.

— Никто из вас, идиотов, не знает собственной истории, да? — промурлыкала ведьма. — Имя Иккинг дается в роду Кровожадных Карасиков НЕДОМЕРКАМ, не правда ли, Стоик? Твоего сына, — ведьма выплюнула эти слова, словно они были исключительно противными на вкус, — твоего мерзкого, ледащего, придурковатого сыночка Наричательница объявила недомерком, а, Стоик? Ты должен был отдать его морю согласно Закону, что, не так? Но ты этого НЕ СДЕЛАЛ! Отрицай, если сможешь, Стоик Обширный!

Стоик не мог.

Тринадцать лет назад Наричательница действительно объявила Иккинга недомерком. Это была закрытая церемония, поэтому о случившемся знали только он и Валгалларамма. Но они с Валгаллараммой так хотели ребенка, так хотели...

Они порешили для себя, что Наричательница, должно быть, ошиблась. И сохранили дитя, нарушив один из самых священных законов архипелага.

Хулиганы смотрели, как растёт Иккинг, смотрели и дивились, чего это он такой тощий и обыкновенный на вид. Но им и в голову не приходило заподозрить, что их собственный уважаемый-обожжаемый вождь мог нарушить закон.

Многим из них пришлось пережить мучительное расставание с собственными младенцами, скрепить свое сердце ради блага племени. Возможно ли, чтобы Стоик, их великий вождь, нарушил закон, который они соблюдали, как бы ни был горек долг?

Отвернитесь от него,
о племена архипелага!

Небо вокруг амфитеатра, казалось, потемнело. Драконы притаились, замерев как статуи. Они чувствовали, вот-вот случится что-то плохое.

Ведьма испустила визгливый смешок, словно пикирующая хищная птица.

Она победила! Она победила! Она знала, что победила.

— Видите! — торжествовала она. — Боги поместили его, несмотря на вероломство и слабость его отца, боги поместили его, поставив клеймо! Отвернитесь, о племена архипелага! — визжала ведьма. — Отвернитесь от предательски слабого вождя и его дурного отродья. Отвернитесь навеки, и, может быть, все еще обойдется!

Видите, как тонка грань между триумфом и катастрофой?

У племен на самом деле не было выбора.

Один за другим викинги поворачивались спиной к Стоику и его сыну. Некоторые медленнее, чем другие, но отвернулись все, даже Толстопуз Пивобрюх и Большегрудая Берта. И последним из всех отвернулся боевой товарищ Стоика, сражавшийся рядом с ним в сотнях битв, Плевака Крикливый. Слезы стояли у него в глазах, сердце стало тяжелым, как камень, но он все равно отвернулся.

Даже Камикадза, хотя и не отвернулась, застыла как статуя, парализованная ужасом, глядя на Ик-

кинга. Он был ее кумиром — а теперь он сокрушен навеки.

Клеймо раба! Как у него может быть клеймо раба?! И он тоже оказался не идеальный герой, совсем как Молниенос...

Заговорил только один человек. И это был Рыбьенег.

— Жутьздорова, — прошептал он очень возмущенно в ухо своему дракону. — Нам уже нечего бояться. Отпусти меня, пожалуйста. Я не хочу, чтобы люди смеялись...

Дракониха-вегетарианка с трудом слотнула. Она по-прежнему боялась, но впервые за три недели разжала когти на плечах и голове Рыбьенего, сползла к его ногам и... отпустила.

Рыбьенег поднялся.

— Я не отвернусь, — произнес он дрогнувшим голосом. — Я не отвернусь.

— И кто ты-то такой? — насмешливо отозвалась ведьма. — Ты просто недомерок, такой же как Иккинг!

— Может, я и недомерок, — ответил Рыбьенег, — но я недомерок, спасенный Судьбой и богами, поэтому я все равно скажу. И Иккинг все равно мой Король, клеймо там или не клеймо.

Рыбьенег подошел к Иккингу.

Он завел руки за голову и снял самое ценное, что у него было.

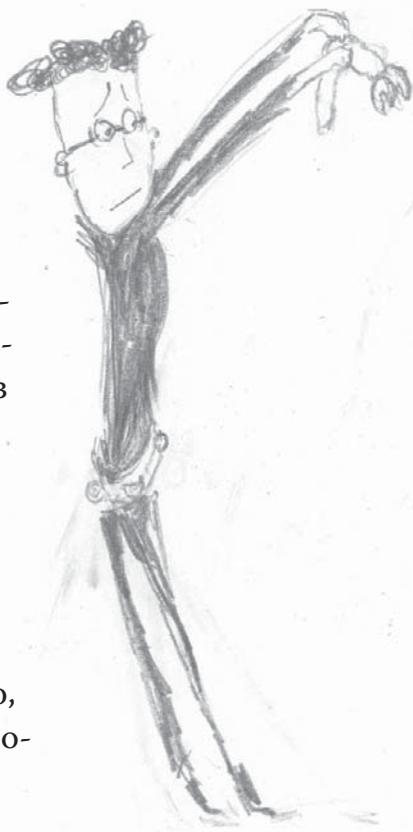
Это было ожерелье, которое нашли вместе с младенцем Рыбьенугом в корзинке, прибитой волнами к Длинному пляжу тринадцать долгих лет назад.

Ни золота, ни драгоценных камней — просто пара старых клешней омара, но Иккинг знал, что это значит.

— Ты не можешь отдать мне его, Рыбьеног! Это же единственное, что досталось тебе от родителей!

Рыбьеног заговорил очень официально, словно взрослый. Прощание — торжественное дело.

— Некогда я хотел найти родных, — сказал Рыбьеног. — Я мечтал показать им это, чтобы они узнали, что я один из них. Но теперь я вырос и понял, что моя семья — племя Хулиганов. Ты был мне вместо отца и матери, Иккинг. Раз за разом ты ставил мою жизнь выше своей. И поэтому я отдаю тебе этот талисман, самое дорогое, что у меня есть. Я отдаю тебе его, — повторил Рыбьеног, надевая ожерелье Иккингу на шею, торжественно, будто Герой, совершающий по-

мазание на царство своего Короля, — в знак моей верности и моей веры в тебя и в надежде, что он принесет тебе удачу, как некогда принес мне, когда я по воле богов спасся из вод морских.

Рыбьенег низко поклонился другу, словно своему господину, и попятился, как следует делать в присутствии Короля.

— Как ми-ило... — промурлыкала ведьма. — Очень мило. Прекрати, а то я сейчас заплачу... — И она отобрала у Старейшего Старейшины посох и ткнула им пятящегося Рыбьенюга, так что тот опрокинулся. — Пяться, пяться, ты, рыбьенюгий придурок, ты не можешь отпавиться с ним туда, куда он должен уйти теперь... к счастью для тебя...

Иккинг нащупал клешни на шее. Вера Рыбьенюга в него придала ему сил.

— Нет! — крикнул он. — Вы не правы! Наша Судьба не в том, как мы выглядим, она не записана в звездах, это не клеймо на нас! Наша Судьба — это то, кто мы есть!

Рыбьенюг отдает Иккингу
клешни-талисман

— Посмотрим... — прошипела ведьма. — Посмотрим... А ТЕПЕРЬ... твою судьбу будет решать твой новый Король... И кто же это будет? Если недомерок отпал... и отец недомерка тоже... Ну, ушки мои ушки, Королем должен стать тот, кто пришел третьим! Новым Королем должен стать...

Всю жизнь она ждала этого момента, строила планы ради него, плела интриги ради него, убивала ради него, замышляла и ткала свои сети в темноте ради него — и вот наконец он настал. Спустя все эти годы Судьба повернулась к ней лицом.

Ведьма раскинула руки, словно перепончатые крылья, и возопила к небесам:

— **НОВЫЙ КОРОЛЬ — ЭЛВИН ВЕРОЛОМНЫЙ, ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ МОЕЙ!** — Она повернулась к Иккингу. — Шах и мат, как ты понимаешь, Иккинг Кровожадный Карасик Третий.

Шах и мат,
как ты понимаешь,
Иккинг Кровожадный
Карасик Третий

20. ТРИУМФ ВЕРОЛОМНЫХ

— Боги, о боги, о боги, — шептал Одинклык себе под нос. — Да-а, недолго же все продлилось, а? Корона попала в дурные руки даже быстрее, чем в прошлый раз... — Однако он не выглядел таким удрученным, как следовало бы ожидать. — Но Иккинг ПРАВДА Наследник, теперь-то я это знаю, никаких сомнений...

Небо уже сильно потемнело, грозовые тучи повисли так низко, что казалось, до них можно дотянуться и потрогать.

Все чувствовали, что мир перевернулся вверх тормашками. Они только что изгнали Стоика Обширного, которого большинство викингов считали более чем славным малым — старым разбойником, разумеется, но в целом хорошим парнем и одним из них.

А теперь их Королем вот-вот станет вождь Отщепенцев.

Что происходит? Их явно обманули, но они не могли ткнуть волосатым пальцем в то, КАК это произошло.

Драконы насторожились. Их кошачьи глаза светились во тьме, они припали на передние лапы, мышцы напряглись, готовые послать тело в полет.

Всего минуту назад до свободы им было лапой подать. Но минута — большой срок.

Новый повелитель викингов означал и нового господина для драконов. Чем это обернется? Кто этот человек Вероломный и чего он хочет?

Элвин откинул плащ и вышел на середину Боевой арены, страшно довольный победой.

Некогда он был красив, и то, что осталось от его лица, еще носило следы былой привлекательности, он был словно покрытый шрамами падший ангел. И насмешливый поклон, который он непринужденно отвесил Иккингу, тоже выдавал в нем бывшего красавца.

— Мне жаль только, — улыбнулся Элвин, словно на вечернем пиру, — что мы не сошлись в бою в последний раз, Иккинг Кровожадный Карасик Третий. Но уверен, это всего лишь недоразумение. — Голос его лязгнул железом. — Отдай мне Лезвие Бури и Королевские Сокровища.

Одну за другой Иккинг отдал свои вещи.

Лезвие Бури. Римский щит. Тикалку. Ключ, открывающий все замки. Стрелу из небывалой страны. Браслет с рубином в виде сердца. Корону. И последним из всех...

— Меч, Иккинг. Отдай меч, — прошипела ведьма.

Драконий Камень принадлежал ей, она знала это. А меч укажет путь.

— О да, это триумф Вероломных! Наконец-то, Элвин, ты Король, — и с этими словами ведьма преклонила колени перед своим сыном, новым Королем.

Элвин милостиво позволил ей поцеловать себе руку...

Видите, как все может обернуться. Вдруг оказывается, что история, частью которой мы были, не только о том, как Стать Героем, но и о том, как становятся негодяем.

Когда, много книг и лет назад, мы только познакомились с Элвином, он еще не был тем ужасным человеком, которого теперь вот-вот коронуют в замке, недавно принадлежавшем Молниеносу. При первой встрече это был обаятельный и щеголеватый трус, едва способный защитить себя в бою.

С тех пор с Элвином произошло много плохого. Конечно, он сам был виноват, но страдал-то от этого не меньше. Страдание может сделать человека лучше — но в случае с Элвином оно пошло иным путем и сделало его гораздо, гораздо хуже. С каждым ужасным опытом он терял еще кусочек человечности — вместе с волосами, ногой, носом, глазом...

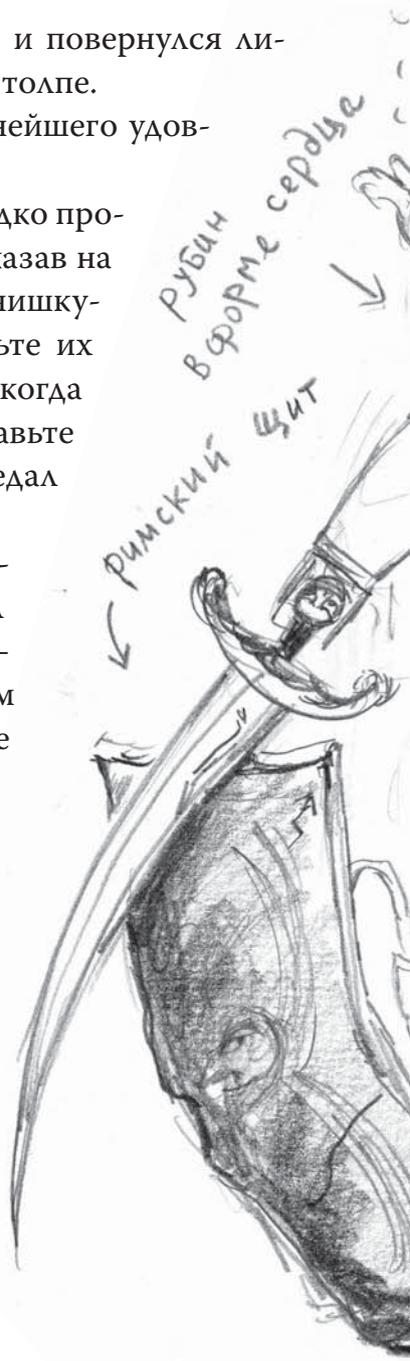
И вот он стоит, мускулистый, ожесточенный, суровый и безжалостный. Человек, меньше всех на свете заслуживающий огромной власти, которой он отныне будет обладать.

Элвин взял Корону, надел ее и повернулся лицом к по-прежнему молчаливой толпе.

Ведьма испустила вздох полнейшего удовлетворения.

— А теперь, — приторно-сладко произнес Элвин, почти небрежно указав на Иккинга, — закуйте этого мальчишку-раба и его отца в цепи и бросьте их в земли Страхолюдов, чтоб никогда не вернулись. Отцу тоже поставьте клеймо в знак того, что он предал собственный народ.

— Друзья, варвары и викинги! — вскричал он и вскинул Дерзновенный над головой. — Позвольте мне рассказать, каким Королем я буду... Я пришел не ОСВОБОЖДАТЬ ваших драконов, — злорадно ухмыльнулся Элвин Вероломный. — Неужели мы так и будем сидеть и позволять им уничтожить наш мир? Нет, говорю я, и еще раз нет! Я объявляю самую ужасную и кровавую ВОЙНУ всем диким драконам. Всех диких драконов должно убивать на месте,

Северными луками, и топорами, и самыми причудливыми порождениями человеческого оружейного гения. Мы выследим их гнезда, подожжем их логова, уничтожим яйца и пребывающую в спячке молодежь... — Элвин уже опьянел от власти. — Что касается домашних драконов, — злоратно промурлыкал он (Элвин никогда не любил драконов вообще, и это был его

Позвольте
мне рассказать,
каким Королем
я Буду...

шанс отомстить), — опасные времена требуют суровых мер. Всех домашних драконов держать В ЦЕПЯХ постоянно, если только они не выполняют работу для человека. На ночь запирать в клетки. При малейшем намеке на бунт убивать на месте.

Толпа в молчании переваривала услышанное.

Это было слишком даже для злых племен вроде Душегубов и Гостедавов.

Один человек захлопал.

Ведьма.

— ОН не может править нами! — крикнула Камикадза.

— Ах, мне очень жаль, — проворковала ведьма, — но разве ты забыла? Клятва на крови нерушима...

— Нет! — крикнул Иккинг. — Нет! Нельзя этого делать! Вы рассердите всех наших драконов, и они присоединятся к восстанию... Они обернутся против нас...

— Трус, — насмешливо бросил Элвин Вероломный.

— **Спокойно!** — закричал Иккинг подраконьи, потому что повсюду вокруг драконы заревели и зарычали. — С ним даже суровые племена не согласны... Им просто надо немного времени, чтобы прийти в себя... Не делайте глупостей... Все, не делайте глупостей...

Но было слишком поздно.

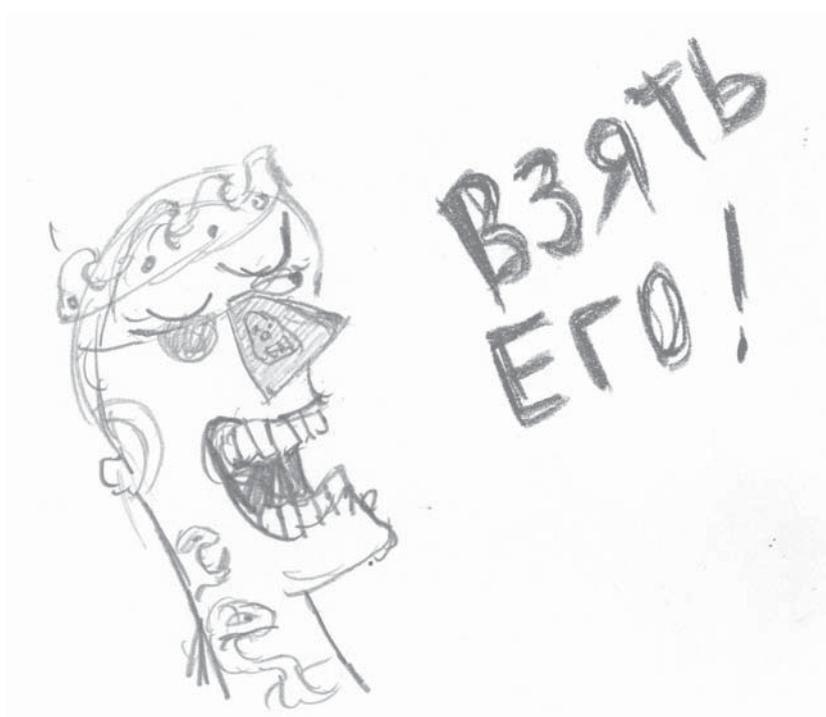
Одноглаз, саблезубый ездовой дракон, проломился сквозь толпу, словно громадный белый лев, разбрасывая викингов в стороны.

Он вскинул голову и проревел:

— Как смеешь ты, человеческий червь?! Мы, драконы, рождены не для цепей! Лично я присоединяюсь к восстанию, и ты станешь моей первой жертвой! — И он разинул пасть, чтобы перекусить Элвина пополам.

— Взять его! — взвизгнул Элвин.

Десять или двадцать крепких викингов вцепились в большого дракона и пригвоздили его к земле.

Элвин вскинул Лезвие Бури.

— Ты умрешь первым, безмозглый белесый бегемот, — улыбнулся Вероломный, его единственный злобный глаз уставился в единственный глаз бьющегося в ярости дракона. — Я освящаю эту Боевую арену твоей грязной драконьей кровью, и так начинается Война... Но сначала я ослеплю тебя...

— Нет, — рыдал Иккинг, не в силах смотреть на это. — Нет, нет, нет...

Элвин поднял меч, чтобы опустить его на голову беспомощного дракона.

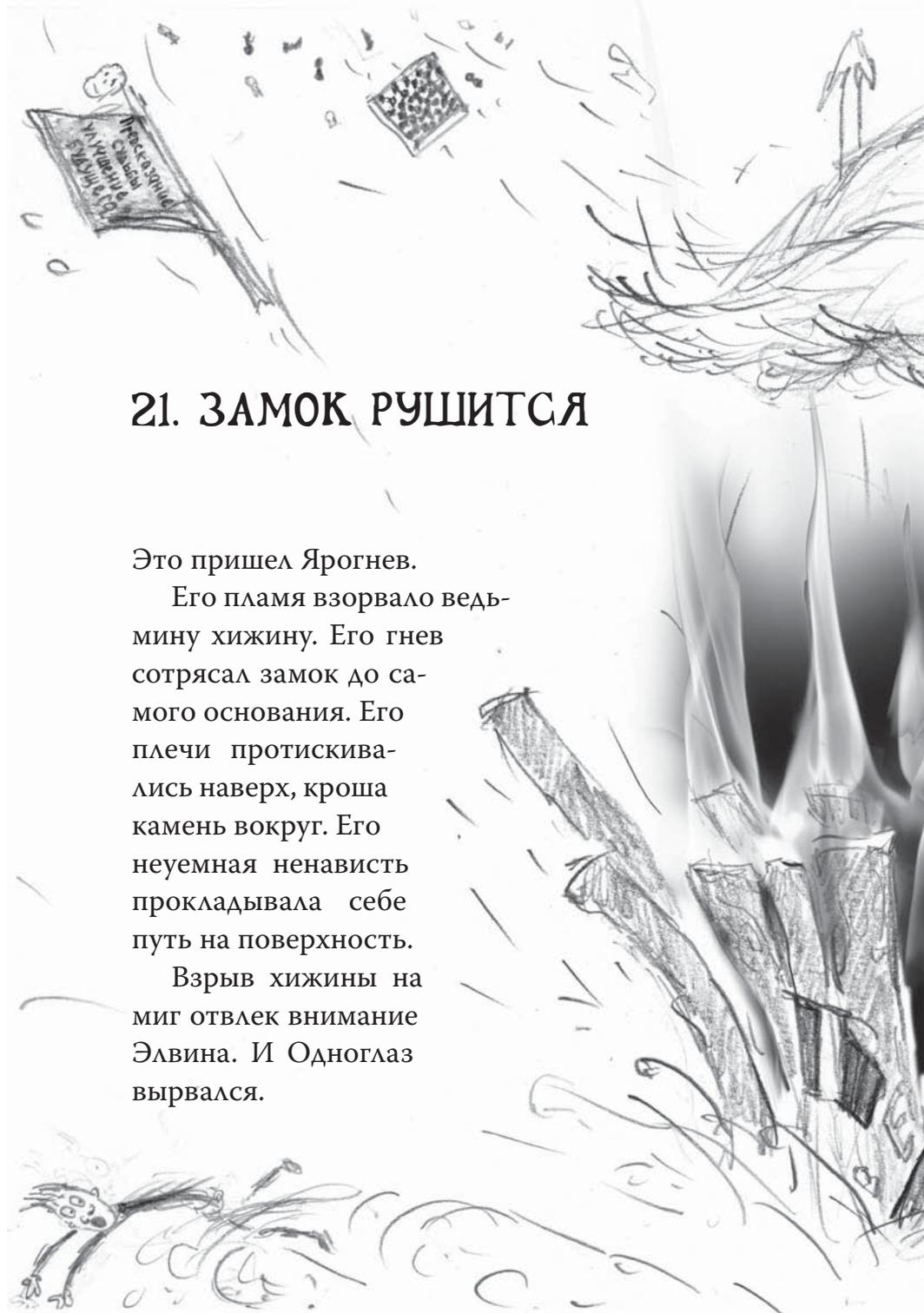
Но тут земля у него под ногами подалась и задрожала. А за спиной у Элвина ведьмина предсказательская хижина, маленькая и зловещая... взорвалась на глазах у викингов.

На толпу обрушился град кирпичей, обрывки паутины, гадальные карты, птичьи кости и прочее разношерстное добро из ведьминоного логова.

По чистой случайности все липкое, вонючее содержимое одного из котлов приземлилось ведьме на голову, а сверху ее приклепнуло вывеской «Предсказание Судьбы, улучшение будущего».

И сквозь дыру на месте хижины в воздух взмыл громадный язык пламени, огромный огненный гейзер, словно кто-то плеснул в гигантский костер масла вместо воды.

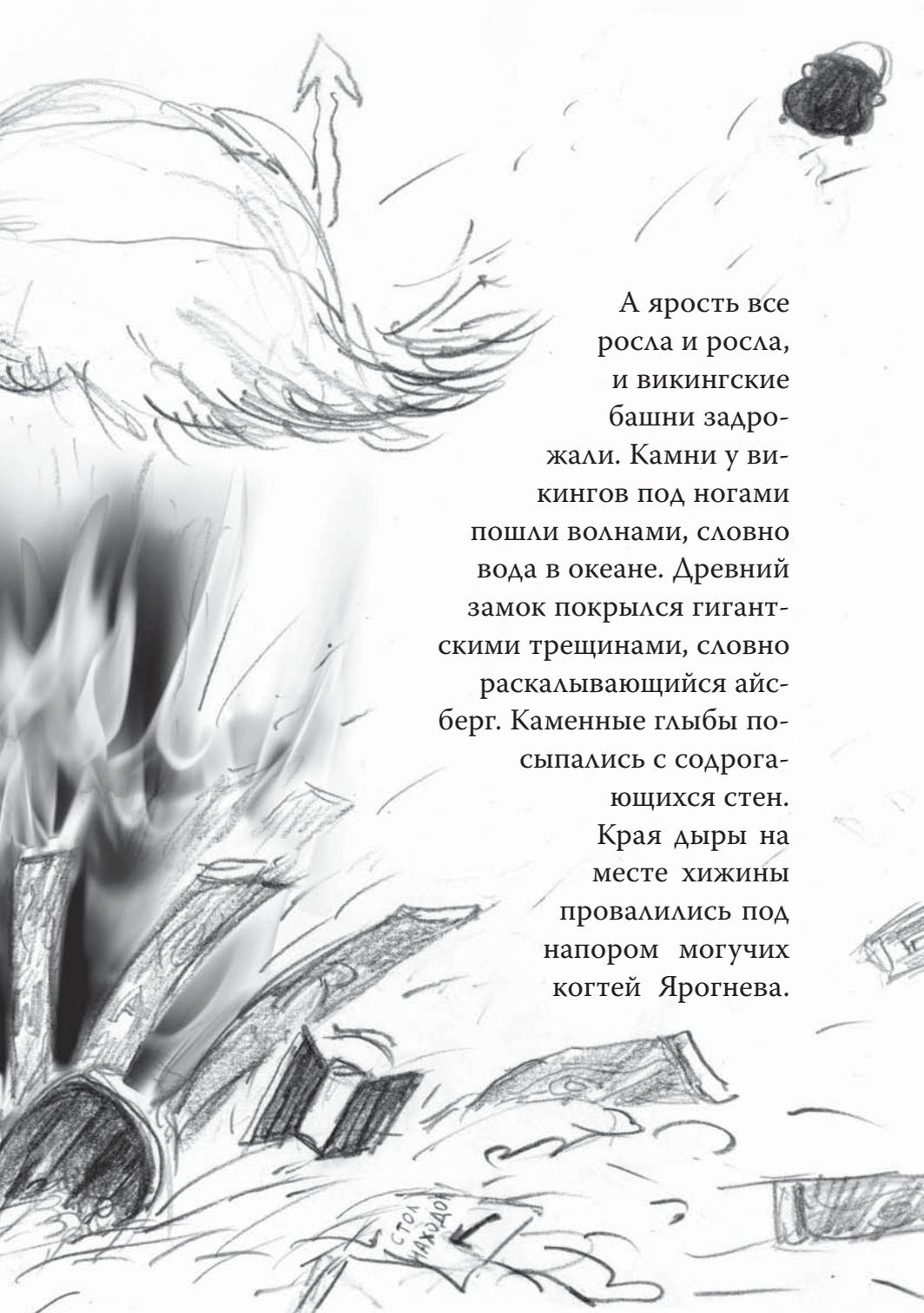

21. ЗАМОК РУШИТСЯ

Это пришел Ярогнев.

Его пламя взорвало ведьмину хижину. Его гнев сотрясал замок до самого основания. Его плечи протискивались наверх, кроша камень вокруг. Его неумная ненависть прокладывала себе путь на поверхность.

Взрыв хижины на миг отвлек внимание Элвина. И Одноглаз вырвался.

А ярость все росла и росла, и викингские башни задрожали. Камни у викингов под ногами пошли волнами, словно вода в океане. Древний замок покрылся гигантскими трещинами, словно раскальвающийся айсберг. Каменные глыбы посыпались с содрогающихся стен. Края дыры на месте хижины провалились под напором могучих когтей Ярогнева.

Исполинский фонтан огня и дыма бил в небо. Люди и драконы бросились врассыпную.

Камни скатывались по плечам гигантского существа, как капли воды. Голова его просунулась в зияющую дыру, и он стал подниматься все выше, выше, выше, словно живое землетрясение, одним когтем обламывая края отверстия и медленно проталкивая тело вверх.

С последним усилием и воплем он вырвался из камня и земли и взмыл в воздух. Гигантские крылья развернулись, вдребезги разнесли дрожащую башню и затмили солнце громадной тучей.

Оцепенев, викинги взирали снизу вверх на своего ужасного врага.

И только сейчас — слишком поздно — до них дошло: пока они были поглощены своей человеческой драмой, и даже часовые на стенах наблюдали за битвой за Корону Дикозапада, драконы тайком пробирались по небу к замку.

Враждебные драконы. Мятежные и охваченные Алаяростью драконы.

И теперь небо над ними потемнело от драконов. Ярогнев выпустил поток ревущего пламени.

Если бы Королем Дикозапада все еще был Иккинг, домашние драконы ответили бы Ярогневу, что они уже свободны, большое спасибо, и великое Драконье восстание увяло бы, не начавшись.

Невозможно бунтовать, если уже свободен.

Видите, как близок был Иккинг к победе.

Как близок и как далек.

А теперь по всему замку драконы, сидевшие до того тихо, как мыши, превратились в гнездо шипящих змей. Они выпустили когти, зубы их были как ножи, в глотках пылало горячее пламя.

- В АлаЯрости ВОССТАНЬТЕ,
Братья-драконы, ВОССТАНЬТЕ! -

донесся трубный зов Одноглаза.

- Восстаньте, братья-драконы, восстаньте! -

гремело над замком.

- Смертный враг наш теперь
человек! Восстаньте с нами, о братья мои,
в АлаЯрости ВОССТАНЬТЕ!

И со всех сторон стадиона эхом отозвались драконы, сначала тихо, шепотом, затем все громче и громче:

- Восстаньте...

-Восстаньте, — плевались они.

-Восстаньте! — шипели они.

-Восстаньте! -Восстаньте! -Восстаньте!

И все как один, словно перепончатое облако, драконы бросились на своих хозяев.

С удивленными воплями викинги повыхватывали оружие, защищаясь. Драконы прыгали им на спины, львиные когти рвали, а жаркое пламя жгло незащищенную кожу.

Повсюду вокруг Иккинга закипел бой. Дракон против человека.

Воздух наполнился воплями атакующих драконов. Викинги с трудом верили, что на них ополчились их питомцы, которых они кормили с рук, которые спали у их очагов. Словно некий чужой, дикий дух вселился в драконов и они перестали быть собой.

Стоик, брошенный тюремщиками, но по-прежнему безоружный, оказался лицом к лицу со своим драконом, Быкарусом. Тот припал к земле перед прыжком, словно тигр. В горле у него клокотал рык, огненные железы на горле раздулись.

— ЛЕЖАТЬ, БЫКАРУС, ЛЕЖАТЬ! — скомандовал Стоик.

Но Быкарус его словно не слышал. Он не отрывал своих кошачьих глаз от Стоика, медленно подползая все ближе. Он вроде бы рычал, но если бы Стоик понимал по-драконьи, он распознал бы следующие слова:

Пусть Алая Ротость Врага СТРАШИТ!
Когти омойте КРОВЬЮ ЛЮДСКОЙ...
Мерзость людскую долой с земли...
Испепелите Людей Огнем...
Восстань же, Драконий род!

Стоик слотнул.

— Лежать, Быкарус, — произнес он нормальным голосом, сообразив вдруг, что орать на дракона больше не помогает.

Быкарус как не слышал и продолжал подбираться к нему.

— ЛЕЖАТЬ! — отчаянно крикнул Стоик.

Но с могучим рыком его старый боевой дракон бросился на него, разинув пасть, выпустив когти и раздувая ноздри, в горле его хлопотало пламя.

Слезы людские Вас напоят...
Даже младенцам пощады нет...
Жгите огнем людскую чуму...
Приди же, Драконий век!

И пришлось бы Стоику очень туго, если бы стрелы викингов, пытающихся отбиваться от драконов, к этому времени уже не прошивали воздух во всех направлениях. Одна такая стрела вонзилась в ногу Быкарусу, и он упал на землю, закричав от боли и ярости.

Замок тем временем стремительно рушился. Три башни лежали в руинах, четвертая шаталась. Драконы нападали с неукротимой свирепостью. Викинги оказались совершенно не готовы к внезапному штурму, и поражение казалось неизбежным.

Тут и там полыхало разрушительное пламя. Воины с воплями разбегались, беспорядочно стреляя из луков. Ярогнев, невыразимо огромный, громил оружейную, где пытались укрыться несколько несчастных викингов, и отправлял воинов в мир иной по реке пламени. И повсюду вокруг раздавался драконий рык и тошнотворный звук входящего в плоть лезвия секиры или меча.

Непрестанный дождь стрел, нескончаемые волны копий... Мечи гнулись и плавилась в пламени. Викинги завладели катапультами и применили их по драконам. Им удалось серьезно ранить многих драконов, но викинги не побеждали. Иккинг ясно видел это, хотя ему приходилось щуриться сквозь удушливые облака дыма, отчаянно хватая ртом воздух. Они проигрывали.

— Я не могу допустить, чтобы это случилось, — прошептал Иккинг. — Я не могу позволить этому случиться...

Что же делать? Руки связаны, замок рушится, повсюду вокруг драконы убивают людей. Что он мог поделаться?

— **Беззубик!** — закричал Иккинг. — **Беззубик!**
Пожалуйста, иди сюда, ты мне нужен!

22. АЛАЯРОСТЬ

Беззубик был ближе, чем думал Иккинг.

Алаярость полностью захватила его. Древняя первобытная ярость дикого мира накрыла его безумием. Он ослеп от ее головокружительной мощи, и разум его отключился. Пьяный от силы и бешенства, дракончик атаковал чей-то рваный башмак, ошибочно приняв его за человеческого ребенка.

пищал он, выдирая шнурки.

АЛАЯРОСТЬ! —

верещал он, распуская кожу на спутанные ленточки.

— Поймай человека
и спали его! —

хрипел он, отрывая подошву и поливая ее пламенем.

Что было такого в голосе Иккинга, что он пробился сквозь туман бешенства? Что заставило Беззубика, с полным ртом дымящейся обувной кожи, оглянуться и ухватиться за мальчика? Накрывшая малыша пелена АлаяРости исчезла как по волшебству. Беззубик повернулся. Бросил башмак. Полетел к связанному Иккингу.

— **Беззубик!** — воскликнул Иккинг. — **Скорее! Перегрызи веревки и найди Ветрогона!**

— **Делай то! Делай это!** — принялся бухтеть дракончик. — **Б'бе-беззубик тебе не сслуга...**

Но он перекусил веревки одним быстрым движением острых десен и полетел искать Ветрогона, от обычной его лени не осталось и следа.

Обалдевший Ветрогон кружил в отдалении, высматривая Иккинга. АлаяРость его не захватила, но сбила с толку

и мешала ориентироваться, он с трудом понимал, где что находится. Из-за этого да еще из-за дыма, он крутил мертвые петли, врезаясь в других драконов и порой гоняясь за собственным хвостом.

— **Мы нужны Иккингу!** — пропищал Беззубик, забыв о сдержанности, и Ветрогон последовал за дракончиком, мастерски лавируя по воздушному полю боя.

Вскоре он неопытной кучей жестко приземлился рядом с мальчиком.

К ним бросился вертокрут, но Иккинг в мгновение ока вскочил Ветрогону на спину, и Ветрогон взмыл вверх, выше и выше и выше.

«Что же делать? Что же делать? Что же делать?» — мучительно думал Иккинг. Он направил Ветрогона вниз, к краю Боевой арены, забрать Одиноклыка и безрукавку.

— **Зачем ты на него время тратишь?** — заныл Беззубик. — **Он нам не нужен!**

— **Я знал, что не ошибся в тебе!** — с восторгом воскликнул Одиноклык. — **Ты все-таки ИСТИННЫЙ Наследник!**

Но чем выше поднимался Иккинг в небо на черной спине Ветрогона, тем яснее видел он, как ужасно обернулось дело.

Замок теперь рушился еще быстрее. Он ссыпался внутрь себя, оседая в огромную дыру в центре, вызванную извержением Ярогнева. Сам громад-

ный дракон возвышался посередине и выдыхал пламя почти непрерывно.

Не забывайте, в замке собрались практически все воины архипелага. Драконам противостояло по-настоящему могучее войско, и сражались викинги с беспримерной храбростью. Слева Иккинг разглядел Сморкалу. Тот бился, надо признать, с поразительным мастерством и доблестью и командовал Хулиганами, словно уже стал их вождем.

В центре битва кипела яростнее всего. Там был Элвин Вероломный, и большинство драконов стремились добраться до Дерзновенного. Отщепенцы встали в круг и защищали своего нового Короля, да он и сам держался отменно. Вставленное в крепление Лезвие Бури и Дерзновенный в другой руке так и сверкали.

Справа Бой-бабы захватили катапульту и без усталости заряжали ее, проделывая гигантские бреши в драконьей атаке.

Однако в целом картина была ужасна. Обе стороны несли страшные потери. И викинги проигрывали. Нападение застало их врасплох, и вдобавок собственные драконы покинули их, так что сражаться в воздухе викинги не могли, и бой был неравным.

АлаяРость грохотала вовсю, словно тысяча барабанов разом. Никогда бы человеку не слышать этого первобытного гула, от которого стыла кровь

и спотыкалось сердце, а волосы по всему телу становились дыбом от страха.

«Они уничтожат друг друга, — думал Иккинг. — Но что я могу сделать? Что мне делать? Что мне делать? Я всего лишь один человек, что я могу?»

В голове Иккинга всплыли слова Старого Сморчка: «Миру понадобится Герой, и им вполне можешь оказаться ты...»

— **Ветрогон!** — шепнул Иккинг на ухо дракону. — **Ветрогон! Держи на то пятно света, вон там!**

В облаках образовался просвет, и, едва увернувшись от пары стрел, Ветрогон полетел прямо в него. Вокруг клубилась чернота и дым, но в том крохотном лоскутке ярко-голубого неба ослепительно сверкало солнце. Яркие блики заплясали на блестящих крыльях Ветрогона и на огнеупорном костюме Иккинга, так что обоих стало отчетливо видно снизу.

Луч солнца мазнул сражавшуюся изю всех сил Камикадзу по лицу. Девочка подняла глаза и даже в пылу боя разглядела и узнала в силуэте на драконе своего друга.

— Иккинг! — шепнула она со страстным облегчением, забыв о клейме и радуясь, что он жив. — Иккинг! Он нас спасет, я знаю, у него наверняка есть какой-то хитроумный план...

Сказать по правде, планы у Иккинга отсутствовали начисто. Но, зависнув в просвете облаков един-

ственным лучиком надежды в темном и страшном мире, он поймал мерцание возникшей в голове идеи.

— **ДРАКОНЫ!** — заорал Иккинг. — **ДРАКОНЫ!!! ЗАБУДЬТЕ ПРО МЕЧ — КАМЕНЬ У МЕНЯ!**

И он вскинул сжатый кулак как можно выше над головой.

Слух у драконов невероятно чуткий — они слышат, как пересмеиваются нанодраконы в траве. Они прекрасно уловили суть.

Ярогнев медленно повернул могучую голову к мальчишке, словно к надоедливому насекомому.

Правда или ложь?

— **Ты врешшь...** — прошипел он. — **Это неправда, мальчишка врёт, я знаю, клянусь моим раздвоенным языком...**

Он еще больше сузил глаза, щурясь против света, заглядывая мальчишке за спину, за тучи, в будущее. В голове его прокручивались возможности, словно бесконечная партия в шахматы...

Что-то из увиденного заставило его прошипеть:

— **И все же...**

И все же.

— **ВЗЯТЬ ПАРНЯ!!!!** — взревел Ярогнев. — **ДОГНАТЬ! СХВАТИТЬ! СДЕРНУТЬ С НЕБА! ЧТО УГОДНО, ТОЛЬКО НЕ ДАЙТЕ ЕМУ УЙТИ-И-И-И-И!!!!**

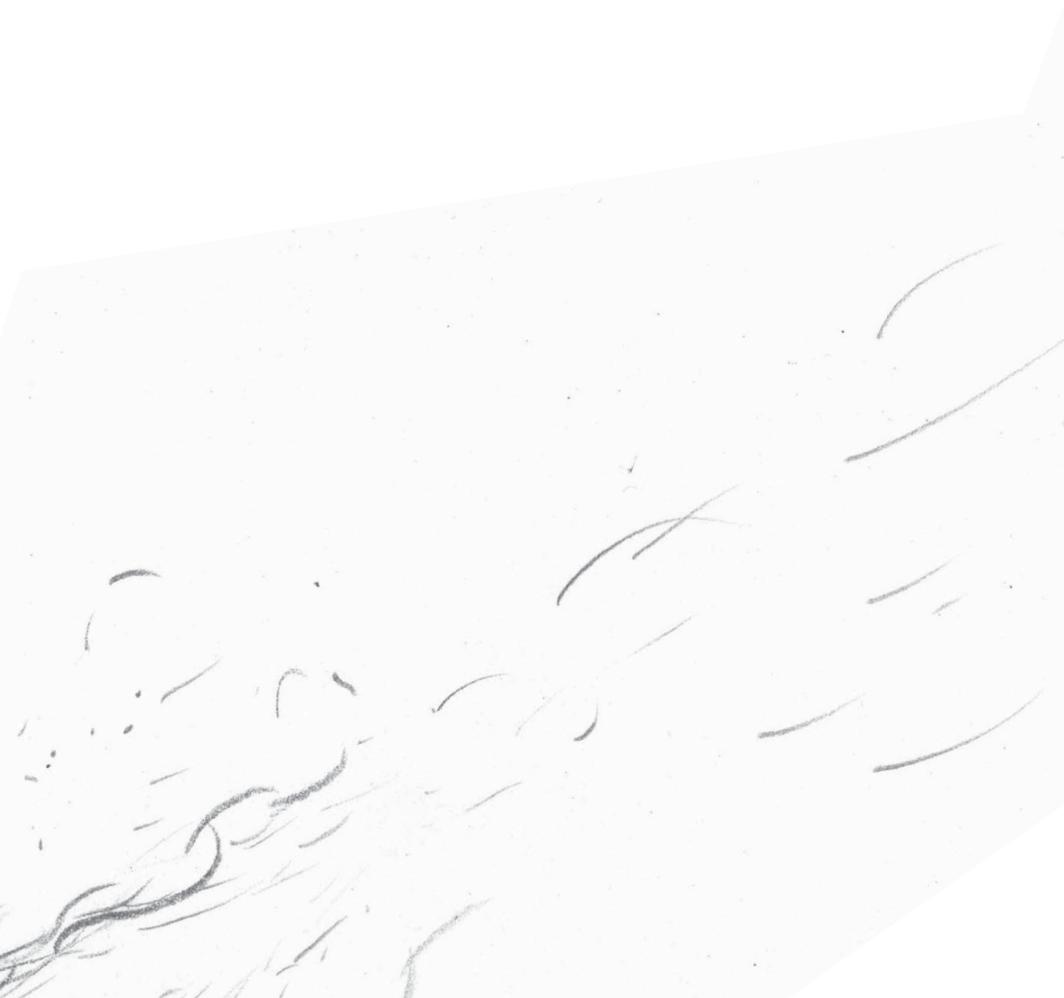

Тысячи драконов за-
мерли и придержали огонь.
Тысячи драконов поверну-
ли головы, и сузившиеся
желтые, зеленые и си-
ние кошачьи глаза на-
целились на мальчиш-
ку, словно стрелы.

Беззубик, зависнув на изрядном расстоянии от головы Иккинга, вскрикнул в ужасе, сомкнул лапки лодочкой, сложил крылышки и нырнул с высоты прямо Иккингу за пазуху, присоединившись к Одиноклыку.

— **Лети, Ветрогон,** — шепнул Иккинг в ухо Ветрогону. — **Лети, Ветрогон, лети... Лети, как никогда не летал...**

23. ЛЕТИ, ВЕТРОГОН, ЛЕТИ

Только что викинги проигрывали битву.

И вдруг тысячи и тысячи драконов испустили одновременный вопль. Вся драконья армия — сам Ярогнев и тысячи его соплеменников — с воем ринулись в кровожадную погоню за мальчишкой на хромом драконе.

Ветрогон испуганно взвизгнул, словно угодившая в капкан лиса. Он мухой заметался в пятне света, закладывая мертвые петли.

— Лети, Ветрогон, лети, — прошептал Стоик внизу, позабыв о рабстве и посылая свою волю сыну. — Лети, не то они разорвут его в клочья...

С жутким хрюкающим стоном Ветрогон пришел в себя и ринулся наобум.

Запыхавшиеся, потрясенные, закопченные викинги обнаружили, что враг отступил так же внезапно, как и напал. Запрокинув голову, они смотрели, как от небокрая до небокрая роится драконье войско, словно туча сердитых шершней, преследующих крохотную мошку.

А мошка-Иккинг метался туда-сюда, вверх-вниз, сновал зигзагами и закладывал петли. И весь убийственный рой несся следом, разваливаясь, петляя, перестраиваясь, смыкаясь, и неустанно выпевал леденящую кровь песнь Ала-Ярости.

— Он устанет! — шепотом вскрикнула Камикадза, подпрыгивая на месте от волнения. — Они поймут его, когда он устанет!

Ну и неприятная же улыбка расплзалась по лицу Элвина Вероломного, пока он глядел в небо.

— И это, — протянул он, — это и есть конец Иккинга Кровожадного Карасика Третьего, клянись призраком моей правой руки, это конец...

Элвин обернулся к своим новым подданным — спина прямая, лицо сурово, Король с головы до пят.

— Викинги, теперь мы на ВОЙНЕ! Войне открытой, кровавой и страшной. Неужели наши братья и товарищи, лежащие мертвыми вокруг, разорванные когтями и сожженные огнем этих паразитов, погибли напрасно?

Со стороны разъяренных, потрясенных викингов раздались крики «Нет!».

— Мы не уснем, братья викинги, мы не сомкнем глаз. Мы вернемся на наши острова и построим орудия войны столь ужасные и смертельные, что драконам и в страшном сне не приснится. Мы не узнаем покоя, пока последний крокодил с раздвоенным языком не ляжет мертвый и обескрыленный к нашим ногам. Истребление, братья викинги! Наша цель — полное истребление!

Не стоит винить викингов, что они поддержали Элвина, читатель. Не забывай, повсюду вокруг них лежали тела павших товарищей. Представь, как потрясены были викинги, когда домашние драконы восстали против них. Ошеломленные и подавленные, воины плохо соображали.

— С этой минуты, — проорал Элвин, — вы обязаны убить любого дракона, как только увидите, не задавая вопросов! Поклянитесь мне в этом.

И викинги принесли ужасную клятву.

Вот так и начинаются войны.

И вот-таки началась последняя Великая Война между людьми и драконами. И вот так Элвин, ненавидимый столь многими, сделался предводителем человеческой армии. Войны порождают странных и ужасных вождей.

— По кораблям! — гаркнул Элвин. — Пока драконы не вернулись!

Словно отвлекшись на минутку, он обратился к Вояке, вождю Шандарахайков:

— Отвезите Стоика во владения Страхолюдов. Проследите, чтобы ему поставили клеймо, как его предателю-сыну.

Потом повернулся к Хулиганам:

— Я объявляю новым вождем племени Хулиганов Сморкалу Мордворота. Его доблестью вскрылось предательство Стоика и его сына.

— Погодите! — запротестовал Толстопуз Пивобрюх, в ярости оттого, что его обошли, хотя Сморкала приходился ему родным сыном. — Я следующий в очереди в вожди!

Элвин улыбнулся своей жуткой улыбкой.

— Как показал этот день, время старых и пузатых прошло. Вождь — Сморкала, и любой, кто не согласен, последует за Стоиком в страну рабов.

Вот так и исполнилась заветная мечта Сморкалы — стать вождем племени Хулиганов. Он раздулся от гордости, словно молодой индюк.

«Я знал, — восторженно думал он про себя. — Я знал, что мне это суждено... Я знал, ведь не зря я такой крутой...»

Он не смог сдержаться. Бесконечно самодовольная ухмылка осветила его прыщавую рожу, и он крутанул в руке Спиногрыз.

Первый же поступок в качестве вождя показал Сморкалу с самой неприятной стороны.

— Шевелись, Толстопуз, — приказал он с важным видом собственному отцу. — Нечего прохлаждаться. Ты слышал Короля. По кораблям!

И вот печальная вереница викингов перебралась через разрушенные стены некогда неприступного замка и потянулась вниз меж могучих утесов к полуразбитым кораблям. Отступая по домам, они несли своих мертвых и раненых на сделанных наспех носилках. Впереди была война со всем драконьим племенем.

Камикадза, поспешая с Бой-бабами, на миг задержалась возле Рыбьенога. Он стоял окаменев и смотрел на валяющийся поверх кучи мусора у его ног шлем Иккинга, слезы текли по его лицу.

— Чего плачешь? — удивленно спросила Камикадза.

— Иккинг мертв, — прошептал Рыбьеног.

— А вот и нет, — резко возразила Камикадза. — Ты же отдал ему свои клешни-талисман!

— Что толку в омаровых клешнях! За ним погнались все Мятежные драконы на свете!

— Он что-нибудь придумает. Он всегда придумывает. Слушай, Рыбьенег, — Камикадза положила руку ему на плечо, — нельзя теперь отчаиваться. Я была не права, что отвернулась от Иккинга вместе со всеми. Ты не покинул его. Поэтому ты не можешь бросить его сейчас. Надо надеяться на лучшее и верить, что Иккинг спасет нас от драконов.

— Ну как он может нас спасти? — воскликнул Рыбьенег. — Даже если он уцелеет, с этого дня он Отщепенец, изгнанник!

Мы должны
быть сильными,
рыбьенот,
мы должны
надеяться!
на ЛУЧШЕЕ!

Есть люди, которые лучше всего проявляют себя в трудные минуты, и Камикадза была как раз из таких. В глазах ее пылал боевой азарт. Она беспечно присвистнула сквозь зубы. И внезапно показалась гораздо старше.

— Да, все с ног на голову, — согласилась она. — Но Иккинг уже спас нас, разве нет? Не уведи он драконов, от нас бы только угольки остались. Будь сильным, Рыбьеног! Будь сильным и надейся на лучшее!

И Камикадза поспешила за своим племенем.

Рыбьеног снял разбитые очки, протер их и решительно надел на черный от сажи нос. Он подобрал шлем Иккинга, напялил его вместо собственного и расправил плечи. Он знал, что теперь, когда вождем Хулиганов стал Сморкала, его ждут тяжелые времена, но все равно выпрямился.

Как бы плохо ему ни приходилось, Иккингу неизмеримо хуже.

Он, Рыбьеног, будет сильным. Он будет надеяться на лучшее.

Он будет сильным.
Он будет надеяться
на лучшее.

24. ОХОТА НА МАЛЬЧИШКУ

Камикадза не ошиблась.

Иккингу пришлось собрать в кулак всю надежду и мужество.

За ним гналось все драконье племя. Ничего страшнее с ним в жизни не приключалось — а Иккингу не раз доводилось попадать в серьезные переделки.

Он стремглав несся по небу, припав к спине Ветрогона и обвив руками драконью шею, и чувствовал, что конец близок. Вдеть ноги в стремяна ему не удалось, а руки замерзли до каменного состояния. За спиной не смолкал жуткий, сводящий с ума рев тысяч и тысяч драконов.

Ему с трудом удавалось противостоять песне Алаярости. Она мешала думать, подбивала сдаться и признать свое поражение.

Скинь бескрыльща с небес!
Да погибнет он в огне!
Взять его! Взять его! Взять его!

— Не слушай, — всхлипывал Иккинг. — Не слушай, Ветрогон, не слушай...

Зря он оглянулся через плечо. Зрелище открылось столь кошмарное, что его едва не стошнило. Тысячи и тысячи драконов неслись за ним, и глаза их горели жаждой крови. Их пламя едва не лизало ему пятки. Эта летучая стая голодных и злых волков разорвет его в клочки, как только поймают.

Алаярость настигала. Иккинг слышал ее, все громче и громче и громче.

— Сдавайся... —

твердила ему Алаярость.

Иккинг пытался закрыть свой разум, но шум все равно просачивался.

Ты уже проиграл, Смерть
сладка, прими ее...

— Догнали! Догнали! —

донесся торжествующий голос Ярогнева.

Безумные изломы ущелья Торова Грома, каких нет больше нигде в мире, обернулись гигантской слаломной трассой. Стоит на миг отвлечься — врежешься прямо в каменный столб и тебя вышибет в мир иной.

Ущелье, как можно догадаться, имело форму молнии. Скалы здесь образовывали самые неожиданные и причудливые углы.

Да уж, тут требовались экстремальные навыки высшего пилотажа, даже суперэкстремальные. Если бы Плевака видел, как Иккинг на сверхзвуковой скорости проходит сквозь ущелье, словно нитка с иголкой, он бы гордился им, этот двухметровый псих, очень гордился.

— А не-нельзя ли помед'денней? Б'бе-беззубика укачало! — Дракончик высунул голову у Иккинга из-за пазухи, взвизгнул при виде надвигающейся каменной стены — Иккинг резко повернул Ветрогона в последнюю минуту — и нырнул обратно к Одиноклыку, для верности прикрыв глаза крылышками.

Ладно, так от летящих по пятам драконов не оторвешься...

Значит, надо ВВЕРХ...

— **Вверх, Ветрогон, вверх...**

Мальчик с драконом свечкой вылетели из ущелья, словно фейерверк. Рой драконов настигал их.

Иккинг гнал Ветрогона выше и выше.

«Если заберемся достаточно высоко, большинство из них просто не сможет за нами последовать», — рассудил он.

Видите ли, всю свою короткую жизнь Иккинг изучал драконов и знал о них очень много. Большинство драконов предпочитали действовать, как они выражались, «на мелковоздушье». Воздух ближе к земле, сразу над верхушками деревьев, служил им домом и охотничьими угодьями. Очень немногие драконы поднимались в «глубокий воздух», они не любили залетать выше облаков — там и ветра внезапные, и атмосфера более разреженная. Это им совсем не нравилось.

— **УБ'бе-беззубика ушки з-закладывает!** — донесся приглушенный писк из-за пазухи Иккинга. — **Б'бе-беззубика плюсч'чит!**

— **Выше, Ветрогон, выше,** — нашептывал Иккинг дракону.

Дышать уже было практически нечем. Он старался не думать, что случится, если он потеряет сознание, — пристегнуться-то он не успел... Еще чуть-чутьочку выше...

Крылья Ветрогона неуклонно поднимали их.

ВВЕРХ, ВВЕРХ, ВВЕРХ...

У Иккинга тоже заложило уши... но он глянул вниз и увидел, что драконов-преследователей становится меньше. Крылья Ветрогона унесли их уже дальше, чем те могли последовать.

Красивый черный дракон плыл и плыл сквозь облака, выше и выше, дальше и дальше.

Воздух сделался холодным... Они забрались так высоко, что все беды и тревоги Иккинга остались позади... Иккинг бесконечно устал... Он положил голову Ветрогону на спину и уснул.

Проснулся он в незнакомой пещере.

Что делать теперь?

Он даже шлем потерял.

Казалось бы, ерунда, но без шлема Иккинг чувствовал себя голым.

От запекшейся грязи обгоревшие волосы стояли дыбом, словно ежиные иголки. Не прикрытое шлемом клеймо пылало шрамом позора на лбу. Лицо превратилось в серую маску из пепла с потеками слез.

— Я один, — произнес Иккинг вслух. — И далеко-далеко.

— **Ты не один,** — торжественно отозвался Одиноклык, восседавший рядом с ним статуэткой-оберегом. — **С тобой эти два дракона. И у тебя есть я.**

Ветрогон спал в этой чужой пещере, вытянувшись всем длинным неопрятным телом, так мирно,

словно дремал на склоне холма. Он похрапывал: «Хр-ро-о... пыщ-щ». Ему опять снились бабочки. Беззубик бодрствовал, чесался и гадал, что на ужин.

Иккинг спрятал лицо в сгибе локтя. Ему было стыдно.

— Почему ты помогаешь мне? Я ведь нарушил свое обещание, едва успев его дать...

— Ты не нарушал обещания, — возразил Одинклык. — Ты обещал сделать все, что в твоих силах, и ты сделал. И я помогаю тебе, потому что ты не один. По какой-то причине эти два совершенно обыкновенных дракона...

— Эй, я бы по-по-попросил! — возмутился Беззубик. — Б'бе-беззубик вовсе не об'бык-новенный!

— Эти два исключительно обычных дракона, — продолжал Одинклык, — не поддались Алаярости. Они остались верны тебе. Людей, кому хранили бы такую верность, в истории можно по пальцам перечесть. — Одинклык вздохнул. Взгляд его устремился в прошлое. — Люди разочаровывали меня, и не раз. Возможно, я ошибаюсь, Иккинг Третий, но мне кажется, ты другой. Ты Избранный. И ради тебя я понадеюсь снова... всего один

последний раз... — Страшная боль звучала в голосе старого дракона.

Иккинг по-прежнему прятал лицо.

Понимаете, это было испытание, такое же, как все остальные. И возможно, самое важное.

Герой не может побеждать все время. Порой он терпит поражение, и в том, как он его принимает, проявляется его характер. Молниеноса такое испытание настигло уже в зрелом возрасте, и бедолага не выдержал проверки.

А теперь поражение потерпел Иккинг Кровожадный Карасик III, возможно, даже более сокрушительное, чем Молниенос. Он потерял все. Племя, друзей, семью. Он прятался в пещере, одинокий, безоружный и оборванный. Отщепенец в изгнании.

Некоторое время мальчик плакал, уткнувшись в рукав.

А затем медленно-медленно-медленно Иккинг Кровожадный Карасик III опустил руку.

Утер нос рукавом.

И...

— Я постараюсь не разочаровать тебя, — сказал Иккинг. — Что я могу сделать?

— Ты можешь найти Драконий Камень, — ответил Одинклык. — Камень — единственное, к чему теперь прислушается Ярогнев. Он его боится. Я сам его боюсь. Потому что, расколовшись, он способен уничтожить Драконов навеки...

— Где спрятан Камень? — спросил Иккинг.

— Камень был утерян, как и прочие Королевские Сокровища, когда умер Чернобород Оголтый, — ответил Одинклык. — Но, по слухам, тайну сокровища хранит Драконий меч.

— Старый Сморчок говорил, «меч указывает путь», — припомнил Иккинг. — Но меча у меня больше нет. Он у Элвина Вероломного.

Одинклык печально вздохнул.

— Верно. И поэтому нам еще важнее завладеть Камнем первыми. Даже после самого беглого знакомства я вижу, что этот Элвин Вероломный — крайне неприятный человек. Если он найдет Камень, то без колебаний воспользуется им, и драконов не станет.

Тьма воцарилась в и без того мрачной пещерке.

Беззубику все эти разговоры наскучили. С его точки зрения, все думали только о какой-то чепухе и совершенно не заботились о самом насущном вопросе: чем кормить Беззубика.

Его снова клонило в сон, поэтому он забрался Иккингу на плечо, взял хозяйское лицо в лапки, заставив посмотреть себе прямо в глаза, и сказал:

— Хо-хозяин. Скажи этому сстарому бурому д'дракону, что эта безрукавка — место Б'бе-беззубика. Потому что это Б'бе-беззубик, а не кто-нибудь — охотнич'чий дракон Иккинга.

— Разумеется, ты, Беззубик, — сказал Иккинг, почесывая малыша за ушами. — Для меня существует только один дракон.

Довольный Беззубик снова закопался в хозяйскую безрукавку, и пока он возился, устраиваясь поудобнее в особенном местечке прямо у Иккинга над сердцем, в кармане зашуршало, напомнив Иккингу кое о чем.

В его душе поднялась волна надежды... Нет, не может быть...

— Одиноклык, — нетерпеливо спросил Иккинг, — каким образом меч указывает дорогу к Камню?

— Ты умный мальчик, Иккинг, — отозвался Одиноклык. — Ты должен знать, что важен не сам меч. Драконий меч — или как там ты его зовешь? Дерзновенный? — совершенно обычный клинок, обычной многих. Важен не сам меч, а то, что у него внутри. Там есть тайник...

— Да-да, знаю! — нетерпеливо перебил Иккинг. — Я его сто лет назад нашел! А внутри лежало... это...

Иккинг сунул руку в карман и извлек бумагу, заворачивание Черноборода Оголтелого. Он положил его туда пару недель назад, когда Стоик позвал его на Боевую арену, и напрочь позабыл убрать обратно в тайник.

Одиноклык уставился на него, разинув пасть.

— Ну и ну, клянусь моими крыльями!

— Я его вынул, а положить на место забыл, — объяснил Иккинг.

— Чернобородова карта! Она показывает, где спрятан Камень! — воскликнул Одиноклык в восторге.

Завещание
ОТВАГА

То, что внутри,
важнее того,
что снаружи.
Поэтому Деве Бури
всегда удачи влево.

Не все это золото, что олестит.

Надеюсь, что из тебя
получится вождь лучше,
чем из меня.
Именно твой.

Вот карта
она приведет тебя
к Драконьему
Ч.О. Камню.

Ч.О.

— Но это не карта, — сказал Иккинг. Вечно этот Чернобород усложняет и без того непростое дело. — Это завещание Черноборода.

Иккинг прочел вслух:

— «Это мой любимый меч. Оставляю его своему Истинному Наследнику. Потому что Лезвие Бури всегда уводило немножко влево. Не все то золото, что блестит. Надеюсь, что из тебя получится вождь получше, чем из меня. Искренне твой, Ч. О.».

Руки у Иккинга были все в лиловых пятнах от яда гадючки, оставшихся после борьбы с ведьмой. Пока он читал, яд что-то сделал с бумагой. Иккинг как раз собирался вытереть руки, и тут на листе проступили слова. Яд проявил скрытое послание, оставшееся невидимым больше ста лет.

«Отвага, — говорилось в послании. — То, что внутри, важнее того, что снаружи (верь мне: это еще не конец). Вот карта — она приведет тебя к Драконьему Камню. Ч. О.»

Иккинг перевернул лист. На обратной стороне было пусто, но он потер ее ядом гадючки, и там начали проступать линии.

Линии карты. Карты, которая приведет его к Драконьему Камню. Восстание все-таки МОЖНО остановить.

Мальчик вскочил на ноги.

— Это еще не конец! — вскричал он.

Это еще не конец!

Далеко-далеко раздался другой крик.

Полусожженный викингский флот с закопченными парусами ковылял прочь из Восточного архипелага, распевая Песнь Мертвых. Викинги — варвары, грубые и жестокие, но поют очень красиво.

Преврати, Тор, их кости в кораллы,
Станет песня их ветром и золотом сердца,
Пусть же вечно Герои живут в небесах
И пируют в чертогах Валгаллы.

Дальше слова становились мрачнее, барабанный ритм делался более грозным:

Нам же месть ниспошли вместо мира!
Вместо хлеба теперь нам нужна только кровь,

И предсмертными воплями злейших врагов
Мы насытим клинки и секиры!

В гневный ритм песни вплетался зловещий лязг
затачиваемых мечей и грохот секир по щитам.

Далеко впереди, во главе змеистой линии кораблей
шли драккары Отщепенцев. Некогда отбросы
архипелага, теперь они стали его вождями.

На самом первом корабле плыли ведьма Экселли-
нор и ее сын, новый Король Дикозапада.

— Позволь открыть тебе, Элвин, дорогуша, —
проворковала ведьма, — тайну Драконьего меча...

Плащ ее хлопал на ветру, словно крылья злоб-
ного нетопыря, жадные костлявые пальцы тереби-
ли потайное отделение рукояти.

Ну и вопль же раздался, когда ведьма Экселли-
нор открыла тайник и обнаружила, что там пусто!
Ужасный разочарованный вой:

— Этот уродский вороватый крысеныш спер
карту!

Нет, это был

НЕ КОНЕЦ

Я доберусь до тебя, Иккинг
Кровожадный Карасик Третий,
даже если это будет стоить мне
жизни!

Эпилог, написанный Крессидой Коуэлл, переводчиком мемуаров Иккинга

Когда я была маленькой девочкой и жила на острове посреди глубокого синего моря, я все гадала: что, если драконы и вправду существовали?

Представьте мой восторг, когда я перевела первую часть мемуаров Иккинга и с трепетом осознала, что хрупкие, едва различимые записи содержат ответ на этот простой и важный вопрос.

Веками люди на всех континентах спорили об этом, и вот однажды какой-то мальчишка на пляже случайно нашел коробочку, которая отмела все сомнения. Теперь мы точно знаем: драконы существовали. И у нас есть доказательство.

Сейчас я заканчиваю перевод девятой части мемуаров.

Но чем дальше я работаю, тем отчетливее понимаю, что, дав нам один желанный ответ, воспоминания Иккинга задают вопрос, ответ на который я знать не хочу.

Если драконы существовали, то почему они исчезли? Куда подевались?

Мне страшно думать об этом. Я не хочу знать. Я уже успела полюбить Иккинга, а теперь мне все больше кажется, что он каким-то образом причастен к исчезновению драконов. Страшное предчувствие томит меня...

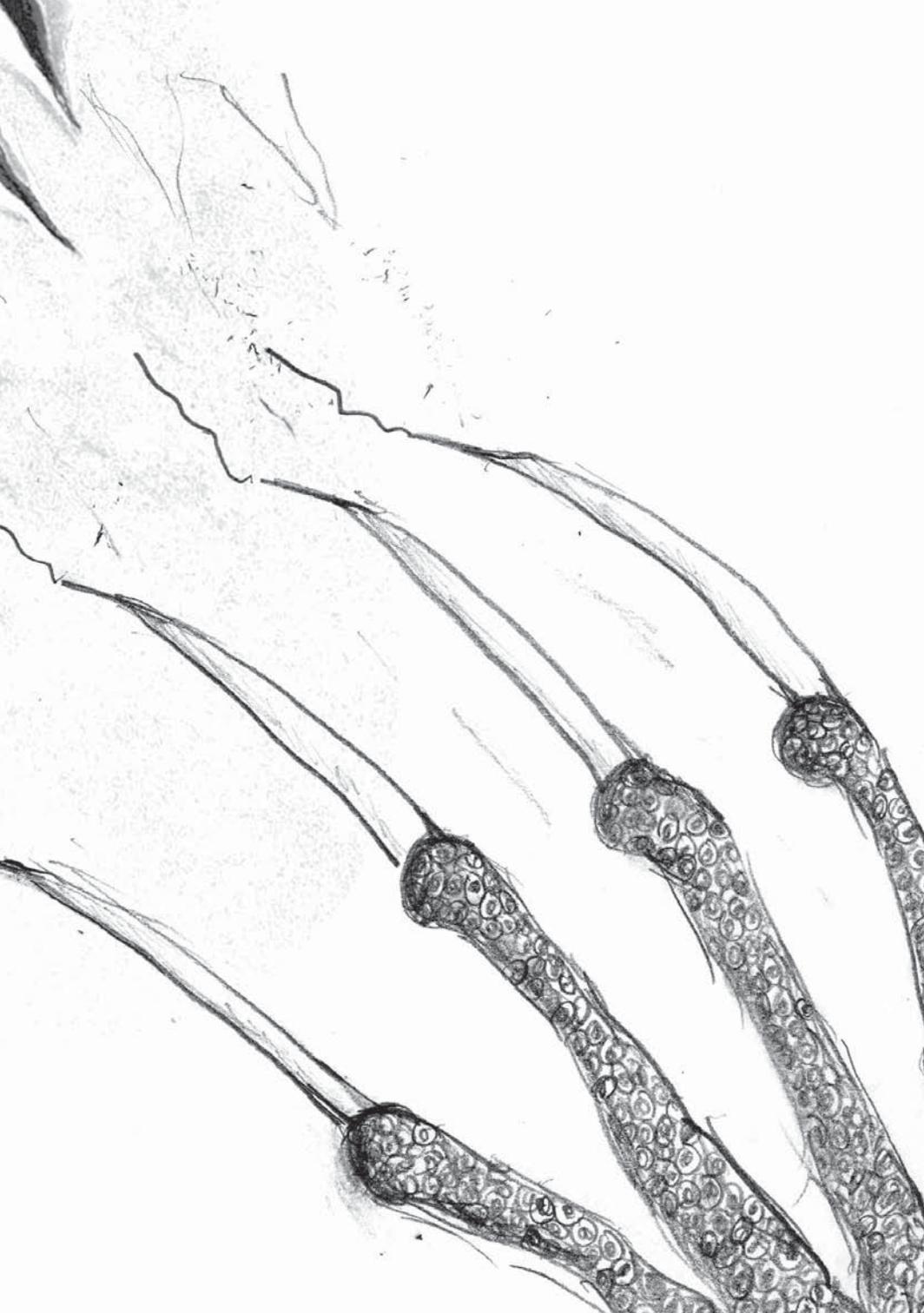
Я не хочу знать правды. И если бы я предвидела, как все обернется, возможно, не стала бы браться за перевод. Но теперь я не могу остановиться...

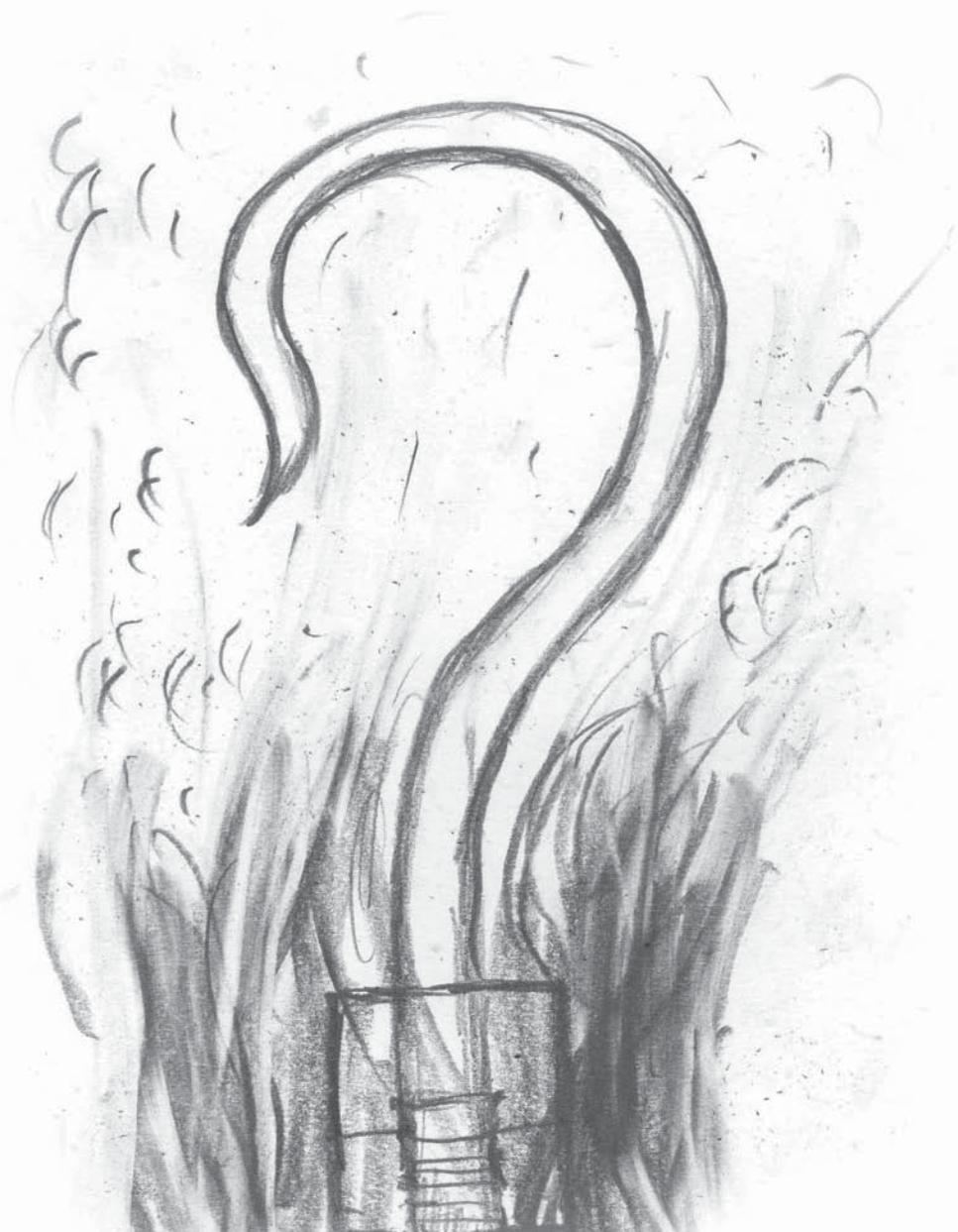
Мне придется узнать ответ.

**ВОССТАНИЕ
НАЧАЛОСЬ**

КАК КРЮК УЦЕЛЕЛ В ПЛАМЕНИ

Все так закрутилось, что у меня не было времени рассказать вам, как Элвин и его мать уцелели в пожаре на Берсерке.

В конце книги «Как освободить дракона» Элвин рухнул в пылающую бездну, а его мать, ведьма Экселлинор, прыгнула следом. Каким-то невероятным чудом они угодили в единственное на Берсерке озеро. Согласитесь, нельзя не восхититься жизнестойкостью этих злодеев. Они плавали кругами почти двое суток (изрядный подвиг для пожилой женщины и одноногого и однорукого мужчины). Когда пожар выгорел и погас, они вышли на берег и благодаря ведьминому дару убеждения добрались на проходившем мимо корабле Страхолюдов в земли Отщепенцев.

Одного не могу вам сказать: как ведьме удалось попутно похитить СТРа Страхолюда.

Я знаю кое-какие ведьмины секреты, но не все.

ПЛОХИ ДЕЛА...

Еще в начале этой книги вас предупреждали, что грядут Темные Времена, и вот теперь тьма сгустилась...

Новым вождем Хулиганов назначили Сморкалу. Стоика изгнали и заклеямили. А Элвин Вероломный заполучил ВОСЕМЬ из Утраченных Королевских Сокровищ, и его объявили будущим Королем Дикозапада...

Что может сделать Иккинг, одинокий, преследуемый и людьми и драконами? Сумеет ли он отыскать Драконий Камень, последнюю и единственную надежду человечества? А если сумеет, что он станет с ним делать?

Читайте следующий том мемуаров Иккинга Кровожадного Карасика III!

~ СОДЕРЖАНИЕ ~

Пролог	11
1. (Не) самый великий день в жизни	15
2. Как они вообще там оказались	34
3. Как сорваться с крючка при помощи крюка ..	56
4. Прятки	68
5. Ужас в котле	86
6. Странная напасть	110
7. Предсказание судьбы, улучшение будущего. .	127
8. Ой, конечно, напрасно они пошли в предсказательскую хижину! Вы что, мемуаров Иккинга не читали?	145
9. Вниз	161
10. Герои вы или медузы в юбках?	164
11. Рыкозавры и электролипы	180
12. Утраченное королевство Дикозапада	195
13. По конькам!!!	213
14. Злокозненная ведьма Дикозапада	223
15. Состязание мечников: дела идут на удивление хорошо	230
16. Дела уже принимают скверный оборот — видите, недолго музыка играла, всего одну главу	242
17. Дела идут все хуже	247
18. Освободить драконов	260
19. Все отвернулись	264
20. Триумф вероломных	275
21. Замок рушится	284
22. Алаярость	292
23. Лети, Ветрогон, лети	302
24. Охота на мальчишку	316
Эпизод, написанный Крессидой Коуэлл, переводчиком мемуаров Иккинга	328

Литературно-художественное издание
Для среднего школьного возраста
СЕРИЯ «КАК ПРИРУЧИТЬ ДРАКОНА»

КРЕССИДА КОУЭЛЛ

КАК УКРАСТЬ ДРАКОНИЙ МЕЧ

Ответственный редактор *Анна Гулявцева*

Редактор *Нат Аллунан*

Художественный редактор *Татьяна Павлова*

Технический редактор *Валентин Бердник*

Корректоры *Лариса Ершова, Маргарита Ахметова*

Компьютерная верстка *Валентина Бердника*

Главный редактор *Александр Жикаренцев*

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, Москва, Павловская ул., д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

Товар соответствует требованиям ТР ТС 007/2011 «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков».

Подписано в печать 09.10.2020. Формат издания 60×90^{1/16}.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21.

Тираж 3000 экз. Заказ №

Дата изготовления 30.10.2020.

Срок службы (годности): не ограничен.

Условия хранения: в сухом помещении.

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

C-KPD-16784-06-R

Годы Начальной Пиратской
Подготовки позади — через
три недели Иккинг и его грузы
станут полноправными воинами.
Но над Варварским архипелагом
сгущаются тучи. Начинают
сбываться грезные пророчества
о Драконьем восстании.

Спасти всех сможет только
новый Король... Кто же им станет?
И какое из Утраченных Королевских
Сокровищ — самое ценное?

ВСЯ ПРАВДА О ДРАКОНАХ!

Именно по мотивам
этого сериала был снят
знаменитейший
мультфильм

«КАК ПРИРУЧИТЬ
ДРАКОНА»!

Что бы там
ни говорили, Иккинг —
настоящий герой!
Рыбенот

ISBN 978-5-389-08774-3 06

9 785389 087743

EAC